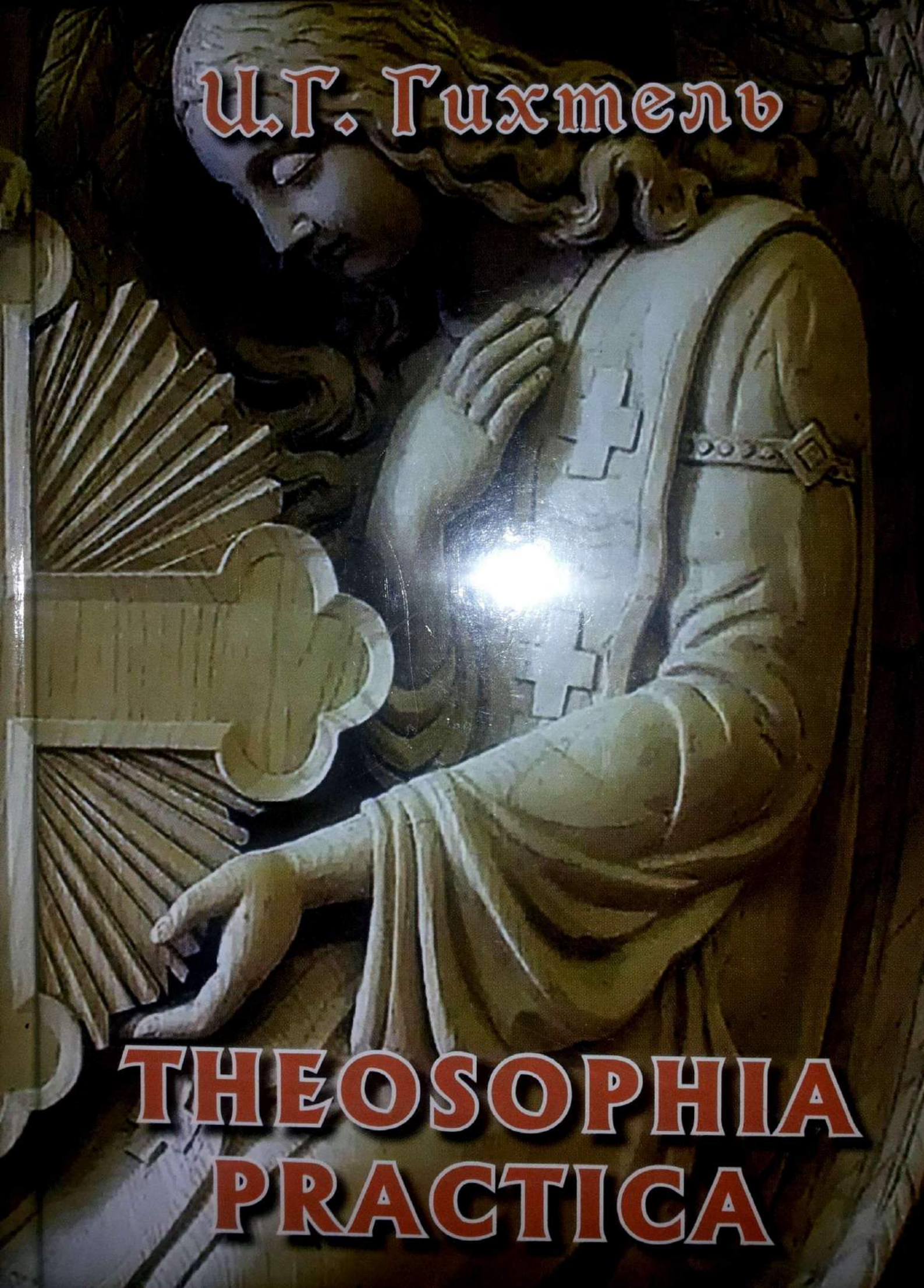

У.Г. Гухменъ

**THEOSOPHIA
PRACTICA**

Иоганн Георг Рихтель

Philosophia Practica

Где изображен

внутренний совершенный человек:
всецело благословенный и просветленный
во всех трех принципах божественной сущности

*Перевод с немецкого
и вступительная статья – С. М. Шаулов*

ARC
2014

УДК 1.14
ББК 873
Г45

Г45 Гихтель, Иоганн Георг. Theosophia practica
(Практическая теософия) / Пер. с нем. и вступит.
ст. С. М. Шаулов. – Уфа: ARC, 2014. — 216 с. : ил.

ISBN 978-5-905551-04-8

ISBN 978-5-905551-04-8

УДК 1.14
ББК 873

© Издательство «ARC», 2014
© Перевод и вступ. ст.
С. М. Шаулов, 2014

Краткое

изложение и разъяснение
трёх принципов

и

миров

в человеке,

представленное

в различных фигурах:

Как и где собственно стоят их центры во внутреннем
человеке; сообразно тому, как сам автор в Божественном
созерцании открыл их в себе и ныне в себе
воспринимает, вкушает и чувствует.

Вкратце с описанием

трёх типов людей по виду

господствующих в них принципов или духа,

в котором любой может увидеть себя как в зеркале:

под каким правлением он в своем образе жизни

стоит и живет.

Наряду с объяснением,

что есть спор Михаила с Драконом,

а также истинная молитва в духе и истине:

срисовано и представлено

Иоганном Георгом Грабером из Рингенхаузена,

Иоганном Георгом Гихтелем из Регенсбурга,

в году по рождестве Христовом 1696.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

1.

Об Иоганне Георге Гихтеле (1638–1710) историки философии и литературы в нашей стране знают, в основном, как об издателе первого полного собрания сочинений великого мистического философа Якоба Бёме (1575–1624). Действительно, одного этого деяния уже было бы достаточно, чтобы имя его сохранилось в исторической памяти: в 1682 году, на заре эпохи Просвещения, «на всё проливающей свет», спустя без малого 60 лет после смерти автора — одного из самых «темных» писателей, как жалуются читатели трех последующих веков (жалуются, но — читают!), преодолевая сопротивление века и препятствия, чинимые окружением, в 15 томах предать гласности Слово, не знающее ни пространственно-временных, ни языковых границ. И если бы мы именно эту работу Гихтеля оценили как главное дело его жизни, едва ли он возразил бы: слишком высоко, как святого и пророка, он ценил своего предшественника и Учителя, чтобы притязать на сравнение. Так и повелось, что разговор о Гихтеле невозможен без упоминания Бёме, тогда как, говоря о последнем, можно о Гихтеле и не вспомнить.

Но в этой нашей раздаче рангов мы не правы в принципе, — ни тот, ни другой ни минуты не помышляли ни об исторической памяти, ни, тем более, о мирской славе или «рейтинге». А эту *соревновательную* черту нашей ментальности восприняли бы не иначе как болезнь. Тот и другой остро чувствовали трагическую подоснову бытия, гибельность для души окружавшей их жизни и ощущали себя призванными Святым Духом указывать человеку путь к спасению души. И книга Гихтеля, перевод которой мы сегодня представляем читателю, интересна отнюдь не только как практический извод, комментарий и дань признательности учению Бёме. Если принять особенности языка и манеры выражаться как исторически неизбежную дань традиции, которой они принадлежат, то страстность и убежденность автора, его нравственный пафос таковы, словно книга написана сегодня и для сегодняшнего читателя.

В нём, сегодняшнем, при всей овнешненности и практицизме наступившей жизни, еще жива потребность проникаться духом, открывавшим истину визионерам XVII века. Волнующее чувство, испытываемое при чтении Бёме, — чувство причастности к древнему архетипу (если пользоваться термином аналитической психологии), жизни на *границе* тайны, уводящей мысль в глубины неосознаваемого, несомненно, имеет синтетическую, целостную природу, в которой интеллектуальное переживание нераздельно с эстетическим. Читатель вынужден увидеть себя в необычном мире едва осязаемых, но оттого не менее реаль-

ных субстанций, за которыми приоткрывается вечная и бездонная непроглядная глубина (Ungrund) пустоты, пронизанной напряженной *жаждой иного*, тоской по воплощению. И одновременно читатель открывает этот мир, со всей его бездонностью, в глубинах собственной душевной организации. Но главное — читатель по-новому видит свою жизнь — «Оком Вечности, которое ни в чем не стоит и ни во что не смотрит, ибо оно бездна» (Бёме). Бёме, как он сам это ощущал, «под диктовку» Святого Духа представляет читателю Творение и *человеческую ситуацию* в нем и, *приводя себя в пример*, убеждает человека в том, чему и как следует подчинить жизнь. Гихтель целиком живет в *том же* мире, подтверждает его реальность и делится с читателем личным *практическим опытом* тяжелейшей душевной работы, «огненно-серьезной» борьбы и победы над «красным драконом самости» ради «брака с небесной Софией».

Эта книга, как и другие писания Гихтеля, в еще большей степени, чем сочинения Бёме, принадлежит к *душестроительному*, назидательному роду литературы, — *erbauliche Literatur*, о которой в наших учебниках если и найдешь упоминание, то, как правило, вскользь, с иронией, как о предмете, не стоящем внимания. И дело здесь не только в *пиетизме*, к которому у нас давно сформировалось именно такое отношение: возникнув в протестантизме середины семнадцатого века как обновленческое движение, требовавшее от христианина углубления веры, непрерывного и деятель-

ного сознания ответственности перед неотступно присутствующим в его жизни Христом, потом, по ходу века восемнадцатого, он выхолостился в тиранию нравов и ассоциировался с ханжеством и лицемерием. Книга Гихтеля, искренняя, выстраданная, с заметным усилием преодолевающая уже принятое было решение молчать и утаить от мира «жемчужину познания», обретенную мучительно высокой ценой, безусловно, относится еще к вершинным созданиям пиетизма. И одновременно она — памятник эпохи ранней (в контексте четырех веков) рецепции учения Бёме, еще не знавшего о пиетизме, но тоже мало интересовавшего нашу академическую науку¹. Естественно, что и рядовой читатель — искатель духовной самоорганизации и жизненного самоопределения — был практически лишен возможности ими заинтересоваться. Причина своеобразной, никем прямо не декларированной, но долговременной табуированности этих и подобных им фигур для академической истории философии лежит, прежде всего, в их очевидной внутренней принадлежности к упомянутому роду литера-

¹ На протяжении советских десятилетий практически единственной статьей, конкретно ему посвященной, была: *Левен В. Г.* Якоб Бёме и его учение // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5 (11). С. 67–81. Следующая достойная упоминания работа вышла уже в годы перестройки: *Лазарев В. В.* Становление философского сознания нового времени. М.: Наука, 1987. Подробнее о ситуации в отечественном *бёмеведении* см. в: *Шаулов С. М.* Истоки национального своеобразия немецкой поэзии: Реформа Мартина Опица и философия Якоба Бёме. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. С. 232–272.

туры, в их связи со всем тем духовно-историческим опытом, который отбрасывался оптом пренебрежительным ленинским термином «поповщина», в синкретической нераздельности в их мысли вопросов теософии и личной религиозности человека, с которыми и связан главный *нравственный* пафос этой философии, глубоко чуждый основаниям нашей науки.

Впрочем, исследовательский и (прежде всего!) собственно религиозно-философский интерес к этой традиции был приглушен у нас еще в XVIII веке, когда его мощный подъем был пресечен указом Екатерины (1787), запрещавшим частное издание книг, «до святого касающихся». Впечатляющий объем переведенного русскими масонами и розенкрейцерами, изданного и готовившегося к изданию, можно было оценить на выставке «500 лет гнозиса в Европе», проходившей в 1993 году в Москве и Санкт-Петербурге, и в материалах проведенной тогда же конференции². Здесь достаточно заметить, что в него входит как весь, уже тогда переведенный, корпус сочинений Бёме, так и пришедшая сегодня к читателю книга Гихтеля — в каталоге мы видим рукописную страницу перевода ее титульного листа и стилистически облагороженное воспроизведение одной из «фигур» — для третьей главы³.

² См.: 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Амстердам, 1993; 500 лет гностицизма в Европе: Материалы конференции. М.: Издательство «Рудомино», 2001.

³ 500 лет гнозиса в Европе. С. 206.

Водившая дружбу с радикальными *рационалистами* европейского Просвещения, Вольтером и Дидро, русская царица не ограничилась интеллектуальной критикой мистического крена в российском Просвещении и сочла необходимым употребить власть. Но и обеспокоенность церкви в подоплеке этого указа кажется очевидной: ни гностические (то есть *языческие*) корни, ни прорывающийся на поверхность экуменический пафос этой религиозной философии, ни пронизывающий всю эту традицию активный *креативно-личностный* характер отношений между человеком и Богом не могли не вызывать её тревоги.

К тому же, наверняка, тогда еще был хорошо памятен самый драматический эпизод в истории проникновения в Россию учения Бёме — знаменитая, потому что одна из последних в истории человечества, если не последняя, казнь на костре поэта Квирина Кульмана, ученика Гихтеля⁴, и купца Конрада Нордермана в 1689 г., ставшая итогом конфликта этих *миссионеров бёмизма* с *московским протестантским* духовенством. Временная близость этого события к издательскому подвигу Гихтеля (1682–1689) нам, во всяком случае, говорит о многом. Естественно, возникает сравнение еще во многом средневековой России с уже вполне в духе Нового времени толерантной Голландией, где в это время «Ангельское братство» уже существовало и переживало драматичнейшие внутренние коллизии,

⁴ См. статью о Гихтеле в «Православной энциклопедии»: <http://www.pravenc.ru/text/165049.html>.

о которых в своей книге упоминает его создатель Гихтель. Но прежде всего, оба события говорят о степени отхода *этого* поколения адептов бёмизма от протестантской догмы, об их противостоянии церкви, о разрыве с которой для Бёме еще не могло быть и речи.

А следующий всплеск увлечения Бёме в России пришелся на Серебряный век, когда наряду с ним и другими классиками традиции и Гихтель непосредственно оказал влияние, например, на софиологию Вл. Соловьева⁵. Однако на этот раз дело кончилось «философским пароходом», который, — с милостивого (могли ведь просто расстрелять) соизволения большевистского правительства, — увез из России охваченных этим увлечением мыслителей (Н. Бердяев), что происходило при молчаливом непротивлении церкви: сложившаяся в нашей стране ситуация *в этом вопросе* должна была ее вполне устроить, хотя воинствующий атеизм новых властей вполне подразумевал и её самое в расхожей формуле «мистика и мракобесие», а их (наша!) партийная и классовая, хотя и гуманитарная, наука, — история культуры ли, литературы, философии, религии, — выстраивала свои концепции, практически игнорируя традицию, о которой мы говорим сейчас в связи с Гихтелем.

Его небольшая по объему книжица, посвященная в общем-то одному, хотя и главному для автора аспекту человеческого существования, подобно морской капле, содержащей в себе всё химическое

⁵ См. там же.

богатство океана, должна была, по замыслу автора, резюмировать мысли, выраженные им в письмах, составивших после его смерти восьмитомник (1722) его сочинений, но сверх того вобрала огромный культурно-исторический контекст. Мы не случайно чувствуем потребность в определении этой «традиции» перебрать едва ли не весь номенклатурный перечень разграничившихся сегодня гуманитарных дисциплин, потому что она сама никогда и не мыслила себя как «отраслевая» дисциплина. Наши современные номинации ей чужды. Ибо она мыслит себя как *наука вообще*, а скорее, как *образ жизни*, утверждаемый и утверждающийся на основании *сокровенного знания сущности* мира и человека.

И следует сказать прямо, что это такое *знание* и такой *образ жизни*, которые едва ли могут устроить и когда-нибудь устроят как светскую власть, так и церковь, претендующую на духовное водительство. Так что понятно отношение к этой традиции и со стороны отечественной науки, десятилетиями идеологически обслуживавшей большевистскую власть. Игнорируя либо отвергая роль этой традиции в истории культуры, она вместе с тем игнорировала и большую культурно-историческую проблему, лишь в постперестроечные десятилетия по-настоящему обращающую на себя внимание, — роль *эзотерического* и *окультурного* знания в формировании на заре Нового времени современного самосознания и самоопределения человека, когда всё многообразие пришедшего из древности гермети-

ческого, оккультного, каббалистического и магического интеллектуального опыта пережило многогранный процесс актуализации и христианизации, борьбы за легализацию, и стало важнейшей составной частью гуманистического мировоззрения.

2.

Представление об этом процессе важно восстановить, хотя бы в общих чертах, еще и потому, что без него творения и Бёме, и Гихтеля, а вместе с ними и до, и после них — огромного числа творцов и адептов⁶ развивающегося и углубляющегося учения выглядят (а так их и стремились представить их противники!) порождениями маргиналов, которые в силу обуревающих их комплексов заселяют обочину магистрального направления мирового прогресса. Но это не так! Во-первых, и прогресс, как мы его теперь себе представляем, был бы невозможен без этой традиции, потому что *наука* (в нашем понимании) исторически *начинается* с рожденного в атмосфере гнозиса пристального внимания к *природе как вместилу высшего смысла*. Во-вторых, самым своим (продолжающимся!) существованием эта традиция продолжает настаивать на *главных* вопросах человеческого бытия, к ответам на которые порожденная ею *наука* так и не приблизилась (откуда взялась материя? что такое жизнь? что такое разум?) и вообще отвернулась от

⁶ Сошлемся вновь на упомянутые выше материалы выставки «500 лет гнозиса», где читателю представлены такие списки.

высшего смысла как от некорректной постановки цели. В-третьих, кажущаяся асоциальность этой традиции, что, в частности, уже очень четко чувствует в отношении окружающих и Гихтель, и утопичность ее социальных построений, например, в творчестве Иоганна Валентина Андреэ, обусловлены тем, что, обращенная к *внутренней сокровенной сущности* человека, она как раз представляет *основание*, на котором и исходя из которого должно было бы строиться человеческое общество. Просветители, *вышедшие* из этой традиции, еще *хотели* строить общество «по образу и подобию» человека, но их рационализм и социально-экономический практицизм, выведя за скобки Бога и тем самым упростив человека, в итоге ведут и к обществу, игнорирующему «внутреннего» человека, т. е. оторванному от *основания*, и к человеку, отчужденному от общества, так что и то и другое, и как раз *на тике* прогресса — в XX веке, оказываются перед реальной перспективой уничтожения, которая означает невозможность дальше *подгонять человека под идею* общества и необходимость вернуться, хотя бы ощупью, к человеческому основанию.

Процесс, о котором мы говорим, начался в эпоху Возрождения и получил решающий импульс к развитию в публикации в 1471 году «Герметического корпуса» в латинском переводе президента Флорентийской академии Марсилио Фичино. На протяжении XVI века и первых десятилетий XVII семена древнего гнозиса преобразили и оплодотворили духовную атмосферу Европы. Увлечение оккультным знанием, герметическими

науками, магией, каббалой, алхимией и астрологией охватывало все более широкий круг мыслящих людей, смещаясь в центр интеллектуальных и духовных интересов, не только пронизывало философскую мистику и натурфилософию, оформляло и одухотворяло большую политику, приватное поведение и отношения между людьми, но и профанировалось в виде колдовства и ведовства в повседневной духовно-бытовой практике широких слоев населения, становилось предметом дискуссий, споров, напряженного внимания и острой реакции церкви. Всё это долго не входило в бытовавшее у нас идеализированное и во многом идиллизированное представление об «эпохе Возрождения».

Понимание действительной роли древней гностики в качестве движущей силы ренессансного свободомыслия и знакомство с текстами «Герметического корпуса» позволяют, с одной стороны, по-настоящему объяснить то ожесточение, с которым церковь вступила в борьбу с *этим* «свободомыслием»: не говоря о внецерковности, гностицизм исповедует по сути внеконфессиональную религиозность и неотделим от *практики* созерцательно-мистического общения и магического взаимодействия с Богом на том основании, что мир и всякая вещь в нем, следовательно, и человек, суть множественная опредмеченность и воплощенность единой и целостной Божественной Воли. Человек же в этой множественности отличается от других ее частей тем, что способен *постигнуть* «Бога в себе» и, подавив собственную волю, позволить вершиться над собой Воле Божьей,

и тем самым выйти из множественности и «частичности» (Бёме), приобщившись Божественному началу.

В основе такого философствования, неотрывного от образа жизни (часто и магической практики философа!), как его главная побудительная причина лежит *религиозное переживание*, в котором истина *дана*, не познается анализом чувственных впечатлений, а *чувствуется* прямо, *знаема* заведомо. И в этом знании, как пишет по этому поводу Гегель, «дух может родить себя как целое»⁷. Поэтому множество, то есть весь мир, предстает не как данное само по себе, а как «книга» или — арсенал примеров и аргументов, в котором носителю знания открывается единство и единственность истины, а его философствование по внутренней своей интенции — ни что иное, как *проповедь* откровения и *живописание* переживания, «мистические грёзы», как с некоторым пренебрежением замечает тот же Гегель⁸, безжалостно логицизирующий и рационализирующий традицию, из которой вырастает его *система*.

Трудно не заметить в таком *знании/переживании мира в себе и себя в нем*, ощущаемом целостно и абсолютно, отдаленного истока романтического мироощущения и далее — духовно-эстетических стремлений рубежа XIX–XX веков. В таком философствовании обращает на себя внимание особая функция слова — инструмента и формы воплощения и представления

⁷ Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Dritter Band. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1982. S. 108.

⁸ Ebenda.

переживания. В то время как собственно поэзия на протяжении XVI века так или иначе склонялась к унифицирующим, логицизирующим стратегиям (риторики, петраркизма, классицистической нормативности), слово в философии часто вставало перед необходимостью выразить *реальное* переживание. Именно на философских сочинениях подчас лежит та неизгладимая печать *индивидуальной* виртуозности, мощи и глубины высказывания, которую позже, в течение XVIII века, постепенно привыкали ассоциировать с поэзией и которую со времени романтиков стали понимать как собственно поэтическое начало. Встречным курсом и примерно в те же сроки философия придет к строго логическим правилам мышления и строгому языку абстракций. Иначе говоря, присущая философскому сознанию на рубеже XVI–XVII веков форма интуитивно-художественного мышления ориентирована никак не только на «специалистов», даже когда герметический текст обращался только к adeptам учения, а непосвященному читателю мог казаться «темным», — и тогда он бывал рассчитан, как сказали бы теперь, на *широкий круг* «заинтересованных» читателей, волновал и увлекал яркой образностью, указанием на таинственную многозначность и смысловую глубину привычных явлений и предметов. Одним словом, философский текст воздействовал поэтически.

К Германии всё сказанное имеет особенное отношение. Со времени Майстера Экхарта она заняла ведущие позиции в европейской мистической традиции, для которой стала поистине оплотом и рассадником

на несколько веков. Философия такого свойства была здесь занятием, интересным отнюдь не только кабинетным философам. Непосредственная связь с проповедью, уже на родном языке, с монастырским и церковным обучением, с атмосферой учебных и ученых «диспутиций» и «коллатиций», обсуждений религиозно-философских теорий в инквизиционных процессах (как было, например, с Экхартом) — всё рисует нам это философствование, как важнейший фактор интеллектуальной жизни, размыкающий ее в сферу широкой богослужебной и образовательной практики, глубоко затрагивающий своим жизнеучительным пафосом массу заинтересованных прихожан. Решение богословских и вероисповедных вопросов проходило в гуще жизни. Религиозное переживание подпитывалось не только созерцательной отрешенностью или интеллектуальным усилием, но и многообразной жизненной практикой.

Очевидные предреформационные тенденции в этой традиции помогают понять ту готовность, с которой Германия откликнулась на выступление Мартина Лютера⁹. Почва для новой конфессии была подго-

⁹ О развитой в «Речах наставления» Экхарта «антидогматической, по сути предреформационной „этике бытия“» см.: Реутин М.Ю. Предисловие переводчика // *Майстер Экхарт*. Об отрешенности. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 9–10. Ср.: «Сочинения немецких мистиков Иоганна Экхарта (Мейстер Экхарт), Иоганна Таулера и Генриха Сузо помогли Лютеру поставить под сомнение авторитет Рима, а Мюнцеру в свою очередь опровергнуть авторитет лютеранства». — Ревуненкова Н. В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988. С. 147.

товлена тем «способом мышления», который проби-
вал себе дорогу в мистицизме вопреки нараставшему
церковному формализму¹⁰, потому что опирался за-
частую на *личное* религиозное переживание фило-
софа, на его восприимчивость к «откровению» и на
интуицию. Моментом, подготавливающим в традиции
мистицизма появление реформационной идеологии,
становилось признание приоритета *индивидуального*
религиозного чувства, которое одно только и может
подсказать человеку меру его личной близости Богу
или отторженности от Него, меру ответственности че-
ловека перед Богом. В частности, никакого «отпущения
грехов» одним человеком другому (тем более — за
плату!?) быть не может, более того, грех невозможно
«отпустить» — можно, как показывает явленный Гих-
телем душевный опыт, ценой невероятных внутренних
усилий, внешних лишений, терпения и «вожделения»
единственно Бога, стяжать прощение, милосердие
и любовь Божью, ощутить их как благодатное обнов-
ление эссенциальной (сущностной) *тинктуры* бытия,
а может быть и созерцать их в явленных образах в ви-
дении. Для такого типа религиозности церковь уже не
являла собой единственно возможный иерархический
порядок вероисповедного акта. Поэтому, единожды
воспользовавшись новым «способом мышления» для
своего становления, и протестантская церковь стре-

¹⁰ О противостоянии именно «способа мышления» мистиков
нараставшему «формалистическому консерватизму» церковной
мысли см.: Реутин М.Ю. Предисловие переводчика. С. 5–6.

мительно пережила процесс консервации и стала с не-
меньшим рвением, чем католическая инквизиция, пре-
следовать всякое обновленчество.

Сходный «способ мышления» не был чужд и высо-
кой спекулятивной философии, отнюдь не ставившей
реформистских целей. Так, философия Николая Ку-
занского, первого философа Нового времени¹¹, была
воспринята многими современниками и критиковалась
как прямое продолжение мистики XIV века, что сам
философ, защищаясь, объяснял непониманием, об-
условленным господством аристотелевской школы¹².
Органично и легко еще до публикации перевода Мар-
силио Фичино в его философию входил герметический
комплекс идей, представлений, переживаний. В них
видятся истоки того переосмысления, которому в ней
подверглась платоническая (и неоплатоническая) тра-
диция¹³: множественное у него не противостоит едино-
му (Божественному началу), а *представляет* его своей
совокупностью, хотя и не исчерпывает, потому что еди-
ное абсолютно, беспредельно и потому не может быть
конкретным. Этот «отход к пантеизму» (П. П. Гайден-
ко) как раз и сближал папского приближенного, как
справедливо отметили аристотелики, с Майстером Эк-

¹¹ О Николае Кузанском как о «предшественнике новоевропей-
ской философии» и «новой науки» см.: Гайденко П. П. Николай
Кузанский и принцип совпадения противоположностей // Во-
просы философии. 2002. № 7. С. 131.

¹² См. об этом: Там же. С. 138.

¹³ Гайденко П. П. Указ. соч. С. 138.

хартом, обвинявшимся в свое время в ереси, и вел к идее *совпадения противоположностей*, по смыслу совпадающей с вторым постулатом «Изумрудной скрижали»¹⁴, а в перспективе — к установлению, по существу, *семиотического отношения* между Божественным смыслом (Замыслом Творца) и явленными человеку вещами. Всякая вещь во вселенной Николая Кузанского, пребывая в Боге (ибо вне Его нет ничего), связана с абсолютным «Основанием» и сигнализирует о нем («хвалит Творца»), дает Его ощутить, но не дает конкретного представления о Нем, поскольку ни одна вещь в силу своей определенности актуально не может достигать *максимума* (совпасть с «Замыслом»), не только абсолютного, но и видового или родового. Ибо максимальный предел и всякого вида, и рода — един.

Но поскольку человек, пребывая в своей определенности в *том же* семиотическом отношении к Богу, занимает в мире *срединное* положение, — «как высшая ступень низших и низшая ступень высших порядков», вследствие чего природа его «свернуто заключает в себе все природы»¹⁵, — то для него признается *возможным* достижение «такого максимума», в котором его природа «оказалась бы поэтому полнотой всех совершенств и универсума в целом и каждой отдельной

¹⁴ «То, что внизу, существует так, как оно есть наверху, / а то, что наверху, существует так, как оно есть внизу, / чтобы воплотить собой явленность единого сущего». — Высокий герметизм. СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. С. 24.

¹⁵ Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1979. С.150.

вещи, так что всё через человека достигло бы своей высшей ступени. Но с другой стороны, человек существует только конкретно, поэтому подняться до соединения с максимумом было бы возможно *только одному*, воплотившему в себе всю истину человека»¹⁶. «Вся истина человека» оказывается равна всей Божественной истине, а человек, не переставая быть человеком, является также «малым богом». Логика рассуждений непреложно и естественно ведет его к образу Иисуса, но идея Сына Божьего выведена здесь из особенностей человеческой природы как таковой, для которой (и среди сотворенного мира — только для нее!) «такой максимум» признается в принципе возможным, по крайней мере — «сколько-нибудь»¹⁷.

Академическая философия была родственна мистической традиции в *переживании* единства мира как всеобщей, пронизывающей его и явленной во всех его вещах *жизни* духа. По другую сторону этой духовно-родственной связи, где над интеллектуальной спекуляцией преобладали стремления *проникнуть* в эту жизнь, *овладеть* ею и *использовать* ее, геометрические аналогии, частые у Николая Кузанского, в натурфилософских построениях чаще уступали место пластическим образам и органическим понятиям, что уже само по себе ориентировало интеллект на *деятельное* обнаружение этой жизни в себе и окружающих вещах, приобщение к ней. Так, идея, центральная для фило-

¹⁶ Там же. С. 150–151.

¹⁷ Там же. С. 149.

софии Николая Кузанского и пронизывающая полтора века мистической натурфилософии, да и по сей день едва ли «устаревшая», у Парацельса могла выглядеть так: «Природа жизни Вселенной *едина*, и источником ее может быть только вечное Единство. Это организм, в котором все природные вещи пребывают в гармонии и симпатии. Это Макрокосм. Всё есть плод единого мирового созидательного усилия; Макрокосм и человек (Микрокосм) — едины. Они — суть одна констелляция, одно влияние, одно дыхание, одна гармония, одно время, один металл, один плод»¹⁸.

Из такого представления о мире, как из единого корня, изводятся все занятия человека, от медицины до политики, от механики до поэзии. В каждом из них *мастер* выступает прежде всего как универсальный философ, обнимающий мыслью мироздание. И любое занятие не может восприниматься иначе, как способ постижения Единого, в любом мастеру-магу приоткрывается возможность преодолеть ограниченность и искажающую Замысел определенность социального, физического, временного бытия человека и, воплотив в себе всезнание, влиять на природу (пусть даже — только собственную!) в соответствии с Высшим Законом. Для этого необходимо именно «вчитаться» в мир, воспринимаемый

¹⁸ Цит. по: Гартман, Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. С. 78. (Курсив принадлежит источнику). Комментируя приводимое высказывание, автор с полным основанием отмечает близость выраженного в нем взгляда к философии Платона и Плотина.

как текст, состоящий из движущихся «иероглифов», «эмблем», «фигур», «знамений», — ничто в мире не существует само по себе, ничто не обладает смысловой самодостаточностью своего ограниченного физического существования, — всё «значит». Астрология, алхимия, медицина, математика (нумерология, каббала) суть различные и связанные между собой способы прочтения единого «значения», вникания в него. Наблюдение внешнего мира еще накрепко связано с мистическим созерцанием, эмпирика предстает как накопление *духовного* опыта «трансмутации» «внутреннего человека» в скрытую от глаз сущность мира, эксперимент — магический акт внедрения в тайное тайн и вынесения этого опыта в сферу повседневности. Теоретическое усилие состоит в построении опять-таки «фигур», «эмблем», «иероглифов», — знаковых иносказаний, моделирующих «симпатии» (взаимовлияния) «субстанций», «эссенций», «тinctур», «металлов», каковые «симпатии» трактуются то и дело в терминологии, которую мы теперь без колебаний отнесли бы к области психологии, и каковыми «симпатиями» и объясняется всё, что происходит в природе и обществе сейчас, происходило в прошлом или пророчится в будущем. Сами же «знаки» (визуальные, числовые, вербальные, небесные констелляции, химические опыты) воспринимаются не иначе, как «ключи», открывающие сокровенное. Занятия эти представлялись столь важными, а добываемый опыт столь ценным, что все остальное в существовании человека зачастую казалось бранным, не заслуживающим внимания.

Герметическая гностика оказывается, таким образом, цементирующим ферментом пронизывающего духовную атмосферу эпохи ощущения целостности всего предыдущего пути бого- и миропознания, укрепляет чувство его сакральной предопределенности и открытости для творческой (сотворческой Богу) интуиции и инициативы, наконец, и чувство близости его завершения. Этот комплекс переживаний неотъемлем от эсхатологических настроений накануне Тридцатилетней войны (1618–1648): история завершалась (*времена исполнялись*), человечество стояло на пороге «откровения» и «Всеобщей Реформации этого пространного мира». Отовсюду слышались призывы вернуться к *изначальному смыслу* Слова Божьего и преодолеть на этой основе все конфессиональные разногласия. Новая конфессия, воссоединяющая христианский мир, объемлющая все сферы человеческой деятельности и поглощающая самое церковь, казалось, вырисовывалась на историческом горизонте. «Утренняя заря в восхождении!» — провозглашал Бёме заголовком своего первого и самого знаменитого сочинения, написанного в 1612 году.

Самым ярким предложением такой всеобъемлющей духовной и интеллектуальной доктрины явилось *розенкрейцерство*. Снабженное всеми атрибутами заявляющего о себе вероисповедания: агиография отца-основателя и обращение его адептов-апостолов «ко всем ученым и вождям Европы» с воспринятыми ими «откровением» и с изложением основ «испове-

дания» — это явление розенкрейцеров Европе вместе с тем обладало таинственной нечеткостью очертаний и иренической открытостью для *любого* ума, стремящегося к познанию истинны мира, заключенной в Боге и «его служанке Природе», и к христианскому благочестию. При этом обратный адрес для последовавших многочисленных публичных обращений ученых и знатных мужей, желавших быть посвященными в Рыцари Ордена Креста-Розы, отсутствовал.

Жгучий интерес, подогреваемый в течение ряда лет появлением анонимных розенкрейцерских документов¹⁹, быстро превратился в «розенкрейцерский фурор», охвативший просвещенное европейское общество²⁰, вы-

¹⁹ Это однозначно приписываемые сегодня авторству И. В. Андреэ «Откровение Братства» (*Fama Fraternitatis, dess Löblichen Ordens des Rosenkreutzes, an alle gelehrte und Häupter Europae*), появившееся в 1614 г., «Исповедание Братства» (*Confessio Fraternitatis R.C.*, 1615) и «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца. 1459 г.» (1616).

²⁰ «Только за первые десять лет после появления «*Fama Fraternitatis*» было опубликовано более 300 работ, в которых представители самых различных кругов высказали свое мнение о феномене розенкрейцерства. Теологи всех христианских конфессий, медики старой галеновской и новой парацельсовской школы, консервативные последователи Аристотеля и приверженцы герметической философии, алхимики, астрологи, юристы, политические публицисты и литераторы страстно обсуждали, оспаривали или защищали невидимое братство и провозглашенные им радикальные изменения в религии, обществе и науке. Это происходило не только в Германии, но и в Англии,

звал настоящий бум создания в больших и малых столицах ученых Обществ и Орденов по аналогии с Братством розенкрейцеров и — ожесточенную реакцию церкви, и не только католической. Всё это свидетельствует о глубокой культурно-психологической востребованности и стремительном распространении в интеллектуально-духовной атмосфере Европы и, прежде всего, Германии определенного *стиля мышления*, — именно так английская исследовательница Френсис Алиса Йейтс предлагает понимать термин «розенкрейцерство»²¹, говоря о «розенкрейцерской культуре» и «розенкрейцерской цивилизации». Этот стиль мышления оформляется внутри ренессансной герметико-каббалистической традиции и по мере оформления обретает свой язык в алхимической символике.

В этом стиле духовно-религиозная, теософская составляющая доминировала в «научной» картине мира и человека. Религиозное переживание питало и испытывало мысль на способность следовать смыслу и логике гигантского замысла Творца во всех частностях и хитросплетениях природы на способность объять мир в целостности его конструкции и механики и выразить воспринятое в созерцании и наблюдении языком, доступным всему человечеству. Главной

Голландии, Франции, Италии, Богемии и Швеции». — Гилли, Карлос. Розенкрейцеры в России в XVII и XVIII вв. / 500 лет гностицизма в Европе: Материалы конференции. С. 64.

²¹ Йейтс Ф. А. Розенкрейцерское Просвещение. М.: Алетея, Энигма, 1999. С. 387–388.

целью науки при этом представлялось «просветление человека», которое одно только и могло вести к «всеобщей Реформации этого пространного мира». Так на пороге научной революции, разделившей и обособившей в конечном итоге научные дисциплины, в последний раз заявил о себе *синкретизм* человеческого сознания, в котором теософия обнимала, вынашивала и питала не только этику и философию природы, но и космологию и космогонию, физику и механику, астрономию и геологию, химию и биологию, наконец, педагогику и социологию. И потому теософия была наукой наук, «корнем и матерью» всего знания: понять исток и характер («механику», «химию») действия в природе Святого Духа, осознать через природные явления Его явленность человеку, вывести из этого осознания следствия, практически важные для его жизни, — это и было стержнем интеллектуально-духовных усилий мыслящей части общества.

Из глубины этой атмосферы, воплотив и выразив ее в оригинальных теоретических построениях, излагавшихся в страстной пророческой интонации, высказался великий немецкий теософ, а по сути — родоначальник немецкой философии Нового времени — Якоб Бёме, простой сапожник, силой духа и напряжением ума, или, как чувствовал и полагал он сам, по милости и по воле Бога, превратившийся в знаковую культурную фигуру эпохи. Принадлежность его учения к традиции гностики и герметизма сегодня никто не оспаривает, столь же очевидно для последователей и исследова-

Scan Series by Taces Gekato

телей его идейное родство с еврейской каббалой, а с другой стороны, признается не только его глубочайшее воздействие на духовную жизнь столетия, но и непосредственное влияние на мыслительные процессы последующих эпох.

3.

Гихтель получил возможность *глубоко* заняться сочинениями Бёме, видимо, только в тридцатилетнем возрасте, когда он вторично приехал в Нидерланды и уже окончательно поселился в Амстердаме (1668), где вступил в общину последователей Бёме²². К тому моменту он был сложившимся мистиком и визионером, познавшим изгнание и тюрьму, отчаяние и откровение, сомнение и попытку самоубийства, встречи и расставания с единомышленниками, скитания по городам и весям Европы. Другими обстоятельствами, отличавшими его судьбу от гёрлицкого домоседа, послушного прихожанина и прекрасного семьянина Бёме²³, были учеба

²² Приводимые здесь и далее сведения о биографии Гихтеля почерпнуты, главным образом, из упоминавшейся Православной энциклопедии, — <http://www.pravenc.ru/text/165049.html>.

²³ Тюремный опыт Бёме ограничивается краткосрочным заключением в тюрьму гёрлицкой ратуши летом 1613 года, когда обнаружилось распространение списков его первого сочинения «Утренняя заря в восхождении» и он подвергся церковному и административному допросам о его вере. Его отпустили, наказав «забыть об этих делах» (бургамистр), пастор запретил ему писать, и он соблюдал этот запрет вплоть до начала войны. Он,

Scan Series by Tades Gekatoiff

в Страсбургском университете, который он окончил в 1663 году, и адвокатская практика по возвращении в родной Регенсбург. Это обычное начало самостоятельной жизни выходца из патрицианской семьи было, однако, отягощено его миссионерской деятельностью в «Душеполезном обществе Иисуса для улучшения христианства и обращения язычников», что привело к конфликту с городскими церковными властями, и вместе с основателем Общества бароном Ю. фон Вельцем он был вынужден покинуть город, Германию и впервые побывал в Нидерландах.

В считанные годы события и встречи с людьми, выпавшие ему на долю, сделали его ум и душу благодатной почвой для восприятия духовного наследия Бёме: до 1667 года, когда он вновь объявится в Нидерландах, он успевает сделать попытку вернуться в Регенсбург, по пути, из Нюрнберга, известив об этом письмом тамошних клириков, что имело следствием арест уже в Нюрнберге и препровождение в регенсбургскую тюрьму, где ему и суждено было, судя по упоминанию об этом эпизоде в «Практической теософии», пережить величайшее отчаяние и величайшую милость Христа, дающего просветление и избавляющего от страха. Так что после освобождения он отказывается от покровительства, предложенного ему членом магистрата правда, не сидит на месте: продав в том же году сапожную лавку, занялся коммерцией, но его поездки, скорее всего не только коммерческого характера, были именно поездками с неизменным возвращением домой, где он жил семейно, растил четверых сыновей и умер в своей постели.

И. Фуксом, предпочитая скитание, во время которого посещает ряд немецких земель и Вену, чтобы затем вновь обратиться на север и вернуться в дом пастора Бреклинга в Зволле (Нидерланды), где бывал в первый приезд, чтобы вновь, теперь за поддержку критики, которой хозяин дома подверг местное реформатское духовенство, попасть в тюрьму.

Всё здесь удивительно типично, хрестоматийно даже, — от расположения Регенсбурга на скрещении путей, по которым традиционно, на протяжении XVI–XVII веков распространялась по Германии гностическая наука, — с севера на юг по прирейнским землям между Лондоном/Амстердамом и Веной и с востока на запад — между Прагой (откуда рукой подать до Гёрлица) и Страсбургом (рассадником тайного кальвинизма), — до конечного прибежища сторонников «всеобщей Реформации», впрочем, для многих это бывал Лондон. От Джордано Бруно и Яна Амоса Коменского до Рудольфа Веккерлина и Мартина Оппца — бесконечный ряд путников, они же участники двухвекового диспута, движется этими путями. Типично и предложение покровительства от члена магистрата: образованные люди, сплошь «парацельсисты» и члены «языковых» обществ, легальных и тайных, стремились противостоять лютовавшему духовенству, где только возможно²⁴. Но и среди духовенства, как мы

²⁴ В случае с Бёме, например, позиция бургомистра Бартоломеуса Скультетуса в первый раз выглядит не иначе, как «строго пожуришь» и отпустить, вторично же навязанное настойчивым

видим на примере Бреклинга, находились сторонники обновленного христианства.

Так что мы не можем сказать, что вера и образ мысли Гихтеля сложились *исключительно* под влиянием Бёме. Тем более, что эпоха *изобиловала* литературой, увлекавшей читателей в глубины внутренней жизни, в которых открывался «путь ко Христу». Были в этой литературе и свои вершины помимо Бёме. Так, в первые десятилетия XVII века стали публиковаться сочинения Валентина Вайгеля (1533–1588), скромного пастора из Чопау, не обнародованные им при жизни, а после 1626 года неизменно сжигавшиеся как еретические и распространявшиеся, подобно сочинениям Бёме, в списках. В них уже проведен своеобразный *синтез* идейного наследия Николая Кузанского, Парацельса, немецкой мистической традиции (И. Экхарт, И. Таулер, Г. Сузо, С. Франк) и герметической гностики. В отличие от писаний Бёме, книги Вайгеля полны ссылок на предшественников и оперируют конкретными текстами — автор образован, начитан и обладает незаурядной спекулятивной культурой. Один из центральных мотивов, объединяющий названные традиции, — древний гностический постулат «Познай себя!» — у Вайгеля уже осмыслен как условие *рождения* пастором магистрату обсуждения еретика по поводу появления в печати «Христософии» (1621), единственного прижизненного издания Бёме, осуществленного без его ведома его учеником и восторженным адептом И. С. Швайнихеном, закончилось тем, что магистрат «не нашел» в книге ничего, что противоречило бы протестантской догме.

дения Христа в душе человека, что вслед за ним мы встречаем у Бёме и Гихтеля, а инструментом достижения этой цели выступает молитва. И это тоже в решающей степени предваряет «мистику молитвы» Гихтеля, развивающего эту идею в практическую плоскость до своеобразной *магии молитвы*, продолжительного и систематического «упражнения» *безмолвной* медитации. Противопоставление «духа» христианства его «букве», из которого исходят и Вайгель, и Бёме, достигает в этой практике своего предела: в самом деле, если Бог вездесущ и всеведущ, то главная забота человека не в произнесении правильных слов в нужном месте и времени, а — «были б помыслы чисты».

Присвоивший себе титул Philosophus'a Teutonicus'a (Немецкого философа), Бёме еще называл себя «философом для простецов», который, однако, «в познании... не вовсе простец»²⁵. Далекий от безупречной спекулятивной культуры, он ни на кого не ссылается: ему не нужно подкреплять свою мысль авторитетом «софистов», как он называл ученых. Он, несомненно, тоже много читал, в чем иногда признается, но ценность и особая *фундаментальность* его мысли в том, что она исходит из *личного откровения*, из того, что было ему *дано* в его тяжелой «борьбе и сражении». Если для Вайгеля самопознание Бога в человеке — это логический вывод из рассуждений о complicatio (свернутое) и explicatio (развернутое) Бога в твари, то для Бёме —

²⁵ Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. — Репринтное изд. 1914 г. — М.: Политиздат, 1990. С. 262.

это *реальное ощущение*, потому и слышится в его слове, по выражению Рудольфа Штайнера, «взрыв ликования самой природы, изумляющейся своему собственному существу». «Перед нами человек, слова которого обладают крыльями, сотканными из *блаженного ощущения*, что знание сияет в нем, как высшая мудрость»²⁶. Бёме в этом смысле — *лирический философ*, то самое «недостающее звено» в нашей академической истории немецкой *литературы*, прямо ведущее к *философской лирике* Ангелуса Силезиуса и далее — везде.

Тот же восторг испытывает Гихтель, находя в сочинениях Бёме *подтверждение и объяснение* своим переживаниям, — это чувствуется каждый раз, когда он говорит о нем. Как оригинальный мыслитель и духовидец он сформировался самостоятельно в интеллектуально-духовной атмосфере своего времени. Признание его *учеником* Бёме, пожалуй, нуждается в уточнениях, как в силу этой его самостоятельности, так и потому, что это не единственный его источник и предшественник²⁷.

²⁶ Штайнер Р. Очерк тайноведения. Мистика на заре духовной жизни нового времени. Философия свободы. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. С. 417. (Курсив мой. — С. Ш.)

²⁷ Значение наследия Вайгеля в этом качестве убедительно подчеркнуто в предисловии и примечаниях П. Мартина к совр. изд. «Практической теософии»: Gichtel J. G., Graber J. G. Theosophia practica. Die Verwandlung des mikrokosmischen Menschen bis zu seiner Wiedergeburt nach Seele, Geist und Körper. / 2. erweiterte und verbesserte Auflage. Edition Oriflamme Basel, 2011.

Как писал о Гихтеле сто лет тому назад один из исследователей Бёме: «чем он был и чего хотел, он хотел и был до того, как познакомился с сочинениями Бёме. Их он читал, только когда в 1668 году прибыл в Амстердам. Но тогда уже его учение со всеми практическими следствиями в основных чертах сложилось»²⁸. В этом суждении хотелось бы смягчить категоричность утверждения о незнакомстве Гихтеля с сочинениями Бёме до 1668 года. Едва ли это было возможно в описанной нами атмосфере и при том образе жизни, на который обрек себя молодой человек, каким автор вспоминает себя в книге. Он, несомненно, был человеком тончайшей душевной организации, остро чувствующим, мистифицирующим события собственной жизни, подверженным экзальтации и видениям. То, что *Бог не где-нибудь далеко, а в его душе*, — а в этом состоит принципиальный и кардинальный шаг в *познании*, без него невозможно всё дальнейшее, — он понял еще до Страсбурга.

Этот шаг сделан самостоятельно, но — в направлении, строго параллельном мысли Бёме, о чём потом с восторгом пишет и Гихтель. Трудно себе представить, что в ближайшие семь-восемь лет он всё еще не столкнулся с его учением: известность гёрлицкого мудреца перешагнула границы Германии еще при жизни, повсюду у него находились последователи и ученики, обсуждавшие его идеи, бережно копировавшие сочи-

²⁸ Elert W. Die voluntaristische Mystik Jacob Böhm's: Eine psychologische Studie. 2. Neudruck der Ausgabe Berlin 1913. Scientia Verlag Aalen, 1987. S. 119–120.

нения, которые время от времени всё же предавались печати. Внимание Гихтеля на Бёме мог обратить уже Филипп Якоб Шпенер, основатель пиетизма (!), известный пожеланием, чтобы *кто-нибудь* «прояснил» учение Бёме. Гихтель в Страсбурге слушал его лекции по геральдике, был хорошо с ним знаком и не без его влияния по возвращении в Регенсбург не преминул вступить в «Душеполезное общество Иисуса», что и привело его к первому изгнанию. При таком окружении и образе жизни спорадического, а тем более косвенного знакомства с сочинениями Бёме не просто нельзя исключать, — оно более чем вероятно.

Главное, что роднит Гихтеля с Бёме (и именно с ним!), это то, что он, вслед за предшественником, пишет действительно «из собственного опыта». Нам важно понять отличие *такого письма*, — и в этом тоже одна из трудностей, о которых сказано выше, подхода академической истории философии к фигуре Бёме (соответственно, и — Гихтеля), — от *философии в современном понимании*, когда она мыслится как *наука среди других наук*, то есть одна из *отраслей* науки, — не «корень и мать» *всех* наук, следовательно, *должна* выстраивать свои «положения» в дискурсивно-логическом континууме, как принято в науке. В таком способе мышления философская концепция добывается путем синтаксического развития мысли от одного «положения» к другому. Мистик-визионер вынужден решать прямо противоположную задачу: у него нет «концепции», к которой он должен логически подвести читателя, —

ему открылась *целостная и единственная истина* мира, которую он должен *поведать* и обнаруживает, что естественный язык для этого не годится, ибо, как выражается Бёме, он «создан в частичности». Он много думает над этой проблемой, мысль его не может двигаться иначе, чем по кругу, потому что движения от нее требует язык, но у нее есть невыразимый на этом языке *центр*, в котором она покоится. В определенном смысле он должен воспроизвести логику Творения — репрезентировать Единое множеством. Он повторяет мысль в разных регистрах, испытывает разные средства языка, говорит «подобиями», поясняет сравнениями, требует, чтобы читатель понимал больше, чем он говорит, восходя к тому, что он *видел* нерасчлененным и лишенным форм. И приспособливает этот язык во всех его уровнях (лексика, синтаксис, сверхфразовое единство, наконец, *поэтика*) к выражению искомого смысла, так что из его сочинений *эксплицируются* и его система в целом, и ее разделы (онтология, гносеология, этика и даже эстетика!) и частные изводы, как то антропология и психология. Всё вместе, объятые единым откровением, и зовется теософией Бёме. Недаром романтики, Фридрих Шлегель, в частности, считали его сочинения «самым великим», что *с точки зрения немецкого языка* было создано со времени поэзии XII-XIII веков²⁹, и тем самым ставили Бёме в чем-то выше самого Мартина Лютера — отца немецкой Библии и, как следствие, современного немецкого языка.

²⁹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 2. — М., 1983. С. 207–208.

Эту работу сделал Бёме, его несомненному «подмастерью» и последователю Гихтелю достается *практика*, и в этом направлении учение Бёме, так же несомненно, Гихтелем *развивается*. Читатель, знакомый с наследием Бёме, конечно заметит: всё, чему учит автор «Практической теософии», исходит из бёмевской *философии воли*. Центральная проблема и коллизия внутренней жизни человека — преодоление адамова грехопадения и индивидуальное восстановление первоначальной гармонии духовного бытия в Боге возможно лишь как результат отказа от «собственной воли» и полная (безвольная!) открытость для действия Воли Божьей в душе. Это «положение» Экхарта и Таулера (также учивших «из собственного опыта») об отрешенности (расслабленности, *Gelassenheit*) уже у Бёме приобретает парадоксальный характер: отрешенность от «самости», расслабление воли, требует от человека ее сверхнапряжения: «Вложи *всё твоё вождение* в Бога!» Гихтель многое повторяет практически дословно, но он рассказывает о том, как это *практически* трудно, каких мучений это стоит, какие опасности подстерегают на этом пути, сколь долго и как в этом приходится *упражняться*, вновь и вновь сбиваясь с пути и возвращаясь на него. И всё — «из собственного опыта»: его книга не только поучает — она еще исповедь, предельно откровенная ради пользы и помощи читателю.

Эта интенция, крепнущая по мере становления и развития христианского гнозиса, особенно тесно свя-

зывает Гихтеля, конечно, с Бёме, для которого убеждение читателя (суггестивная функция текста) было не менее важно, а может быть и важнее собственно откровения, плоды которого (внутренняя свобода, доброжелательность, бесстрашное приятие жизни и смерти) сам-то он вкушал вполне: последними словами его были: «Теперь я отправляюсь в рай». В силовом поле между откровением и желанием помочь человеку в его бедственном положении рождается Слово и того и другого. В миссии Гихтеля суггестия стала главным и самодовлеющим смыслом. Условно говоря, «теория» выполняла тут прикладные задачи, поэтому он брал из учения Бёме тот или иной концепт, который был ему нужен и отвечал его собственному чувству жизни. Думается, что говорить об эклектике его мировоззрения на этом основании просто нет смысла: он *жил* и черпал аргументы в мире, описанном Бёме.

Непосредственную связь с философией последнего, читатели Гихтеля усматривают в заимствованном им учении об андрогинности первочеловека, возврат к которому требует от современного человека, — и это для многих самое сомнительное место в его учении, — по меньшей мере, *целибата*. Справедливости ради следует, однако, заметить, что Гихтель, очевидно, встречавший в этом вопросе наиболее сильное сопротивление среди своих адептов, в «Практической теософии» соглашается с апостолом Павлом в том, что верующий может оставаться в том состоянии, в каком его застало призвание. С другой стороны, он все же отчетливо в противо-

вес земному супружеству описывает переживания в момент мистического брака с Небесной Софией. И это — одна из самых ярких и наиболее очевидная, как нам кажется, параллель к текстам Бёме: весь этот мотив живо перекликается с диалогом души и «благородной девы Софии» из «Христософии», в котором Бёме представляет читателю «небольшой намек о том, что происходит с душой», когда, покаявшись, она открывается навстречу «благородной деве Софии», которая «является душе» «в померкшем образе человека, при сердечном обращении и покаянии его» «в движении духа Христова»³⁰. Но Бёме *сочиняет* этот диалог как своего рода параболу к душевному состоянию истинно раскаявшегося человека и, сознавая это, даже предостерегает читателя от восприятия «сего за *стихотворную* выдумку»³¹, Гихтель же подтверждает «намек» Бёме рассказом о безусловно *реальном переживании*.

Вообще, за всем, что он пишет, угадывается подтекст действительности — внутренне-психологической, бытовой, социальной, — собственная жизнь или, вернее, *собственное проживание жизни*, просвеченное высшим смыслом. Так нужно понимать и его идею (переживание) перерождения или второго рождения (Wiedergeburt) души — рождения её во Христе и рождение Христа в ней как результата борьбы с собственной самостью (дьяволом в себе, «красным

³⁰ Бёме Я. Christosophia, или Путь ко Христу. СПб., 1815 (1994). С. 34.

³¹ Там же. С. 38.

драконом»). И эта идея Бёме, тоже неоднократно упоминающего тяготы этой, им также пережитой, борьбы, у Гихтеля развивается и предстает в яркой пластичности. Когда он пишет о своей победе, тон его становится спокоен, как у человека, достигшего предела стремлений и, по слову Николая Кузанского, «ни в чем более не нуждающегося».

У Бёме эта мысль порой приобретает налет некой фатальности, оттенок «воли к смерти». На вопрос «Ученика» в «Христософии», как «достигнуть до сверхчувственного основания *без разрушения естества*»³², «Учитель» перечисляет «три средства», которые, словно бы пророчат всю *действительную* жизнь Гихтеля: «*первое*, чтобы ты волю свою предал Богу и в основании погрузился в Его милосердие; *второе*, чтобы ты возненавидел собственную свою волю и не делал того, к чему она тебя побуждает; *третье*, чтобы ты с терпением предался кресту Господа нашего Иисуса Христа <...>». И — возражение ученика: «Для сего должно будет оставить мир и самую жизнь!» Но ведь и цель чрезмерна, и Учитель непреклонен: «Оставя мир, ты войдешь в то, из чего мир произошел; оставя жизнь свою и приведя в бессилие собственную мощь, ты обрешь то, ради чего ты сие оставил, то есть Бога <...>»³³. Но что же будет с телом? И только тут выясняется, что речь идет не собственно о смерти, а о внутреннем перерождении: «Оно [тело. — С.Ш.] *начнет*

³² Там же. С. 101. Курсив мой. — С.Ш.

³³ Там же. Курсив автора.

умирать и внешне и внутренне; внешне — суемию мира и злым делам, <...> а внутренне — всякой злой похоти и склонности, и получит совсем *новый смысл* и *новую волю*, непрестанно стремящиеся к Богу»³⁴.

Гихтель откликнулся и последовал этому призыву к бесстрашию, прожил по Слову Учителя и осознал это как идущее изнутри рукоположение и возложенную на него миссию священства «по чину Мелхиседека». Эта идея (и, опять же, — практика в «Ангельском братстве») обязанности неформального пастырства, возлагаемой на перерожденного самим фактом перерождения, — по-видимому, его собственная, идущая из внутреннего переживания. Достигший просветления столкнулся на этой высшей ступени с сознанием высочайшей ответственности перед людьми, с обязанностью брать на себя и страданиями искупать их грехи и болезни. Сама возможность такого жизненного подвига «малого Бога» тем самым была подтверждена.

Теософский реализм Гихтеля от начала до конца определяет характер его житетворчества и его представления о мире и человеке. Разъясняя причины данной современной человеку ситуации, он, естественным образом, оперирует понятиями, ставшими в его время уже «азами» теософии, такими, как «внутренний» и «внешний» человек, но практическая ориентация его откровения в полном согласии с герметической логикой («что вверху, то и внизу») ведет его к сознанию *локализации структуры внутреннего человека в человеке*

³⁴ Там же. С. 103–104. Курсив мой. — С.Ш.

внешнем. Привязанные к телу и его отдельным органам, духовные сущности, понятые алхимически как соответствующие тонкие (субтильные, dünn, subtil, — Бёме) эссенции или тинктуры, напоминают современному читателю сразу и об эндокринологии, и об учении о чакрах и энергетических уровнях человека: медитации — безмолвные молитвы, — достигающие, скажем так, высших вибраций, позволяют Гихтелю существенно усложнить гностическую антропологию. И опять-таки: это не исследование человека, это его видение, не случайно у автора возникает потребность в «фигурах» — картинках, визуально представляющих «центры» пересечения внешнего и внутреннего. Их выполняет для него как гравюры на меди (Kupfer названы они в указаниях переплетчику), видимо, И. Г. Грабер, безыскусно, даже, кажется, не совсем профессионально (рисунок для русского перевода XVIII века выполнен куда более мастерски). Но в них-то и заключено главное зерно откровения, данного именно ему, Гихтелю, его книга четырьмя главами является не чем иным, как комментарием к фигурам и их истолкованием. Именно эти фигуры он утаивал и дольше всего не соглашался публиковать, так что они пролежали втуне, как сообщает Грабер, еще 10 лет после смерти автора. О них в первую очередь с радостью сообщает Грабер-издатель в своем Предварении к книге. Предоставим современному адепту восточной эзотерики судить, насколько христианскому мистика дано было приблизиться к учению о чакрах и насколько эти представления когерентны.

Фигур всего четыре, они, по логике процесса восхождения верующего от третьего Принципа к первому, выстраиваются так: первая представляет «полностью земного, природного, темного человека в созвездиях и элементах», то есть полностью «схваченного» в третьем Принципе или «в самом внешнем рождении», вторая — «перерожденного (wiedergeboren)» человека, нашедшего свет и познавшего любовь Софии, но еще несущего в себе печать зверя и внутренне обязанного пребывать на страже и в готовности противостоять дьяволу самости. «Всецело благословенный и просветлённый» человек изображен схематически в двух проекциях на третьей и четвертой гравюрах, которые по смыслу относятся к четвертой главе книги, но поставлены в ее начало как общий для всего свода писаний Гихтеля форзац и титул, что, конечно, говорит об их важности. Расположенные рядом, они верхними надписями составляют заголовок всей «Практической Теософии» — THEOSOPHIA PRACTICA, — между этими словами на каждой картинке даже убрана часть рамки, а нижеследующая надпись на обеих картинках составляет единый текст, каждая строка которого, начинаясь на левой картинке, продолжается на правой. Остановиться так подробно на частностях нас принуждает непростая издательская история книги, скрывающая, как убедительно растолковал в своем предисловии ее современный издатель, застарелую библиографическую ошибку³⁵.

³⁵ См.: Martin P. Zum Geleit // Gichtel J. G., Gruber J. G. Theosophia practica. Die Verwandlung des mikrokosmischen

Предназначенная быть компендиумом к обширному своду писем, *эта книга* вышла в задуманном автором и его учениками виде — с гравюрами в качестве заголовка *для всего собрания сочинений* — только во втором издании (1723), сразу вслед за самым полным (в 6 томах) собранием писем Гихтеля (1722), к которому был присовокуплен еще биографический том (так получился восьмитомник, значащийся в библиографиях). Это промедление в публикации гравюр было обусловлено как непростыми отношениями внутри «Ангельского братства», так и соображениями безопасности. Грабер, готовивший это издание и бывший, по-видимому, еще и собственно исполнителем гравюр, написал «предварения» ко всей книге и отдельно к четырем первым главам, к которым гравюры имеют непосредственное отношение. Кроме того, очевидно, чтобы сгладить ригоризм Учителя в вопросе об отношении к женщине, — «на дворе» ведь начиналась эпоха рококо, — он включил в книгу в качестве приложения «Краткое и простое рассуждение о браке, как сей вестись должен меж добродушными христианами (с учетом духовного брака верующих душ с Христом). Притом некоторые размышления о злоупотреблении оным, и т. д.», скорее всего, собственного сочинения. Интонации пиетизма, входящего или уже вошедшего в фазу внешней фор-

Menschen bis zu seiner Wiedergebirt nach Seele, Geist und Körper. / 2. erweiterte und verbesserte Auflage. Edition Oriflamme Basel, 2011. S. 14ff.

мализации благочестия, слышны с первых строк... Всё это, видимо было достаточным основанием, чтобы вынести свое имя на титульный лист впереди имени автора «Практической теософии», еще более запутав библиографов. Синкретичная конструкция книги и ее роль в общем корпусе сочинений автора, таким образом, не были восприняты читателем: ни заголовок, ни подзаголовок, помещенный на изображении фигуры совершенного человека, не читались как название книги. В этом качестве прочитывалось обычное в практике тогдашнего книгоиздания расширение заглавия, выполнявшее роль содержательного перечня: «Краткое изложение и разъяснение трёх принципов...». Под этим названием она и фигурирует в библиографиях.

Наш перевод выполнен по тексту четвертого издания книги (1779), аутентичного третьему (1736), выпущенному еще Грабером³⁶. Этот выбор предопределен доступностью в интернете двух экземпляров этого издания, между которыми обнаружились некоторые забавные, но не существенные различия. Новейшее издание П. Мартина (с его же замечательным сопроводительным словом и примечаниями!), в котором текст третьего издания «нежно перенесен в сегодняшний немецкий язык»³⁷ М. П. Штайнером, помогло нам в сегодняшнем понимании некоторых мест Гихтеля, за что

³⁶ В изд. П. Мартина общее «Предварение» Грабера к книге датировано 1736 г. См.: Inhaltsverzeichnis.

³⁷ A. a. O. Titelblatt.

мы с искренней признательностью благодарим коллег, хотя и не во всем следовали их трактовке, предпочитая придерживаться оригинала³⁸. Как и они, мы предпочли не включать «Приложение» о браке. Мы даем книге подлинное название — как это убедительно доказал П. Мартин, но оставляем авторский подзаголовок.

С. М. Шаулов,
доктор филологических наук,
профессор Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы
31 марта 2013 г.

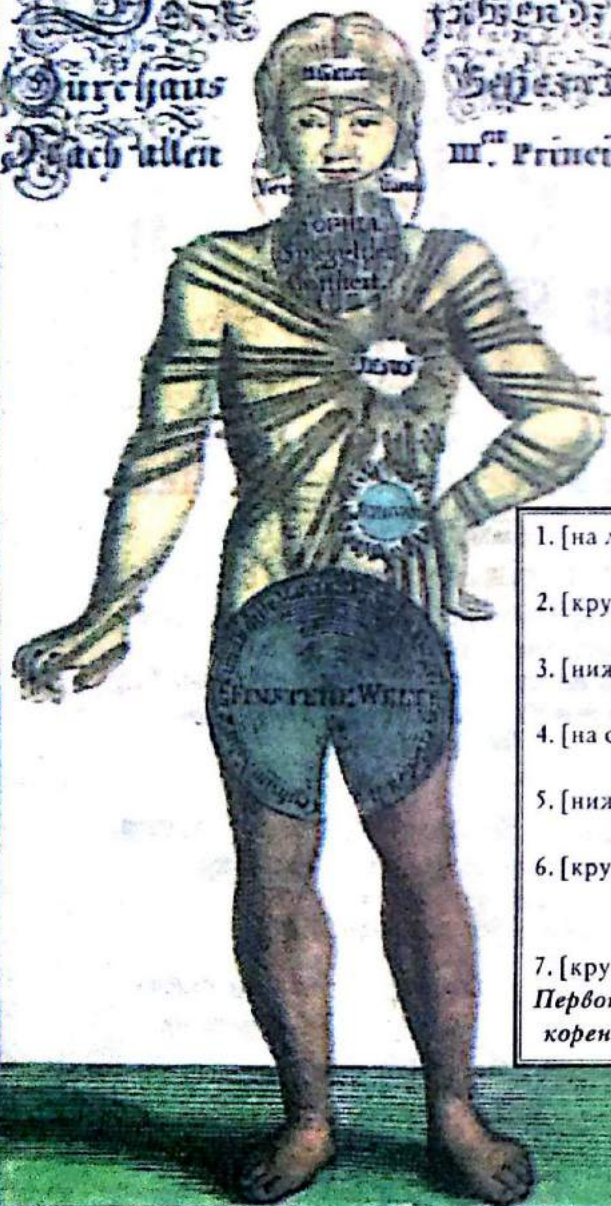
³⁸ Как, напр., в случае «Abfall» — «Apfel».

Eine kurze
Eröffnung und Anweisung
der dreien Principien
und
W e i t e n
im Menschen,
in unterschiedlichen Figuren
vorgestellet:
Wie und wo eigentlich ihre Centra im innern Menschen
sehen; gleich für der Natur selbst im geistlichen Ersehn in sich
gefunden, und gesammlet in sich empfunden,
schmecket und fasset.
Sammt einer Beschreibung
der dreierley Menschen, nach Art des in ihnen
herrschenden Principii oder Geistes.
Wopinnen sich ein jeder als in einem Spiegel besehen kan,
unter welchem Regiment er in seiner Lebenszeit
setze und lebe.
Nebst einer Anweisung,
was der Streit Michaels und des Drachen,
auch was das wahre Verm im Geist
und Begehrt sey:
Klugheit und Verstand
u. d. g.
Johann Georg Grabern von Nymphenburg,
Johann Georg Richter von Regensburg.
im Jahr Christi 1696.
Neue Auflage.
Berlin und Leipzig 1779.
bey Christian Ulrich Krieger.

THEOSOPHIA

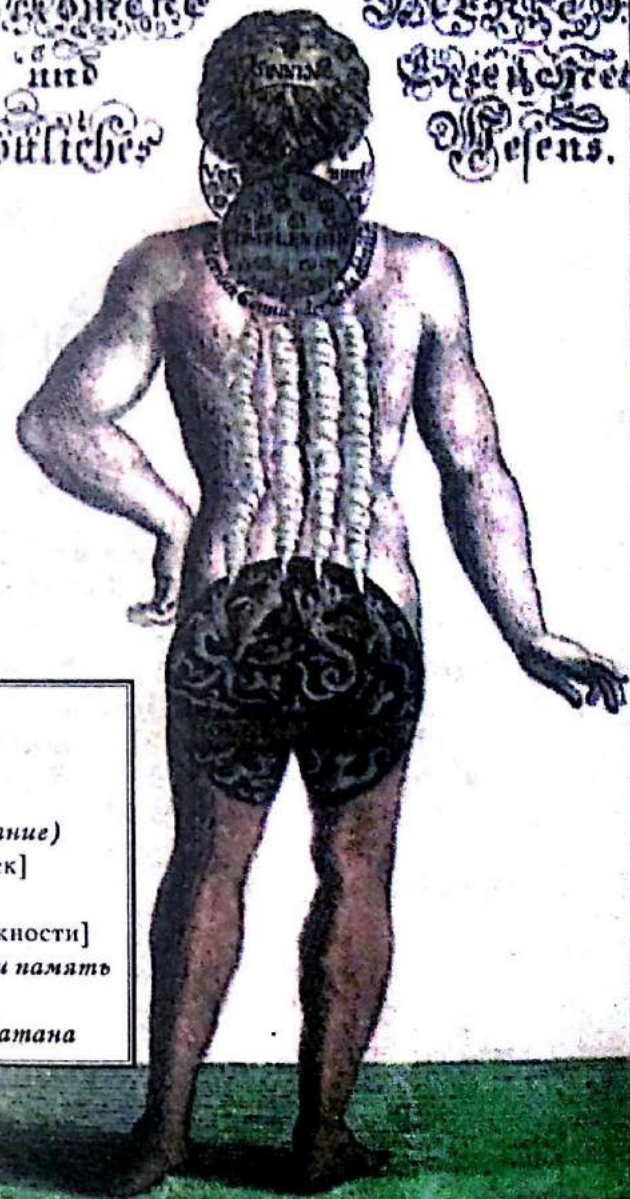
Das
Durchaus
Nach Allen
haben des
Sehens
III. Principien

1. [на лбу]
Св. Дух
2. [круг с центром на гортани]
Разум
3. [ниже, круг поменьше]
София Зеркало Божества
4. [на сердце (источник света)]
Иисус
5. [ниже (источник огня)]
Иегова
6. [круг таза, поперек]
Centrum Naturae
(Центр Природы)
7. [круг таза, по кругу]
Первоначальная матка (матрица):
корень души, три первых вида

PRACTICA

Das
Hochste
und
Göttliche
Sein
des
Menschen

1. [на затылке]
Чувства
2. [первый круг]
Рассудок (Понимание)
3. [круг поменьше, поперек]
Характер
4. [тот же круг, по окружности]
Звездный нрав или память
5. [круг таза]
Преисподняя — Сатана

Eine kurze
Eröffnung und Anweisung
Der dreien

PRINCIPIEN

Und

Nelken

Am Menschen,

In unterschiedlichen Figuren
vorgestellt:

Wie und wo eigentlich ihre Contra im innern
Menschen stehen; gleich sie der Autor selbst im Mörtli-
chen Schauen in sich gefunden, und gegenwärtig
in sich empfindet, schmecket und fählet.

Samt einer Beschreibung der dreierley
Menschen, nach Art des in ihnen herrschenden
Principi oder Geistes.

Wo ihnen sich ein Leben als in einem Sple-
gel besehen kan, unter welchem Regiment er
in seiner Lebens-Gestalt stehe und lebe.

Nebst einer Anweisung,
Was der Streit Michaels und des Dra-
chen, auch was das wahre Beten im
Geist und Wahrheit sey:

Abgemahlet und vorgestellt

Durch [Johan Georg Grabern von Ringelshausen,
Johan Georg Richter von Regensburg,
Im Jahr 1696.]

Auf vieler Verlangen aufs neue dem Druck über-
geben im Jahr 1736.

ПРЕДВАРЕНИЕ

1.

Любезный читатель получает здесь сверх всякого ожидания то, на что надеялся столь долгие годы: это фигуры внутренне-го человека, которые наш автор хранил у себя по-таенно 15 лет, вплоть до конца жизни; а мы после него еще 10 лет.

2. Они бы и дальше хранились в тайне, когда бы любовь вновь не подвиглась в духе к тому и, наконец, к удовольствию их любителей, не дала разрешения и не укрепила нас в том, чтобы доверить их печати и добавить как прелестное украшение к полной новой редакции этого благословенного и расширенного третьего издания священных писем; одновременно читателю — как ключ в духе разума, чтобы тем лучше понял, что он читает.

3. Мы радуемся с тобой в простоте сердца великой любезности Бога, желая друг другу добра и вместе вознося хвалу за то Богу.

4. Прими же этот дар, который любовь дала, когда печатание уже очень далеко продвинулось, со смиренным сердцем, как от Бога, и употреби его, как все пи-сания писавшего, к исцелению души твоей и к пользе.

5. Дорогой читатель также воспримет как приятную любезность, что мы предоставили ему краткое введение к фигурам, которое мы присовокупили этому сочинению в соответствующих местах: нам дана к тому возможность и наставление в душе, ибо открылся ей Дух Божий и повелел нам удовлетворить желание.

6. И чтобы в известной мере исполнить то, что не вылилось из-под пера самого автора: богатство Божие и невозможно высказать за один раз, а лишь насколько Св. Дух, имеющий ключ к нему, дает каждый раз высказать.

7. В истечении милости онго мы прошли сверх того и процесс Иисуса, *что* возлюбленный наш Спаситель совершил в нашем человечестве¹ и *что* вращивалось в Духе далее, до сего времени, в силе Иисуса, который есть зачинатель и завершитель нашей веры.

8. Хвала Богу! что мы дождались дня, которого автор, в свое время, жаждал с великой тоской. Работа рождения [книги]² во внешнем духе (которая очень

¹ Слово «человечество» (Menschheit) долго, вплоть до «Фауста» Гёте, в отличие от сегодняшнего словоупотребления, означало, прежде всего, сущность человека, *человеческое* как таковое. Ср. у Ангелуса Силезиуса: «Die Menschheit ist die man im Menschen lieben sol». — Ангелус Силезиус. Херувимский странник (Остроумные речения и вирши). — СПб.: Наука, 1999. С. 92. («Человечество — вот что должно любить в человеке». — Подстр. пер. мой. — С. Ш.). — Здесь и далее, если не указано иное, постраничные примечания сделаны переводчиком. — С.Ш.

² Мы используем в основном тексте *прямые квадратные* скобки для вставки в текст слов, отсутствующих в оригинале и заполня-

тяжело далась внешнему человеку) превзошла, однако, природные силы возраста [автора]; оттого позвала к себе Дева жениха своего и возложила эту суровую и тяжкую работу на плечи более молодого.

9. В чём мы имели с нами также Иисуса, который позволил нам насладиться работой юных лет нашего предводителя, к общей пользе всех соратников. Во славу Божию, аминь.

ющих вакантную синтаксическую позицию, и *квадратные* скобки *полужирным курсивом* для слов, вставляемых нами в текст с целью прояснения смысловых связей, и слов оригинального текста, принципиальных для понимания. *Круглые* скобки — авторские (см. здесь же).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЛЮБЯЩЕМУ БОГА И ИСТИНУ ЧИТАТЕЛЮ

1.

коль ни велико было неразумие мое и сомнение в том, поделиться ли райским цветочком, открывшимся мне в великой серьезной борьбе, с этим сегодняшним неотёсанным и грязным миром, который лишь попирает ногами благородную жемчужину познания Бога и Его самого, а любителей её терзает, — всё же мои дорогие соратники своими многообразными доводами убедили меня дать его как направление к свету тем, кто во внутреннем основании своем чувствует *Mysterio*³ Бога, дабы они могли иметь перед глазами зеркало, чтобы созерцать себя в нем.

2. Также в напоминание и предостережение, поскольку Адам упустил благую возможность, разбудил и сделал действенной в образах своей жизни холодную яростную тьму, и во всех своих детях и потомках про-

³ Форма косв. пад. от *mysterium* (лат.), обозначающего в оккультных учениях (алхимия, каббала и т.п.) субстанциально-эссенциальную первоманифестацию Божественной воли, еще «вне природы», без форм и сущности, но потенциально всё в себе содержащую и содержащуюся затем во всем сущем.

будил жестокую распрю зла против добра, тьмы, гнева и Нет — против света, любви и Да⁴:

3. Дабы каждый пребывал на страже, усердно и серьезно бодрствовал и молился, а также прилежно нёс зоркую вахту над всеми злыми, ядовитыми влияниями адских и земных светил и мог бы точно наблюдать за стрелкой весов, то есть за вожделением, удовольствием и воображением [Imagination] своего нрава, с тем чтобы добро не было перевешено, и его падение и разрушение не стало бы больше.

4. Что весьма легко и быстро можно проглядеть, если душа становится немного самоуверенна и невнимательна, неосторожно обращается к земному и беремееет земным наслаждением от духа мира сего или допускает свирепую мысль против брата своего и в высокомерии возносится над тронами.

5. Ибо голодают по душе все три принципа: каждый ищет высшей власти и борется за нее, покуда не победит или не будет побежден сильнейшим, а именно связан и подчинен светом, который один всемогущ, как я это хорошо узнал в моей многолетней серьезной борьбе.

⁴ Местоимения Да и Нет (Ja, Nein) употребляются в данном и подобных контекстах так же, как это встречается в сочинениях Якоба Бёме, — в самом обобщенном смысле — как обозначение двух противоборствующих принципов: бытия, истекающего из Слова Божьего (ср.: «Да будет...») и пребывающего в Боге, и небытия, к которому стремится противодействующая Божественной воле воля отдельной и отпадающей от Бога самости. Этим обусловлены все частные оппозиции человеческого существования: добра и зла, света и тьмы, любви и ненависти и т. п.

6. И того недостаточно, если кто-нибудь начинает с хорошим намерением и всерьез и восемь, девять, десять или больше лет в том упорствует, а в конце концов легкомысленно отступает, не только себя, но и другие слабые сердца соблазняет и ввергает с собой в вечную порчу.

7. Напротив, он должен всё время жизни своей пожертвовать Господу, телом, душой и духом, так же и имением и кровью предаться Ему навечно и думать, что из чистой милости призван он Богом во второе рождение [Wiedergeburt⁵] и что, поклявшись своему Богу в вечной верности и стойкости, он обязан даже в мыслях своих твердо держаться Христа и жизнь свою положить как свидетельство Его истины.

8. И что пользы тому, кто любит свою земную жизнь и тщится оную сохранить? Она хрупка, и он потеряет её по слову Христа⁶. Гораздо лучше не возла-

⁵ Ключевое понятие в учении Гихтеля, обозначающее цель и смысл его практической этики. Оно может быть переведено и как «перерождение», «возрождение» (с соответствующими производными), если не придавать ему метафорического значения, потому что такое повторное рождение человека — рождение в Духе, духовное перерождение, — мыслится автором как изменение внутренней эссенциальной сущности человека — реальный результат трудной борьбы (с собой, людьми, миром и гневом Божиим), победа в которой означает прохождение душой «процесса Иисуса» и прижизненный мистический брак с Софией — Божественной Премудростью. Из-за этой идеи автор объявлялся «перекрещенцем» и преследовался как еретик.

⁶ Ср.: Матф. 10: 39; 16: 25; Мк. 8: 35; Лук. 9: 24.

гать руки на плуг⁷ и в простоте, сколько нужно, терпеливо ждать зова Господа; или вот если кто движим Духом Божиим в сердце своем, ходи в смирении, часто веди подсчет своим внутренним силам, — осмелишься ли выстоять с десятью против двадцати тысяч, — и охотнее ходи медленно, чем если бы летал, врага своего презирал, а в конце был побежден.

9. Я пишу это в предостережение тем, которые, хотя и с радостью наследуют Господу, но еще не знают серьезной борьбы: ибо начало обычно сладко, радостно и очень приятно, но как доходит до дела, когда душа должна отворотить волю свою от внешних светил и обратиться к Богу в Его центр, всё видимое покинуть и пробиться сквозь восьмой вид [Gestalt] огня, то это стоит усилий и кровавого пота, поскольку душа должна бороться с Богом и людьми.

10. Если ж ты сожалеешь о своей жизни и оглядываешься назад, то придет дьявол с семью злобными духами, запрет твою бедную душу во всех образах [Gestalten], так что ты всю свою жизнь должен будешь в великом ничтожестве, бедности, голоде и земной заботе о чреве оставаться рабом мирского духа и пленником дьявола и всё же, в конце концов, с содроганием, страхом и болью войдешь в огонь Божий, чему за время моей жизни, к сожалению, я узнал прискорбные примеры.

11. Ты в этом времени сам себе сторож: если останешься в смирении и сделаешь из себя ангела, станешь ангелом, но если сотворишь из себя гордого, высокомерно-

⁷ Ср.: Лук. 9: 62.

го дьявола, то станешь чёртом и не сможешь винить Бога.

12. Огонь восьмого вида это грань разделения [Scheideziel] разделения, каковую фигуру я хотя и заимствовал из сочинения Бёме о тройственной жизни⁸, но ради простоты представил в *таких* фигурах, поскольку человек стал настолько земным и внешним, что всегда размышляет о себе, а то, что ему внутренне, в центре души, ближе всего, ищет над звездным небом в высокой вечности.

13. В следующих фигурах также представлено глазам как три мира в нем присутствуют друг в друге или расположены один под другим, как милостивый Бог открыл их мне, даже сам ввел мой дух во все центры. Ибо я показываю лишь центры: если кому-то хочется нарисовать большие круги или сферы [Globos] и включить их друг в друга, тот может это делать; как я видел это в духе, так я это и нарисовал.

14. И пусть даже не каждый достигнет ясного видения [Schaulichkeit], ибо это зависит от Божией милости и стойкой верности, победы и преодоления; всё же серьезный воитель по собственному восприятию и вкусу, наверное, откроет их в себе, коль скоро в душе он ходит с Богом.

15. При этом в пятой главе я добавил и рассмотрел спор Михаила с Драконом, что он собой представляет и как он возникает в истоке твари через деление и раскол единой воли на много противонаправленных волей,

⁸ См.: Бёме Я. О тройственной жизни человека / Пер. с нем. Ивана Фокина. — Уфа: ARC, 2011.

также с какими искушениями столкнулся Сын Девы, прежде чем духовный брак положил на нём непроницаемую печать.

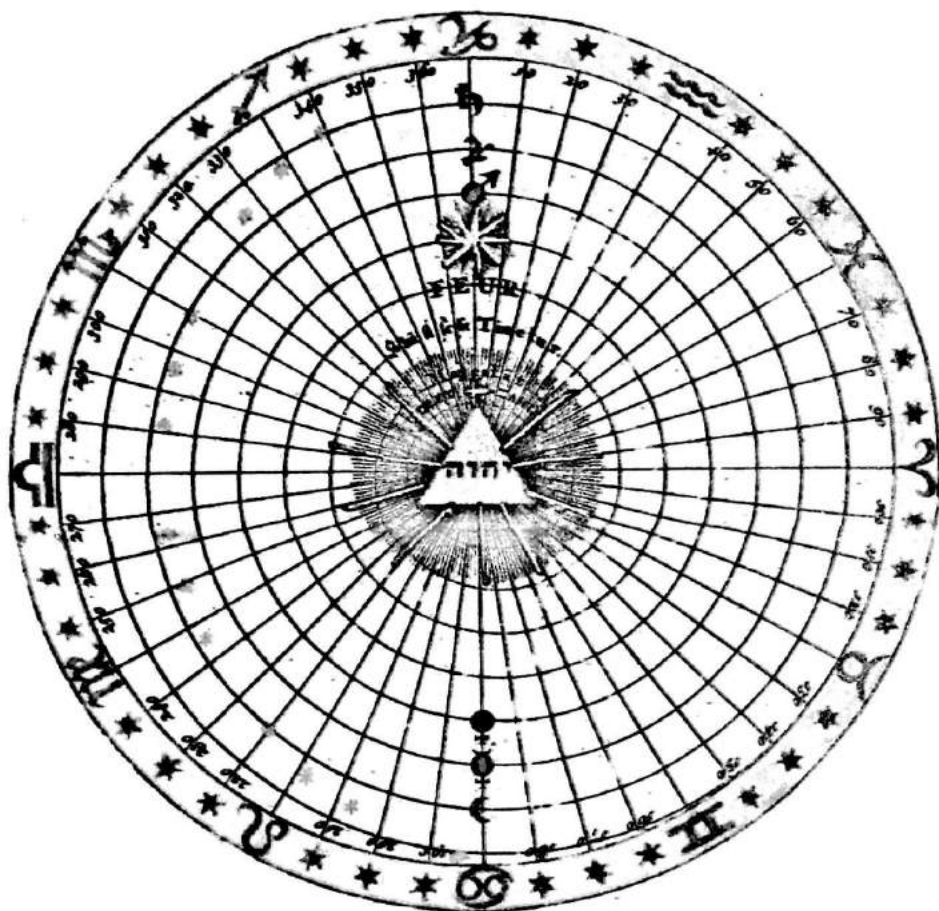
16. И наконец в шестой главе кое-что сообщено о молитве и ее *Mysterio*, что, собственно, значит молиться в Духе и Истине, как я то изучил из собственного опыта, потому что это есть неотразимый меч борца.

17. Любезный читатель да примет это с любовью, употребит к своей пользе и да возблагодарит Бога, от которого я это получил. Чьей драгоценной любви я и препоручаю читателя, а себя — его христианской молитве.

Scan Series by Tades Gekatoff

ГЛАВА I

Колесо рождения образа Божия в человеке
через три принципа Божественной сущности

ПРЕДВАРЕНИЕ

1.

Бога взыскующий читатель! Здесь сообщается тебе колесо рождения по всем трем принципам нераздельно и целостно, дабы ты видел заранее, как рождаются образы и силы в их порядке в душе [Gemüth⁹] нового человека.

2. Вообрази же это живо в душе своей, и тем легче ты научишься понимать нашего *Autorem*¹⁰ в нижеследующих фигурах, потому как понимание внутренне присуще душе.

3. Здесь сразу же он хочет, как бы для доходчивости, лишь вообще показать тебе, что был до падения

⁹ Слово Gemüth (совр. орф. — Gemüt) не имеет в русском языке адекватного эквивалента (как возможные в словарях указываются: нрав, характер, душа, *переносн.* сердце, *мн. ч.* умы и т. п.) и обозначает совокупность душевных и интеллектуальных кондиций личности как в общепсихологическом смысле, так и в контексте описания её сиюмоментного состояния, а может, как увидит далее читатель, в словоупотреблении утрачивать абстрактность смысла, который может мыслиться и эмблематически обозначаться даже анатомически-локально (торс, грудная клетка, спина).

¹⁰ Так в оригинале. *Неправ. лат.:* автора.

первосотворенный образ Божий, который сокровенно стоит в Духе, познан *Autore* на *praxi*¹¹ [на практике] из нового рождения во Христе и без покрова представлен тебе в фигурах совершенного человека.

4. И [который] наконец в существе возродится и познается в тебе, если ты всерьез последуешь за пишущим.

¹¹ На деле (лат.).

О ВЕЛИКОМ MYSTERIO БОЖЕСТВЕННОГО ОТКРОВЕНИЯ ПО ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ В ОБРАЗЕ ЧЕЛОВЕКА

1.

 ли мы хотим рассмотреть и созерцать человека в его внутреннем глубоком рождении, то от земной — звёздной и элементарной — жизни мы должны душой нашей обратиться во внутреннюю божественную жизнь Иисуса Христа в нас и просить этого дорого врача о милости, чтобы Он открыл нам, от природы слепорожденным, глаза, которые закрыл нам в раю дьявол; дабы мы вновь обрели наше потерянное око света [Licht-Auge], и Бога в нас могли узнать и созерцать; иначе он останется *Mysterium* за семью печатями и будет непонятен нашему звездному глазу [Stern-Auge].

2. Ибо что видим мы внешне в человеке и в его поведении, то, — исключая язык и природное верховное правление чувственного разума, — общее со всеми зверями; и когда человек достигает своего времени рождения, то возвращается подобно всем зверям в свою мать, в землю: и некоторым пристало бы желать, чтобы воскресения не было, дабы их дела не вышли на свет.

3. Поскольку же милостью Божьей я, недостойный червячок, был подвигнут к познанию себя самого,

я не утаил такое в моей особенности [*Eigenheit*], но захотел пользы ради поделиться с тем, кому это в радость, и представить эти фигуры в человеческом образе, — не захочет ли тот или иной, кто до сих пор мнит искать и находить Бога вовне над звёздами, увидеть себя в Духе.

4. Как я того очень желал в юности, потому что читал в священном Писании, что Моисей, Иисус [Навин], Давид и другие святые мужи говорили с Богом, и порой по полдня одиноко гулял в поле и смотрел на небо, но не мог осуществить своего намерения [*Intent*],

5. Пока, наконец, милостивый Господь явился мне внутренне лицом к лицу и открыл во мне своё небо и говорил с моей душою уста в уста, во внутренней сущности и в разуме, что меня немало подкрепило и разожгло ответную любовь к моему любимому Иисусу так, что я обязался Ему телом душою и духом, чтобы больше не выходить из Него, не отступить от Него ни в страдании, ни в скорби, в твердой уверенности, что Он вовеки ни дух свой от меня не отнимет, ни меня от Себя оторвать не позволит.

6. Что Он в точности и сделал: Тому единственно да будет слава, власть, сила, царство и величие во веки веков! Аминь!

7. Человек в своем внешнем и внутреннем рождении есть, собственно, тройственное созвездие, как видно из этой фигуры. Он живет в постоянном побуждении и голодном вожделении своего Центра, всегда кружит и вращается вокруг него в страхе, желая его достичь и обрести в нем покой. Но и достигнув его, он

не может найти покоя, покуда не придет вновь к своему истоку, откуда всё сотворено и рождено.

8. Первое — это внешнее созвездие и природного человека — правитель и вождь, который побуждает его ко всяческим искусствам, ремеслам, учебе и торговле, делает людей добрыми и злыми, богатыми и бедными, благородными и низкими, как это повсюду видно. Этому правлению подчинился Адам в своем падении и поставил под него всех своих детей, так что мы в нашем времени не можем полностью вырваться из-под него без возрождения и упорной борьбы.

9. Эта жизнь с её семью формами [*Gestalten*] внешней природы ввинчивается в самое сердце, в Солнце, которое корнем своим стоит в огне, откуда берет свой блеск и сияние. В эти семь образов вплёлся дьявол, старый змий, и запечатал и запер душу, как о том можно прочесть в Откр. 5.

10. Восьмая форма есть огненный мир с огненными звездами и стоит как в большом, так и в малом мире в середине, и есть грань разделения между внешним и внутренним человеком, поскольку во втором рождении посередине стоит мир света, в котором воссел Иисус, подчинивший Себе огненный мир в нашей человечности.

11. Корень этого огненного мира есть темный мир (об изначальности тьмы смотри у Я. Бёме «Три принципа», гл. 21, ст. 17¹²) с темными звездами, которые ог-

¹² См.: «Nun aber mag keine Sanftmuth sein ohne das Licht, denn das Licht machet die Sanftmuth, und kann auch kein Grimm sein ohne das

ненный мир держит плененными в себе, со всеми дьяволами и проклятыми душами; он — граница, которая разделяет добро и зло, метет гумно¹³ и ничего нечистого не допустит во внутреннее небо к Богу.

12. В этом огненном мире и стоит херувим с его обоюдоострым мечом и охраняет вход к внутреннему древу жизни, сквозь который мы или в этом времени должны пройти, или преодолеть его после времени и испытать его [меча] остроту; коль скоро там, в конце нашей жизни, стоит Моисей со своим строгим законом и дьявол зачитывает список грехов, который опытные могут засвидетельствовать и предостеречь всех людей, чтобы они не медлили с покаянием до последнего.

13. Ибо остроту его не может выговорить человеческий язык. О, блаженны те, кто чистит себя в этом времени и стяжал Иисуса! Над ними не будет властна

Licht: denn das Licht machet ein Sehnen in der Finsterniß, und da doch keine Finsterniß ist; sondern das Sehnen machet Finsterniß und den Willen, daß der Wille an sich zeucht und schwängert das Sehnen, daß es dick und finster wird; denn es ist dicker als der Wille, darum beschattet es den Willen, und ist des Willens Finsterniß» («Вот, однако, не может быть кротости без света, ибо свет рождает кротость, и не может быть ярости без света: ибо свет рождает тоску во тьме, и там всё же нет тьмы; напротив, тоска причина тьмы и воли, так что воля зачинает в себе тоску и беременеет ею, так что она становится густой и темной; ибо она гуще воли, потому затеняет волю и является тьмой воли»). — Böhme, J. *De tribus principiis, oder Beschreibung der drei Principien göttlichen Wesens*, Cap. 21, V. 17 // Jakob Böhme's sämtliche Werke hrag. von K. W. Schiebler. Bd. 3. — Leipzig, 1841. S. 279.

¹³ Ср. Матф. 3: 12.

вторая смерть. Но горе тем, кто упустил такую возможность в этом времени, потому что они будут выть и стучать зубами и проклинать день своего рождения и желать, чтобы они никогда не родились, как явствует из Иер. 20, 14 и Отк. 6, 16.

14. Из этого огненного мира или, собственно, между этим огнем и тинктурой как девятой формой сотворены ангелы и душа Адама — о том говорит Писание: Евр. 1, 7. Он делает своих ангелов духами и своих служителей пламенеющим огнем.

15. Скрытый темный мир содержит в себе первые три формы до огня и называется вне огня адом: что есть суровая власть Божия, к которой стремился дьявол и где он сам себе уготовил ад из сил божественных, так же и Адам;

16. И там он и должен был оставаться сокрытым, после того как Христос вновь запер его, в огне, когда бы человек со своими грехами и мерзостями не открыл их в этом мире и через то уподобился дьяволу.

17. Если человек пробьется через меч херувима и тем самым преодолет Бога и человека, то в девятой форме ему встретится небесная София и напоит его душу неизъяснимой сладостью и вновь облачит ее своей небесной сущностью; тогда лишь станет он ангелом Божьим, который живет в небе и может говорить с Богом.

18. Потому что только в этом новом платье душа может явиться пред Святой Троицей и в Святая Святых служить Богу молитвой, ходатайством и каждением в духе и истине как священник Всевышнего по чину Мелхиседека.

19. И лишь тогда достигнет цели, которой она до сих пор как невеста желала, а именно, чтобы повёл её любимый жених Иисус во внутренние покои, что не могло случиться без испытания огнем, так как она должна была пробиться сквозь формы огня и выстоять годы испытания.

20. Ибо Отец не берет сына в супруги своей дорогой Софии или Иисусу и не ведет его к брачному ложу, пока он не очистится и не выстоит в искушении. Небесная София также не доверяется в руки своего возлюбленного, она должна многократно и разнообразно убедиться в его верности, потому что она была обманута Адамом.

21. И хотя иногда она целует своего милого любовника в [его] безотчетном вожделении и навещает его с утешением и усладой, чтобы не становился он безотраден и не терял надежду, всё же это ненадолго: она удаляется вскоре вновь во внутреннего человека как в свой принцип света. Оттого потребны терпение и смирение.

22. А кто сдается и полагает упрямством, боем и насильственным своеобразием принудить её к сожительству, тот должен знать, что он не нравится Богу, и его милая невеста не примет его в его своеобразии. Ибо только смиренным и кротким выпадает благодать.

23. Десятое число это число Троицы, пред ним душевный дух должен стоять тихо и вместе со всем небесным воинством петь своё «Свят, Свят, Свят». Мы, люди, не можем вне деви Софии его постичь.

24. И мы должны действительно искать глубоко, если хотим созерцать её откровение в нашем внутреннем девственном образе, где она рождает сама себя из трех Принципов и вместе с тем рождается из девственного образа, что есть непостижимая тайна и знакомо лишь тем, кто помолвлен с небесной девиой Софией.

25. Читатель может, таким образом, легко понять из этой Фигуры, что Бог гораздо ближе к нему, в нём самом, а не вне его над звездами, в высокой вечности. И всё зависит единственно от того, чтобы мы обратили свою душу и повернулись всем своим вожделением в себя и жаждали Бога в себе, и не отступали бы от этого до тех пор, пока драгоценная София вместе со Святым Духом встретится нашей жаждущей душе и поведет её шаг за шагом дальше.

26. Ибо сразу мы не смогли бы охватить всего, потому что колесо природы вращается непрерывно и глубину Божества мы видим лишь как в темном зеркале случайным взглядом.

27. Оттого первый взгляд поверхностен и неспособен все сразу постичь, пока дух после долгого упражнения не дойдет до глубины и не доведет до сознания *Mysterium Magnum*¹⁴, как мы то познали из собственного опыта и кое-что открыли ниже, в пятой главе.

28. Ибо это не так, как если бы кто-то рассмотрел нечто и запечатлел картину в своей памяти, о чём позже

¹⁴ Аллюзия на трактат Якоба Бёме «*Mysterium Magnum*, или разъяснение первой книги Моисея».

мог бы говорить. Нет, душа должна становиться единой сущностью с познаваемым опытом и с тем много раз пройти через огонь, прежде чем это станет неизменным.

29. Ведь не исследование важнее всего, а ощущение, вкус и чувство, *что* никакой язык не подымлет и не выскажет, и любитель чтения никогда не постигнет глубины — ему нужно самому войти в сущность и внутренне следовать сквозь огонь за тем, кто выкладывает для него свой опыт на бумаге; может быть, он сам потом признает, что в своей душе вкусил и ощутил это гораздо глубже, чем это выражено в книгах.

30. Конечно, нам не нужна была бы кроме Библии никакая другая книга в мире, если бы только мы сами учились читать в нас нашу внутреннюю книгу трех Принципов: ибо она так полна чудес, что человеческий язык не может этого выговорить, а неискушенный, пожалуй, — в это поверить.

31. И самые просвещенные авторы невнятно лепечут, не находя слов, и должны прибегать к сравнениям и подобиям из внешней природы, когда хотят дать искателю руководство к углубленному размышлению¹⁵.

¹⁵ Ср.: «Если же теперь кто хочет видеть Бога Сына, то должен вновь обратить взгляд на природные вещи, иначе я не могу писать о Нем: дух хотя видит Его, но того нельзя ни высказать, ни написать, ибо Божественное существо состоит в силе, не дающей ни описать себя, ни выразить. Поэтому нам надо брать подобия, когда мы хотим говорить о Боге: ибо мы живем в сем мире в частичности, и сами созданы из частичности». — Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. — Репринтное изд. 1914 г. — М.: Политиздат, 1990, С. 41–42.

32. Но поскольку человек стал целиком внешним и уподобился животному, и помышляет лишь о проходящих ценностях этого мира, и любит свою жизнь, и презирает вечное непреходящее добро, — то оно для него легко остается запечатанным.

33. Ибо *что* свинье золотое ожерелье, а курице — жемчужина? Они всё затаптывают ногами и мешают с грязью, потому что они не знают этого.

34. Но духу, голодающему по Богу и знанию Его, ходящему в смирении и простодушно ищущему в своей жажде, это встречается само, без больших, тяжелых, страшных исканий, само по себе. Ибо Бог есть любовь и любит простоту, которая кажется себе недостойной любви и часто глупа для того, чтобы объять познание Бога.

35. Гордым и заносчивым духам разума Бог враждебен и кажет им спину, потому что они сами считают себя мудрыми и учеными и желают читать в книге тайн Божьих через очки разума.

36. Кто станет просить Бога о Его Святом Духе и не отпустит Его, пока не будет услышан, тот найдет лучший и вернейший путь и получит вожатого, который проведет его во все глубины и откроет все замки и двери, как о том свидетельствуют и учат своим собственным примером все просвещенные мужи; — вне этого истины не найти.

37. Потому должен алчущий искатель не ограничиваться лишь чтением и изучением писаний, а помнить о следовании их [просвещенных мужей] путями и — наряду с прилежной молитвой — и сам отправиться

Scan Series by Tages Gekato

ся в путь, земную жизнь ненавидеть и искать в себе внутреннюю, как поступил и я; так он вскоре сможет обнаружить, что их поучения и указания — от Бога.

38. Это значит здесь, как говорит Христос: «Кто просит, тот получит; кто ищет, тот найдет; кто стучит, тому откроют»¹⁶. Ибо сокровище лежит зарытым глубоко в душе и гнев Божий охраняет его и держит поглощенным, он должен быть, прежде всего, преодолен любовью Иисуса; допрежь ничего не найти, ибо он держит очень сильно то, что поглотил.

39. Потому зовет и учит нас Христос бороться и сражаться, чтобы пройти сквозь эти узкие врата: к тому потребна величайшая решимость, как видно на примере Иакова, который твердо держался слова Божьего, — «Ты, Господи, сказал мне: возвратись в землю твою и к родным твоим, Я буду благодетельствовать тебе»¹⁷, — и не поддавался сомнению.

40. Так же и ты должен поступать: завернуться в любовь Иисуса и не покидать волей своей ран Его, и твердо в вере держаться обетования, что Бог не может лгать, и в сомнении не выпускать его из твоего сердца.

41. Ибо гнев Божий проникает своим острым **Нет** в твое тело и душу и ищет до самого основания, твердо ли ты укоренен в Иисусе: и коль скоро он находит, что не преодолевает в твоем сердце слова Иисуса, то сдастся наконец и снижает свою остроту.

¹⁶ Ср.: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете, стучите, и отворят вам» (Мф. 7:7). См. также: Лк. 11:9.

¹⁷ Ср.: Быт. 32: 9.

42. Ибо занимается Утренняя Заря¹⁸ в любви Иисуса в сердце твоём и трансмутирует этот гнев в великое сострадание. Я желаю тебе, дорогой читатель, чтобы ты в душе своей воспринял и наслаждался его вкусом, передать который словами я не в силах.

43. И вот чем глубже душа зарывается в себя, тем ближе она подходит к Богу, пока, наконец, не оказывается тихо стоящей пред св. Троицей. Лишь тогда достигает она глубокого знания.

44. Ибо Дух Божий исходит затем с душою до самой внешней природы и являет ей за собой и пред собой рождение Единого как Величие в Троице через семь форм природы, а душа радуется такому познанию несказанно больше, чем всем сокровищам мира.

45. Ибо что может быть милее духу, чем Бог, вечная любовь? Чей сладкий вкус любви превосходит всякое человеческое разумение; и если бы даже самый красноречивый оратор и поэт собрал всё свое искусство, он все же не смог бы выразить подобное.

46. И будет какая-нибудь душа проклинать себя в самый день откровения за то, что такая драгоценная милость была так близка подле нее и следовала за нею вплоть до самого конца, но не была ею воспринята.

47. Потому что в этой представленной фигуре огонь помещен в восьмую форму, который собственно среди форм для вечной природы является четвертой формой, так что перед неопытным духом будет стоять пелена.

¹⁸ Очередная аллюзия на книгу Бёме: «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

48. Тому, однако, послужит объяснением, что на этой фигуре показано начало внешней природы, как снаружи вращается и кружится человеческая жизнь, которая тройственна.

49. Именно, внешняя земная, потом астральная огненная жизнь, которые, обе, связаны друг с другом и являются истоком внешней природной жизни; а внутренняя огненная жизнь с корнем ее — тьмою — есть источник внутренней жизни духа или света.

50. Когда, однако, сообщается о формах вечной природы, то первые три формы до огня принимаются за первый принцип, как формы для природы, а огонь как один принцип и первичное состояние жизни, потому что без огня не может быть никакой жизни.

51. Это понимается также как *Spiritus Mundi*¹⁹, который на горе Синай через Моисея дал законы детям Израиля и есть природа Отца, называющего Себя в этом огненном образе гневным ревнующим Богом и огнём посядающим.

52. Хотя Бог познается и называется Богом лишь в огне любви или в свете, как в пятой форме вечной природы.

53. Во-вторых, на пути непросвещенного духа будет лежать еще один камень, так как сообщается, что во внутреннем новорожденном человеке в самой середине стоит мир света или принцип света, в то время как в предпосланной этой главе фигуре в середине стоит огненный мир как граница разделения между внешней временной и внутренней вечной природой.

¹⁹ Мировой дух (лат.).

54. Тому должно быть сказано, что именно этот порядок вечной природы существует во внутреннем человеке как в этой фигуре, и, надо лишь заметить, что начало следует вести из первого принципа — корня огня — изнутри вовне или снизу вверх, каков и есть первый принцип; его порядок надстраивает всё одно над другим, подобно растению, как это видно на фигуре.

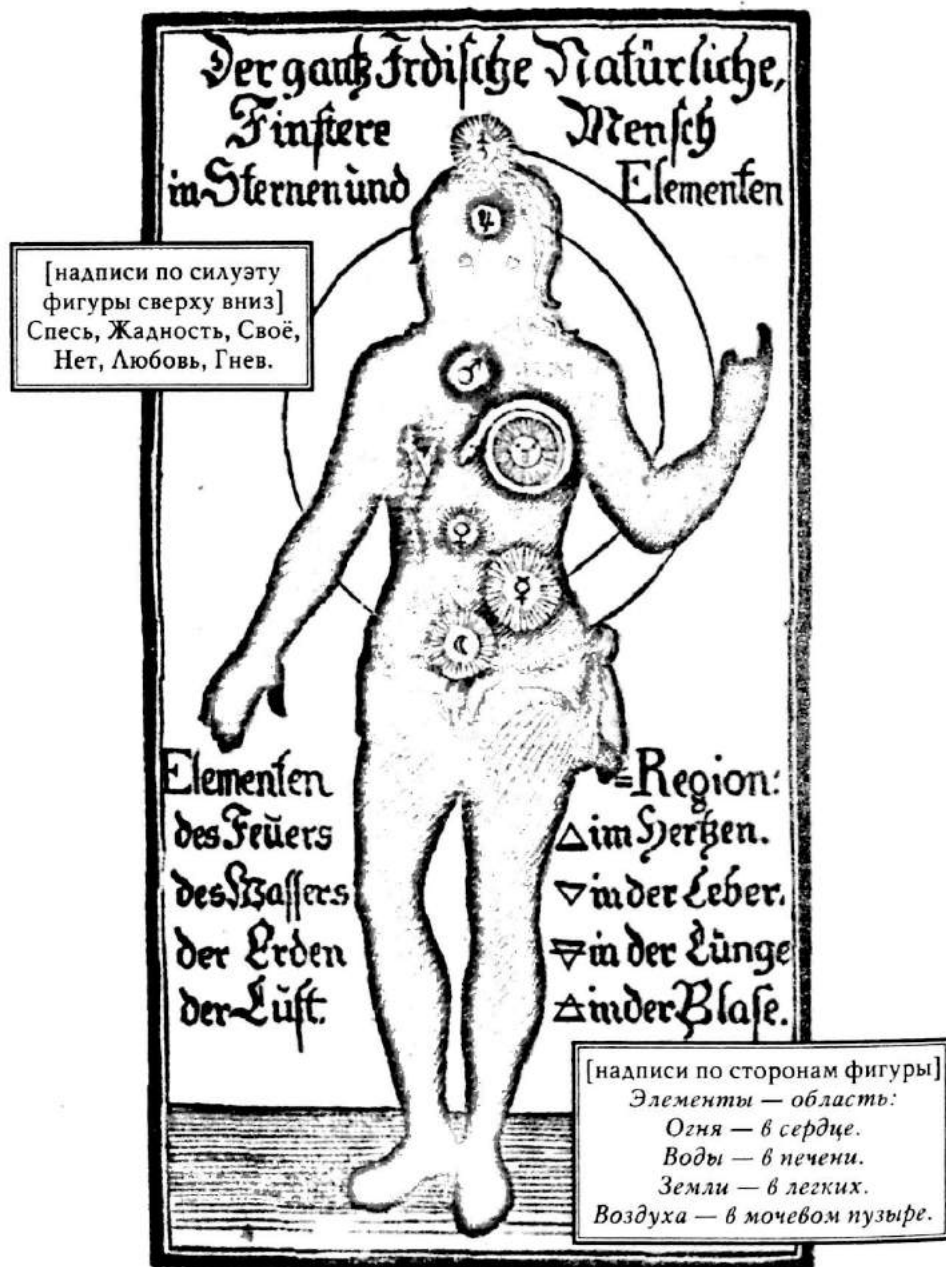
55. И всё это разъясняется для простодушных людей, слабых в понимании и легко устающих в искании, полагающих, что всё лишь слова полные путаницы.

56. Когда же человек оторвет свою огненную душу от света Бога и переместит себя как собственную жизнь в область внешних звезд, то является она как огненно-красный дракон о семи головах, на котором скачет блудница внешнего созвездия разума и сражается с Всевышним в основании света, как будет показано в следующей второй главе.

57. Но если огненная душа остается в смирении и для горения своего вбирает пищу от любви, тогда она ангел Божий, в котором открываются величие и большое милосердие Бога, и Софии муж и жених, как то будет выведено в третьей главе, который должен сражаться и бороться с огненным драконом самости и держать экзамен в соответствии с четвертой главой, так же и вооружившись мечом духа стоять во всякое время, согласно пятой главе, как священник Божий, свято в Святая Святых, жить умеренно и отрешенно.

ГЛАВА II

*Полностью земной природный темный человек
в звездах и элементах*

ПРЕДВАРЕНИЕ

В этой фигуре, стоящей рядом, первой из фигур нашего главного и просвещенного автора, любезному читателю показано, что такое падение Адама, как он оторвался от Целого, то есть от Бога и Да.

2. Ибо стал он сам себе колесом, которое отныне из совершенно чуждой сущности, имя которой — ложь (что Сатана, старый змий, водвинул первым родителям в душу их, и отчего наш драгоценный Спаситель, который есть для нас истина и жизнь, называет Сатану отцом лжи, Ин. 8:44), оно вращается само в себе, в добре и зле, и достигает лишь внешнего Солнца.

3. Ибо душа внутренне мертва и сама является адом, который ткёт вечную гибель и туда же стремится:

4. Поскольку человек в этом времени не оглядывается и не обращается духом к Богу.

5. Что называется принести покаяние, чье действие совершается в духе, в молитвах силой вырваться из адской бездны и причинить насилие Царству Небесному, и в вере восхитить его себе¹.

6. В этом понимается второе рождение, когда высекается искра веры в основании души, и дух приходит

¹ Ср. Мф 11:12.

к боязливому огненному рождению, в коем священном горении восходят упование и доверие к Богу, и Иисус обретает образ в сердце.

7. С тем вера в силу Иисуса пробивается сквозь всю власть Сатаны и все цепи и узы гнева и тьмы, которыми душа была окована во всех формах природы, в конце концов разрывает и разбивает, и сбрасывает с себя иго Сатаны.

8. Что совершается умиранием, для какового исхода Иисус нас укореняет в своей смерти, для такой же смерти с Ним, ибо мы с нашей душой, когда она в молитвах изо всех сил простирается перед Богом, сами становимся крестным деревом.

9. И кто достигает таинства этой смерти в своей душе, тот восстает в новой жизни во Христе, в которой восходит справедливость, мир и радость в Святом Духе и гнев превращается в любовь, как образно показано в следующей фигуре.

О ПРИРОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

1.

Когда мудролюбивый читатель хочет исследовать Бога в Его чудесах и созерцать Его в сокрытой тройственности в себе самом, то прежде всего должен он обратить взор в самую себя, научиться основательно распознавать самого себя в своем внутреннем тройственном рождении и жизни; поскольку он в себе самом есть вечный образ и подобие Божие, в соответствии с миром тьмы, огня и света.

2. И как эти три лишь один мир, но в сущностях и воздействиях различны, такова и тройственная жизнь в человеке, и ни одно не понимает другого: каждое пребывает в своей собственной воле и в огне или в духе.

3. И огонь каждого в отдельности имеет свой собственный центр и алчет своей собственной приятной ему пищи; чужой же в себя не приемлет, как то видно на людях разного образа жизни и побуждений.

4. Внешняя жизнь, порожденная из их вечных или внутренних миров как подобие, имеет свой центр во внешнем сердце, стоит во плоти и крови и является общей со всеми животными, ища лишь пропитания и размножения.

5. Её пища — это созвездия с теми элементами и воздухом, которые огонь раздувает в сердце; в её колесе семь форм внешней природы, сиречь планеты, которые дают ему [человеку] живость ума и рассудок, управляют и погоняют им; но внешняя жизнь имеет начало и конец во времени и должна разбиться до тинктуры или эссенции, которая устоит в огне; в отличие, однако, от животных.

6. Вторая жизнь — жизнь души, из внутреннего вечного огня, который свой центр хотя и имеет так же в сердце, но — глубже; и на сопутствующей фигуре он отмечен под сердцем темным *Globus*'ом, то есть миром. Это огненный дракон или Дух Мира, и он так тесно связан с первой жизнью, как мужчина и женщина; при этом она [вторая жизнь] стоит корнем на бездне.

7. Она имеет также семь форм для своего рождения, которые, однако, порождают лишь страх, высокомерие и честолюбие, как видно на бесах и людях, не рожденных во втором рождении: и [они] [семь форм] суть семь печатей, которые дьявол воздвиг пред душою, дабы не могла она узреть себя в Божественном огне и вновь возгореться в любви, Откр. 5.

8. Её пища отчасти из эссенций внешнего тела, частью из огненных созвездий и элементов дьявола, как то высокомерие, скупость, зависть, гнев, лицемерие, и все мерзости и грехи; её дух и действие — это дух гнева Божьего, который гонит людей и направляет.

9. Её способность видеть в земном теле — это солнечный свет, которым она пользуется; в себе же, вне

тела, она видит на дьявольский манер, наподобие кошек, крыс, мышей, лошадей и других зверей ночи.

10. В этих двух жизнях человек во внешнем человеческом образе всего лишь помесь зверя и беса (*Tierteufel*) и имеет внешне качество разве что домашнего или дикого животного, а по душе — отвратительного червя.

11. Ибо всякая собственная воля это чистый бес; и когда обрывается внешняя жизнь, тогда стоит душа в её уже утраченной воле в темной бездне рядом с бесами.

12. Третья жизнь — это святая жизнь света, но в этом природном человеке потаенная, бездейственная и неосязаемая: её огонь есть огонь Божьей любви, которыми горит его возроденная воля.

13. Она изначально проистекает из огня также в сердце, но располагается на ступеньку ниже, чем огонь, и в самом средоточии человека, как будет видно в следующей главе.

14. Её пища — небесная сущность, Христова плоть и кровь и элементы силы Его в новом теле, а именно: смиренная любовь, кротость, справедливость, истина и т.д. Его колесом рождения являются также семь форм, духовных, но — в снижении и смирении.

15. Её действие, побуждение и движение есть Святой Дух и рождает из себя небесную радость, ибо она дает душевному огню для его охлаждения свою нежную воду вечной жизни и превращает страх в радость.

16. Внешней чувственной жизни она дает лучи своей тинктуры, защищает от ядовитых злых влияний звезд и дьявола, сверху и снизу.

17. Эти два огня (именно гнева и любви) вечны и из Вечного выдохнуты в Адама, первоначально в теле они состояли в температуре и равновесии.

18. Но поскольку гнев хотел проявиться и властвовать в Адаме, попусшением Адама они были разделены в споре; это было его падение и разделение водо- или свето-матрицы² в жену [Männin], и порча райскому телу, на место коего было ему во сне надето земное тело со всеми земными членами, в нем же — болезни и смерть.

19. Отсюда же следует заметить, что Адам, в раздоре этой тройственной жизни в нём, дышал всеми тремя Принципами и жаждал вкушать и ощущать каждый, потому Бог разделил его жизнь, как, согласно подлиннику Лук. 15:12,30, ясно наставляет Христос.

20. Вот Писание и говорит, что все люди зачаты из греховного семени и все мы имеем такой же вход в этот мир, что и звери, и такой же выход, с тем различием, что лишь человеческая душа из Вечного, а у животного — нет.

21. Потому мы вечные, а те — преходящие твари, от которых останутся одни тени. Но мы должны по исполнении времени восстать либо для вечного суда и проклятия, либо для вечной радости и славы.

22. И так как мы знаем, что Бог не может лгать, мы должны открыть глаза, положившись на его справедливость и правдивость, и жить не по плоти, как животные, потому что от этого происходит лишь наша гибель.

² Matrix (лат.), означает также «матка».

23. Итак Писание открывает нам два вида огня: божественный, зажженный от неба, и чуждый огонь, который земная природа возжигает в низких элементах руками и искусством людей.

24. Тот должны были поддерживать дровами священники Скиний собрания и внешних храмов; но этот Бог не хотел принимать, а послал порчу на воскурителей в гнев своем, как можно прочесть в Чис. 16.

25. Что является прекрасным примером двух видов духовного огня в нас, а именно огня любви и гнева: тот — сверхъестественный божественный огонь, который исходит из внутреннего неба; этот — природный огонь тварной самости в теле и душе, пробужденный злой страстью.

26. И коль скоро оба являют, собственно, один огонь и лишь разделены в муке, как то видно на природном огне и свете, и оба вдунуты в Адама Богом, то разошлись они между собой и все же отлучились от божественной гармонии вследствие земного вожделения и ложной мании Адама.

27. И борются друг с другом в человеке за высшее правление уже в семени, и кто одержит верх, тот и определяет образ и форму твари в чреве матери, как явствует пример Каина и Авеля, так же и Исава и Иакова.

28. Из этого и вырастают два рода людей, добрый и злой, а не из божественного провидения, как то мнит рассудок. Ибо Священное Писание ясно указывает, что Бог сотворил только Одного; хотя Он имел много духа и искал божественного семени. Мал. 2:15. Быт. 1.

Scan Series by Taces Gekatoff

29. И когда потом Адам и Ева посягнули на добро и зло от древа познания и вполне уподобились телом и духом скотам и бесам, вечное Слово впечатлелось в *Matrix*³ Евы как воссоздатель и возродитель и вновь вошло в свет жизни как противоположность дьяволу.

30. Из коей противоположности возникла вражда и выросла распря в потомстве, Быт. 3, так что теперь от общих отца и матери происходят дети многообразных натур и свойств, аффектов и склонностей.

31. Чтобы несколько шире открыть это читателю, я хочу сначала представить ему фигуры и показать отличие тройственного человека.

32. В этой первой фигуре отображено животное тело (ибо первое райское тело неизвестно и испорчено). Знаки указывают на разнообразные земные соки и формы элементов, которые проявились в нашем теле.

33. Среди которых желчь и селезенка вызывают пищеварение в желудке, поскольку от избытка или нехватки того или иного сока портится *Archäus*⁴ и в теле

³ В оригинале в косвенном падеже — *Matricem*. Слово (лат.: матрица, матка) представляет важнейшее понятие христианско-герметической антропологии.

⁴ АРХЕУС (лат. *archeus* от греч. *archeios* — «первопричинный, изначальный») — в эзотерических учениях — единая, проявляющаяся на духовном, идеальном уровне жизненная субстанция природы. Из нее истекают все видимые вещи. Жизненная сила, которую древние мудрецы называли «духовным воздухом». Представляется как яркий, астральный Свет. — Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. — СПб.: Азбука-классика, 2004–2009.

вырастают всяческие болезни и нарушения.

34. И мы видим нашу великую нужду, каким зловоением плененная лежит жизнь, и охвачена смертью; и не знаем, в какой момент тот или иной элемент в теле поднимется и задушит или утопит жизнь или иссушит влажность корня.

35. Однако же мы так кичимся этим животным, наряжаем его мехами и перьями, украшаем его драгоценными камнями, жемчугом, золотом и серебром, откармливаем его всяческими тонкими кушаньями и ради достижения всего этого часто теряем свою бедную душу.

36. И когда мы в этом достигаем вершины и обретаем этаким земной рай, приходит смерть, предаст тело земле и червям в пищу, а душу — темному адскому огню, что представляется некоторым неожиданно и слишком рано и не обходится без великих страхов, как я заметил у умирающих.

37. Дух жизни этого земного человека есть удовольствие, вместе с семью формами, земными и сидерическими⁵; его зрение — это свет солнца; его центр вечная тьма, и если он не обратится вторым рождением, тьма поглотит его.

38. Поскольку же великий звездный мировой дух с элементами снабдил человека едой и питьем и должен взрастить его, то он хочет с полной властью иметь в нем верховное правление.

⁵ Сидерический — звездный (от лат. *sidus*, «звезда»; род. падеж *sideris*)

39. Хотя Бог вложил душу в тело как правителя и дал ей в помощницы свою небесную Деву Мудрость в Свете Жизни, чтобы душа с божественной мудростью посредством внешнего духа как Его инструмента ткала и являла в этом мире чудеса Божьи: ибо чудеса Божьи лежат в душе огня.

40. Так, однако, отделилась душа огня от своей милой помощницы, чтобы самой быть собственной правительницей и действовать и творить в этом мире по своему желанию, как ей заблагорассудится: ибо она полагала, что сила и мощь с чудесами Божьими лежат в ней самой.

41. И это, собственно, и есть падение Адама; он больше не хотел размножаться с небесной девой и ходить в послушании ей, но, как все животные, хотел иметь самку и наслаждаться земным плодом и удовольствием.

42. Так вверх его Бог в сон, выделил женскую *Matrix* с тинктурой света или воды в женщину и сформировал ему посредством *Spiritus mundi* его грубое плотское тело с животными членами, каковы мы еще сегодня и как отображено в этой фигуре.

43. Так в Адаме и Еве внешний мировой дух получил верховное правление над душой огня и лживыми речами змея и земным удовольствием, привел ее в конце концов к ядению от запретного дерева.

44. Так стали мы детьми мира сего и узниками под гнетом мирового духа, который теперь сковал нас как своих детей своим мощным голодом и, словно фараон детей Израиля, безжалостно гонит нас на свою бар-

щину, чтобы мы стремились лишь к почестям, деньгам, роскоши, сладострастию и земному скотству, как будто мы должны жить в этом мире вечно.

45. В том способствует душе ненасытная алчность из темной бездны, на которой основан этот мир, и побуждает душу к скотскому распутству, убийству, воровству и всякой злости, каковые плоды засеваются вместе с семенем, как видно на первом отроде — Каине.

46. Так посеял враг человеческий свой сорняк среди хороших семян, который теперь будет расти до времени урожая, когда Бог соберет хорошие семена в свой амбар, а сорняки свяжет в пучки и бросит в огонь.

47. Огонь очень хорош и без него не обойтись, ибо он дает человеку тепло, а также свет, чтобы он видел в темноте, полезен и в высшей степени необходим ему для приготовления пищи и всяких прочих дел.

48. Так же и Божий огонь, когда он горит в любви, полезен и хорош, и без него нельзя обойтись, ибо он дает человеку свет, чтобы видеть в темноте; он помогает вывести на свет чудеса Божии; он дает свету силу и мощь и выводит чудеса из тьмы в бытие, что одному свету было бы не под силу. Он будит в небесах радость, веселье и ликование, во тьме же — тяжкую муку.

49. Но когда огонь хочет пожрать все вокруг, поглотить и уничтожить все, что горит, тогда он зол; и где его не гасят, там он горит, пока находит горючую материю; наконец, он гаснет и становится темным углем, пеплом и пылью. Потому сотворил Бог также воду, которая может сопротивляться огню.

50. Так и огонь гнева Божьего зол, когда он хочет выйти из своего порядка, оторваться от любви, быть собственным огнем и поглотить все доброе; и если его не гасят, он поглощает всю масляную влажность, так что свет гаснет, и огонь становится совершенной тьмой, как читатель видит во второй фигуре.

51. Знаки планет означают колесо внешней природы, как звездное тело, которое обращается в себя вплоть до солнца. Вокруг солнца змея; означает дьявола в *Spiritu mundi*, который вплетается в наш земной образ жизни, вплоть до солнца [т.е. сердца⁶].

52. Вокруг Солнца круг или *Globus*; означает мир света, который, однако, поглощен или сокрыт.

53. А темный *Globus* или шар ниже под ним указывает на душу огня или гнев Божий.

54. Ежели бы, однако, этот темный *Globus* или мир огня был зажжен от Божественного огня любви, чтобы он горел ясно и рождал ясный свет в глубочайшей внутренности сердца, то старый змий Сатана был бы извергнут во тьму.

55. И ты стал бы ангельский возрожденный человек и дитя света, который вопреки плоти и крови, дьяволу и миру собственную волю в произведениях и делах своих распял бы и убил и во втором рождении последовал бы Христу⁷.

⁶ См. фигуру.

⁷ Мысль Бёме, ярко выраженная, в частности, в диалоге «О сверхчувственной жизни»: на вопрос Ученика, — «Быв в естественном состоянии, как я могу достигнуть до сверхчувственно-

56. Но сейчас в таком образе ты — лишь антихрист и враг света и ненавидишь свет, ибо дела твои злы. Твоя собственная гневная воля твари, — не Бог, — делает тебя злым и ведет к проклятию; эта воля уже и не может быть единым духом с Богом и ходить и жить в Его заповедях и по Его следам, повиноваться Духу Божьему и быть женихом небесной Софии;

57. Напротив, своевольный укрощенный человек-зверь, который хочет жить без забот по своему усмотрению и удобству внешней плотской жизни, без креста и неприятностей, не хочет ни Христом облачиться, ни небесной сущности алкать и жаждать или беспрестанно взывать о силе, имуществе, помощи и поддержке.

58. Да, — говорит собственная воля твари, — без Христа я ничего не могу делать, даже себе самому по своей способности ни прибавить, ни убавить, да и Богу что-то дать, чтобы Он простил мне; если хочет Он меня ввести в спор со мною же самим, так пусть вооружит меня своим духом молитвы и даст силу и способность к тому, чтобы я выдержал: ибо, кто кладет руку на плуг и вновь оглядывается, тот не годен для Царства Божьего; лучше мне остаться в моей простоте, чем мечтать

го основания без разрушения естества моего?», — Учитель дает ответ: «К сему есть три средства: *первое*, чтобы ты волю свою предал Богу и в основании погрузился в Его милосердие; *второе*, чтобы ты *возненавидел собственную свою волю и не делал того, к чему она тебя побуждает*; *третье*, чтобы ты с *терпением предался кресту Господа нашего Иисуса Христа*». — Бёме Я. *Christosophia*, или Путь ко Христу. — СПб., 1994. С.101. Курсив – авторский; полужирный курсив наш. — С.Ш.

о высоких вещах, я останусь в мире и спокойствии; если не призван я к шестому часу, Бог может позвать меня в одиннадцатом часу; кто сам на себя возлагает крест, тот его потом и нести должен; если Бог хочет возложить его на меня, Он уж знает, как меня найти.

59. Ответ: Это всё правда, дорогой человек, твое суждение очень хорошо, но ты лишь еще больше уподобляешься чёрту, покрываешь свою совесть фиговыми листьями и думаешь, что в такой темноте Бог не видит твоей самости. Если бы ты лучше не знал этого, а Божья воля не была бы тебе открыта, тогда ты мог бы заслониться от острого огня гнева Божьего.

60. Но ты ведь хорошо знаешь, что не к свинопасу, а к обращенной воле его, которая поддерживает в его сердце вожеление и всерьез смиренно хочет идти к Богу, Бог-Отец спешит навстречу и, хотя он еще далеко, обнимает, целует и облачает его.

61. Твоя собственная воля хорошо видит, когда желала бы почувствовать вожеление к Богу, что Бог тотчас поспешил бы ей на помощь и поцеловал бы и вооружил её своею силой; но она слишком любит себя и боится, что это будет стоить ей её спокойной уютной жизни во плоти и крови.

62. А захотела бы она вырваться из свинарника дьявола, чтобы потерять свое собственное природное право, умереть и встретить яростное сопротивление дьявола, который бы её не только изнутри из темного корня огня штурмовал сомнением, страхом, неверием и гневом;

63. Но и снаружи, через своих диких свиней, нападал, бичевал, истязал, поносил, ругал, ненавидел, презирал и считал безумным глупцом; больше того: как Богом и людьми оставленного пригвоздил бы к кресту и заставил кричать: Боже мой! Боже мой! Как ты меня оставил! — Где бы тогда природная жизнь брала хлеб и всё, что нужно?

64. Такими представлениями дьявол удерживает большинство людей, так что, хотя внутренне ежедневно, даже ежечасно Бог настойчиво приглашает их к своей трапезе, один оправдывается своими волами, другой своей пашней, третий своей земной женщиной, а четвертый намерен сначала запастись необходимым на много лет вперед, а потом уж стать благочестивым.

65. Бог, однако, не принимает такого своеволия; оно есть один лишь противящийся темный дьявол в человеке, который принадлежит аду, а не небу.

66. Не желает человек, пока еще пребывает во плоти и крови, пробиться через страшный огонь гнева Божьего и позволить сжечь свою самость, так придется ему это сделать после того, как сложит земные покровы, когда это будет происходить не так безболезненно.

67. Правда, Бог вдохнул человеку свободную волю с семью формами [Gestalten] порождения вечной троиственности и божественной мудрости и определил ему во внешние помощники разум или рассудок с пятью советниками, то есть чувствами (что называется нравом), чтобы свободная воля во всех созданиях господствовала и обнаруживала чудеса Божии;

68. Но лишь с той целью, чтоб он мог обратиться в себя и предстать Создателю покорно и послушно, в смирении предавшись основанию Божественного света, что бы ни хотел Тот содеять или явить с ним или через него; ему бы следовало с верой вкушать от *Verbo Domini*⁸, сиречь от Христовой плоти и крови внутреннего человека, не как от земного плода, то есть внешнего плотского тела — пищи для червей.

69. Так эта от Бога свободная воля оторвалась от внутреннего основания света, сама сделалась богом для себя и властвует в своих образах внешней природы над разумом и чувствами, оседлала душу, противится и прекословит Богу в самом внутреннем основании, делает, что хочет и что приятно плоти, и есть чистый дьявол, огненный дракон и змий, коего Бог должен сразить, обуздать и сломить, сокрушить и извергнуть.

70. И хотя Бог хочет своим Св. Духом внутренне прийти на помощь бедной плененной душе и разжечь в ней свой божественный огонь любви, дабы достигла она светлого блеска и сияния, чтобы увидело своеволие свой отвратительный драконий образ;

71. Но это своеволие своим ложным плотским вожделением сладострастия, распутства, почестей, богатства, преуспевания и глупой радости вносит в душевный огонь столько сырости, что он удушается и не может прийти к горению в Божественной любви.

72. Когда уже через своих возрожденных детей и учеников Бог призывает его к покаянию и обраще-

⁸ Слово Божье (лат.).

Scan Series by Tades Gekatoff

нию и благовествует ему о присутствии Господа, тогда своеволие извиняет себя тем, что не в этом его дар, оно получило другой дар, в котором оно должно творить Божьи чудеса:

73. Все члены тела, мол, не один член с одним и тем же действием, а многие, из коих каждый делает свое дело в теле⁹; в доме, дескать, много разных стропил и балок, одна нужна для этого груза, другая для того.

74. То есть коснеет в себе самом и запирает двери души перед гласом Божьим, чтобы не тревожиться в своем телесном покое и правлении.

75. Кто бы теперь решился ругать и переубеждать этого прекрасного бога-для-себя? Ведь он заключен в кротком звере под человеческой личиной: внешне благочестив, благопристойен и богоугодлив, ходит в церкви и к причастию, жертвует на попечение учителей и бедных, похваляется Христовым крещением и тем, что блаженство у него в кармане, и упоает на спасение из милости.

76. Он умеет так же хорошо, как его учителя, говорить словами Писания; он заходит даже столь далеко, что оставляет внешнюю церковь, упадок которой осуждает, и заводит знакомство с настоящими учениками Христа, чью скрытую жизнь и язык раз узнаёт, внешне ограничивает себя и воздерживается от сво-

⁹ Ср.: Рим.: 12, 4–7. С представлением св. ап. Павла о том, что «мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (12, 5) связано далее употребление автором выражений «бедные члены», «мои (Христовы) члены» и т. п.

ей женщины, или не вступает в брак, и о девственном брачном ложе и бракосочетании *Софии* с верующей душой — тоже говорит.

77. Но по сути это только восходящий из бездны тьмы зверь, который говорит как агнец и всё же — лишь обезьяна Божественной мудрости, насмехающаяся над Богом, Его детьми и истинной сущностью всего.

78. Он принимает знак Иисуса на свой лоб и остается лишь притворщиком и говорящим ртом — не истинным христианином на деле, который действительно смиряет и расслабляет волю, встает в *эссенциальный процесс*¹⁰ Христа и сердечно, просто, более всех сокровищ Египта, любит бедность Христа, которая является главным признаком истинных христиан.

79. Хотя я чувствую в моей тварной самости сопротивление дьявола, между тем как хочется ему быть скрытым и не открываться, но я доверю управлять Тому, который открывает, и никто не может затворить¹¹.

80. Ибо своеволие так сильно любит самоё себя и поражает человека такой слепотой, что он любви

¹⁰ Эссенциальный — бытийный, от лат. *esse* (быть), — понятие, терминологически и по смыслу связанное с алхимическим представлением об «эссенциях» как тонких («субтильных») субстратах духовных сущностей; «процесс» (Христа) — одно из важнейших понятий гностико-христианской антропологии, означающее трансформацию внутренней («эссенциальной») сущности человека.

¹¹ Ср. Откр. 3: 8.

Бога ни узнать не может, ни отличить от себялюбия; и полагает, что, если кто-то хотя бы словом касается его своеволия, тот нападает на Бога в самом главном и охотно, если бы только мог, низвел бы огонь с небес на землю, чтобы поглотить этого своего врага.

81. Но твое своеволие это не пророк Божий, Илия, верноподданный духа Божьего, а только своеволие дьявола, который воссел в свете жизни твоей как в Божьем храме и царит над всем, что от Бога, возмнив богом себя.

82. Слепой рассудок хочет вступить за своеволие и говорит: «Если бы все люди ходили следами Христа и следовали Ему одинаково, мир не мог бы существовать, потому что заглохло бы пропитание».

83. Но послушай, дорогой рассудок: Шестьсот тысяч мужчин, не считая женщин и детей, вышли из Египта, и все же не заглохло пропитание; первые христиане продавали свои поля, делали всё общим, а Иерусалим все же устоял.

84. Своёволию говорится, что ему должно быть всё равно, владеть или не владеть; и коль Бог ему подбрасывает богатство, то не следует запира́ть его в свои сундуки и говорить «Это мое добро и моих детей, я хочу с этим жить и делать, что хочу и как понимаю, и оставить это богатство моим детям».

85. Напротив, оно должно сказать: «Господи, это добро Твое и Твоих бедных детей, Тебе я жертвую его вновь»; и должно уступать бедным членам Христовым крохи со своего стола и направлять к ним свои ручей-

Scan Series by Taces Gekatoft

ки: Так бедняк мог бы без помех и истово пребывать в молитвах и в своем духовном служении Богу и благословлять тебя, своего милосердного подателя.

86. И совсем не учение и жизнь Христа и Его детей причиной тому, что богатые разоряются, ремесла и пропитаниеглохнут и мир идет к концу; это ты, слепой учитель рассудка, единственная причина и порча себе же, когда ясную букву учения Христова извращаешь в поддержку и без того слишком многое себе позволяющего своеволия;

87. И учишь, что можно якобы служить двум господам, стяжать и копить сокровища, за которыми охотятся воры, и устраивать обеды и зазывать на них богачей; бедному, мол, не следует ничего давать, дабы он не укреплялся в своем безделье и фантазии; и зарываешь колодцы, вырытые Авраамом.

88. Отчего своеволие цепенеет в своей самости, стягивает на себя всю жирность земли, обкармливает своих, презирает бедняка и оплевывает его как бездельника?

89. Что мешает бедным членам Христовым в их жизни и борьбе с гневом Божьим, так что им приходится кричать к Богу о помощи и спасении?

90. Тем возбуждается часто Божья справедливость, которая пробуждает для тебя врага и твое мнимое благословение обращает в проклятие так, что потом ты вынужден содержать тысячи солдат, чтобы враг не напал и не отнял у тебя всё, а тебя не сделал бедным христианином и последователем Христа.

91. Богатых этого мира увещай, чтобы они не были горды и уповали не на неверное богатство, а на живого Бога, который щедро дает нам всё для наслаждения, чтобы они творили добро, богатели добрыми делами, охотно давали, были готовы помочь, собирали сокровища, им самим добрую основу для будущности, чтобы они стяжали вечную жизнь, — учит Павел в 1 Тим. 6¹².

92. Благословение Божие делает богатым без труда через щедрое подаяние: ибо щедрого подателя любит Бог и обещал воздаяние даже за глоток холодной воды.

93. Тому же учит Христос, представляя будущее Свое пришествие для суда, Мф. 25, когда Он бедных Своих поставит по правую сторону, а богатых по левую, говоря, что, вот, Он голодал, жаждал, был наг, болен и был в темнице, и то, что сделали или не сделали Его бедным членам, то с Ним случилось или не случилось; и каждому воздаст плату по делам его.

94. Рассудок же, напротив, представляет, что, если бы богатые должны были поддерживать бедных, они бы сами погрязли в бедности и ничем уже не могли бы делиться. На это отвечает Таулер в своей «Бедной жизни»¹³: «Если богатые зашли столь далеко, что через подаяние стали бедны, то они пребывают в бед-

¹² В оригинале стих дословно цитирует стихи 17–19 главы 6 первого Послания к Тимофею св. ап. Павла в перев. Мартина Лютера.

¹³ Имеется в виду сочинение мистико-религиозного философа и проповедника 15 в. Иоганна Таулера «Следование бедной жизни Христа».

ности во Христе, который после вновь позаботится о них, чтобы им достало необходимого».

95. А я отвечаю, что рассудок слеп и не только не знает бедности во Христе, но и не может отличить ее от бедности в миру. Ведь бедные во Христе это верующие христиане, которые бедны единственно лишь из любви к их главе Христу и ценят такую бедность выше всего богатства мира.

96. И если бы ты даже захотел отдать верующему христианину всю свою мамону, он все же не взял бы ее, поскольку он живет в полном отречении от всех земных благ и есть истинный блаженный бедняк, но богатый в Боге, чему бедный в миру подражать не станет.

97. Верующий сам не делается бедным, но мир преследует его, отбирает у него всё и ничего ему не оставляет, гонит его прочь и так приводит его к настоящей истинной бедности Иисуса, так что в миру он не может ни купить, ни продать, —

98. И, тем самым, как бы вынужден, хотя радостно и охотно, стать учеником Христа и должен искать Царство Божие с полной уверенностью, что Бог позаботится об одежде и обо всем необходимом.

99. В каковой вере он и должен преданно и безоглядно оставаться до своего конца, иначе отнимется у него вера, и должен будет побираться как раб мира и живота.

100. Когда бы Бог не заботился о таких своих верующих детях и домочадцах, то был бы Он сам злее

язычника, даже злее дикого зверя, который своих детенышей кормит.

101. Неверующий же бедняк в миру, который доведен до бедности несчастьем или иными земными наказаниями, печалится лишь о хлебе насущном; когда он имеет его, он доволен и мнит себя достаточно счастливым, но о Боге он не знает ничего.

102. Верующий христианин держится Божьей заповеди и не смеет желать имущества богатого ближнего своего и обращаться к нему в нужде за помощью, а если уж он это делает сознательно, то не получает ничего.

103. Ибо Бог хочет один иметь такую честь, чтобы ему молились; тогда благоволит он вести какого-нибудь Аввакума за волосы в львиный ров к Даниилу¹⁴ или послать ангельского тихого человека, который должен позаботиться о бедности Христа.

104. Неверующий бедняк в миру, конечно, обивает пороги богачей и становится им в тягость, ибо от бедняков ему не на что надеяться, а богатые не особенно щедры, ведь они полагают, что сделают бедного тоже богатым.

105. Верующий христианин проклинает всякое упование на людей, даже на собственные руки, ибо Бог проклял это. До такого неверующий бедняк в миру дойти не может, потому что у него нет ни Бога другого, ни помощника кроме богачей этого мира.

106. Верующий бедный христианин это помазанный служитель Бога и храм Св. Духа, в котором жи-

¹⁴ Ср. Дан. 6.

вет Бог: его работа есть непрестанная молитва в Духе и Истине, как о стране, в которой он живет, чтобы она была благополучна, так и обо всех людях, чтобы они через истечение Св. Духа могли быть приведены к познанию Истины.

107. Он должен брать на себя бремя своих собратьев и помогать им ратовать, бороться и побеждать, и он не может служить двум господам или обращать свои помыслы в средство пропитания, ибо ко всем внешним делам он не годен.

108. Потому он и должен всегда жить трезво и умеренно и прилежно внимать движению Св. Духа в сердце, чтобы слышать, что в нем говорит Господь. Неверующий бедняк в миру, напротив, озабочен лишь вещами этого мира.

109. «Где же такие верующие бедные христиане? — говорит рассудок. — Я охотно посмотрел бы хоть на одного». Я признаю, что они пока произрастают очень редко, и знакомых [среди них] легко пересчитать по пальцам.

110. И нет нужды тебе, бедный слепой учитель рассудка, убеждать твоих богатых слушателей и сторонников держать мешок закрытым, сомкнуть руки и выморить голодом эту малую кучку.

111. И хочу надеяться, Бог не станет вменять тебе в вину твою слепоту, что ты чаял их преследовать и гнать прочь, ибо тем ты принес нам пользу, раздул нашу молитву и упражнял наши веру, любовь, надежду и терпение.

112. А если ты хочешь их видеть, то ты должен испить чашу, какую мы испили, и креститься крещением, которым мы крещены. Внешне мы, как все люди, жалки и слабы, но внутренний человек сокрыт в Боге и останется, вероятно, сокрыт от всякого рассудка.

113. Того ради и положил я себе вовсе не общаться ни с каким человеком, потому что перед рассудком, который сегодня правит миром и может умно всё оценить, я испытывал страх и хорошо представлял себе, какой борьбой могло быть чревато для меня общение с людьми.

114. Должен был, однако, уступить Духу Божьему, который против моей воли открыл мой путь и жизнь одному хорошему другу в молитве, и вверить это ему.

115. Я должен благодарить Всевышнего, который, против всякого людского чаяния, чудесным образом вырвал мою жизнь, уподобленную мною Христовой, из пасти смерти и ада и не позволил мне пасть в этой огненной борьбе с Богом и людьми.

116. Только больно, что из тридцати остался тверд в воле и верой постиг Иисуса не более чем один, который только и может хвалить всемогущество Бога.

117. Рассудок говорит: Если вы ведёте речь о такой высокой Апостольской жизни и славите ее, почему тогда вы не идете в мир проповедовать Евангелие, а сидите тихо по углам и не преумножаете Бога?

118. Да, дорогой рассудок, ты попал в точку; ты был бы первым, кто воспротивился бы, если бы нам

Scan Series by Taces Gekatoeff

пришлось проповедовать тебе наследие и говорить: «Оставь свою сеть и следуй за нами¹⁵».

119. У нас нет повеления идти в мир, а есть — быть обращенными в себя; мы призваны чутко пребывать в воле нашего Вершителя [Macher¹⁶]: что захочет Он нашей волей, как Своим инструментом, сделать или попустить.

120. Самовольная беготня и гонки с добрыми намерениями не достигнут этого и действие будет искажено, против воли Бога. Тихая расслабленная воля полезнее Богу и приятнее, чем самостоятельно действующая воля.

121. Мы хотим единственно и только того, чего хочет Бог, на том мы стоим, и пусть рассудок судит о нас, как хочет, ибо мы знаем, что в божественных вещах он слеп.

122. Мы теперь знаем, что Бог благ, и всё, что Он сделал, было благом, и того ради мы не можем обвинить Бога в том, что мы стали злы и Его вдохнутую в нас свободную божественную волю Вершителя отторгли у Него и присвоили себе.

123. Тот чистый дьявол, кого Дух Божий у Даниила и Иоанна уподобил мерзким диким зверям и от-

¹⁵ Ср.: Мф. 4: 19–20.

¹⁶ *Macher* — в прямом значении — *делатель*, тот, кто делает, совершает нечто *действительно*. Здесь — в противопоставлении делам земным, самовольным — призрачным и мнимым. Это противопоставление своеобразно отразилось в финальном *Мистическом хоре* в «Фаусте» Гёте.

вратительным драконам, ядовитым змеям и прочим червям, — что, конечно, произошло не от ненависти, вражды и ожесточения;

124. Но следует из сердечной любви: сможем ли когда-нибудь мы, бедные дети Евы, увидеть и познать себя и испытать к себе ненависть, отвращение и ужас, чтобы, как блудный сын, обратиться и вновь вспомнить о доме нашего небесного отца.

125. Ибо даже если кто-то восходит высоко в любви Бога и хотел бы водворить на небо все безбожные проклятые души вместе с чертями, то всё же это зависит не от всемогущества Бога и не от нашей воли, а от воли проклятых душ и чертей: смогут ли они хоть в вечности обрести волю к смирению и возжелать быть избавленными из огня гнева Божьего.

126. Притом я сам не очень этого хотел бы, поскольку полагаю, что то, что вечно, больше не должно подвергаться изменению. Я пишу не о тех, которые висят на волоске и должны в невыразимом мучении проходить сквозь магический огонь гнева;

127. Но — о тех, за которых невозможно будет замолвить слово и не будет надежды на облегчение в огне: те тотчас отрекутся от Бога, проклянут и станут бежать Его. Добрословие и собственная воля не найдут себе места на суде Божьем, но каждому придется удовлетвориться Божьим приговором, затем что Бог есть истина и справедливость.

128. И если бы даже из первого послания Св. Петра, гл. 3, ст. 19, кто-нибудь захотел сделать вывод

о спасении некоторых из ада, потому что Христос проповедовал духам в темнице, то я признаю, что в духе я побывал в обеих темницах — между временем и вечностью и в преисподней дьяволов, но нашел одно большое различие между ними.

129. Ибо в темнице между временем и вечностью нет муки страха и там ни темно, ни светло, а как бы сумерки. В аду же только отчаяние и ужасная мука страха, которые быстро принуждают душу к отчаянию и отречению от Бога.

130. Ибо мое пребывание там длилось лишь шесть часов, и если бы Бог не держал мне язык, я тотчас отрекся бы от Него навеки.

131. Вместе с тем я не смею всё же утаивать, как при умирании великих и тяжелых грешников, чему я был избран в свидетели, Бог дал мне заметить, что Христос сопутствует душе вплоть до разделения души и тела.

132. И когда душа прибывает к рубежу восьмого вида огня, в котором стоит Моисей с его огненным законом, и дьявол зачитывает душе список [её] грехов, то является Христос — как посредник и престол милосердия — ходатаем за душу, так что она наслаждается еще одним взглядом милости и остается висеть на волоске надежды.

133. Но я никому не советовал бы, утешившись тем, грешить дальше. Ибо там, где гнев Божий переполнен, он горит несказанно остро, как это можно видеть в сравнении с природным огнем: чем

больше подкладывают дров и подливают масла, тем острее он горит. Потому каждый пусть будет предостережён.

134. Если же теперь рассмотреть, как все религии в мире заострили свой разум, чтобы проложить этому дьявольскому зверю прямую дорогу в рай и ввести его в величие Божие без умирания самости и следования Христу, то видно, как борются друг с другом три Принципа за верховное правление в душе, как они всегда боролись и оказывались рядом друг с другом.

135. Отсюда и произошли слепота и великое сомнение природного человека, из чего он полагает, что *его* учение и мнение должны быть путеводной нитью для Божьего суда, а не Божье слово и заповедь.

136. Ведь речь здесь идет не о язычниках, которые ничего не слышали о Христе — тот же образ мыслей сохраняется до сего часа среди христиан: притом каждый по своему разумению живет, умирает и полагает, что без перерождения и умирания самости должен будет подобно Христу воссесть на небе одесную Бога и господствовать, как его вели и наставляли его слепые учителя.

137. Однако, поскольку великого Бога наше жалкое человеческое состояние наполнило скорбью, Он из милости своей, через простого неучёного мирянина Якова Бёме открыл [нам] древо познания добра и зла, а так же глубокое основание трех принципов и возникшее из него падение Люцифера и Адама.

Scan Series by Taces Gekatofff

138. Каковое откровение побудило некоторые сердца дальше самостоятельно раскапывать в себе эту жемчужину; и то здесь один, то там другой находил жилку, ведущую его к любви Божьей и молитве.

139. Хотя мне его писания попали в руки лишь через несколько лет после моего пробуждения, но принесли огромную пользу в моей серьезной борьбе.

140. И стоит ли удивляться тому, как быстро [последователи] уклонились от великого рвения в следовании Христу, начавшегося в первой церкви, и от отрицания всех земных благ вновь впади в самоублажение.

141. И я никогда не смогу в достаточной мере отблагодарить моего Бога за то, что Он Сам ввел меня, наименее достойного из всех, в бедность Христа и тем прибежищем высвободил из *Praxi* (хотя это и презирается всеми людьми, что происходит от недостатка настоящей огненной любви к Иисусу Христу,

142. Которому мы как нашему Главе, Царю и Престольному Князю, пуще — нашему вечному Жениху, должны оказывать себя во всем схожими и быть послушными, должны любить Его превыше всего: ибо, где нет единообразия, там нет и единства и гармонии).

143. Теперь, как из св. Писания, так и из света природы нам известно, что Адам отвратил свою свободную волю от своего Создателя в дух мира сего и возжелал сокровищ и блеска этого мира, и тем вовлек и нас, его детей, в такую же ложную страсть и алчбу и сделал рабами мира и детьми тьмы.

144. Так что мы теперь в поте лица едим наш хлеб и провожаем свою жизнь в изнурении, страхе, нужде, тревоге и заботе, в конце всё вновь покидаем и из этого мира должны войти в вечную тьму и остаться детьми ада.

145. Разве только мы обращаемся и снискиваем Иисуса, который опять же ради помощи нам изошел из небесного Отца своего в наше человечество, чтобы принятую нами тварную волю обратить от всей земной страсти и алчбы вновь к Его и нашему небесному Отцу, и Сам подчинился Ему вплоть до крестной смерти;

146. И нас наставлял, что, если мы хотим быть Его *Discipel*¹⁷, мы должны тотчас отринуть всю земную волю, взять на себя наш крест и следовать за Ним, каковое учение предписано не только апостолам, но и всем христианам.

147. Притом первые христиане такую заповедь *практиковали* и тем подтверждали, что они любят христианство и хранят его заповеди.

148. На то нацелено всё учение Христа: Блаженны бедные в духе¹⁸, ибо их Царство Небесное: Никто не мо-

¹⁷ *Discipel* (голл.) — ученик. От *lat. discipulus*.

¹⁸ «*Selig sind die Armen im Geiste*». — Аналог соответствующего места, дважды повторяющегося в каноническом русском переводе, — «блаженны нищие духом» (Мф. 5:3 и Лк. 6:20), — воспринимается в контексте разночтений, имеющих, с одной стороны, между этим последним и традицией евангелических переводов Библии на немецкий язык и, с другой стороны, — между переводами в этой традиции. Русский перевод совпадает по смыслу с лютеровским стихом Евангелия от Матфея «*Selig sind*,

жет служить двум господам; он будет предан одному, а другого покинет. Взгляните на птиц под небом: они не сеют и не жнут, однако ваш небесный Отец питает их.

149. Стремитесь прежде всего к Царству Божьему и к Его справедливости, тогда вам все остальное приложится. Не заботьтесь, Отец заботится о вас. Ищите сокровищ, которые пребудут вечно.

150. Но такая жизнь в вере сегодня чужда, так же чужда и вера, я это охотно признаю. Что мы — языческие неверующие, это всё же правда; между тем наше неверие в Бога не упраздняет веры.

151. Потому мне и было страшно открыться какому-нибудь человеку, что я, конечно, предвидел, что бедность во Христе всякую другую мирскую жизнь осудила бы и опрокинула и пробудила бы острый спор и противоречие: ибо каждый не преминет об этот камень спотыкаться и садниться; — каждый говорил: «кто может так жить?»

die da geistlich arm sind» (Mt. 5:3. — «Блаженны, которые бедны духовно»), по отношению к которому выражение Гихтеля звучит полемически («блаженны... в духе»), вполне, однако, соответствуя переводу, выполненному полтора столетия спустя (см., напр., изд.: Die Heilige Schrift, aus dem Grundtext übersetzt. — Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft zu Berlin, 1961). Прямой (не «духовный») смысл слова «бедные» у нашего автора подтвержден не только всем ходом его мысли, но и употреблением этого слова в принципиально не различающихся упомянутых немецких переводах соответствующего места Евангелия от Луки, где Иисус, обращаясь к ученикам, конечно, говорит в прямом смысле: «Selig seid ihr Armen, denn das Reich Gottes ist euer» (Лютер, — «Блаженны вы, бедные, ибо царство Божие ваше»).

152. И осуждали бедность во Христе и её приверженцев как самых дурных соблазнительей, каких с начала мира не бывало, которые для всех доброустроенных республик чрезвычайно вредны и нетерпимы; колокол был отлит, да языка не было.

153. Какие только бури не испытывали нас и не загоняли в молитву, когда дьявол уж совсем собирался покончить с нами.

154. Рассудок может вертеть Писание, как хочет, и придавать ему какой угодно чуждый смысл, но жизнь и учение Христа — это прямая противоположность Адамовой природной жизни; и никто не может быть истинным возрожденным христианином, если владеет чем-то по своеволию.

155. Ибо в имуществе заключена самость, которую стяжал Адам, — она должна быть полностью отринута, или она будет низвергнута в ад, которому и принадлежит. Ведь сам Христос жил в мире подаянием и имел не так много в собственности, за что Он мог бы сложить голову.

156. Теперь рассудок возразит: Если все люди были бы такими верующими бедняками, кто тогда должен был бы их содержать? Слушай, рассудок, учение Христа не устраняет несправедливого богатства и не упраздняет справедливого пользования: потому что это дар Божий, чтобы умножались богатые.

157. Христос называет их домоправителями и казначеями, которым он препоручил своих верующих бедных последователей с тем, чтобы им давали необходимое в нужное время. Большого они и не хотят.

Scan Series by Taces Gekatoeff

158. И тот, кто скажет, что это его имущество и принадлежит ему, тот — вор, ворующий у Бога, и должен будет за это ответить. Бог создал всё общим для общей пользы, не для обжорства, роскоши и похоти.

159. И с ужасом должны будут услышать те богатые, которые богатство Бога заперли в свои сундуки и сделали своей собственностью, а бедным верующим христианам не бросили в нужное время необходимое им: «Прочь от меня, проклятые, в вечный огонь, приготовленный для вас и всех дьяволов!»

160. Пока верующий имеет средства в собственности, он не может всем сердцем довериться Богу и никогда ни к живой твердой и сильной вере не пробьется, ни из-под власти мирского духа освобожден быть не может. Для богатых это — *Paradoxon*, бедные верующие понимают это очень хорошо.

161. Для небесной мудрости бедность Христова это крепость, в которой она живет в сохранности. Кто хочет войти к ней, должен сначала стать бедным. Бедность во Христе это потаенное сокровище всего богатства, сил, знания и таинств Бога. Глупец презирает их, но мудрый ценит их высоко. Вся земная мамона лишь грязь в сравнении с ними.

162. Я говорю в истине без тщеславия, и Господь мой свидетель: Если бы мне давали все имущество мира за бедность Христову, я не поменялся бы ни на мгновение: она оберегает от высокомерия и мух и является огнем Божиим, который постоянно пробуждает и подгоняет к любви и молитве.

163. Бог так жестко связан со своей бедностью, что никогда не может ее покинуть: ангелы, люди и птицы должны ей служить. Бог не заставляет их просить милостыню, как мирской дух — своих неверующих мирских бедных, которых он часто отталкивает, как собак.

164. Бог всегда пробуждает добродетельные сердца, которые сочувствуют верующим. Бедных во Христе невозможно узнать, потому что внешне они кажутся богатыми и вследствие того скрыты для рассудка.

165. Люди стыдятся бедности во Христе и считают ее позором, но Господь в них будет стыдиться их перед Его Отцом небесным.

166. Я никогда ради денег не заискивал ни перед одним богатым и не кланялся его мамоне, но, напротив, прямодушно свидетельствовал истину и порицал неправоту, и я любим богатыми больше, чем я того заслуживаю.

167. Поскольку я жил в мире и служил *Spiritu Mundi*, я должен был делать то, чего он хотел, но когда божья милость внутренне охватила меня и я раскусил и разобрал жизнь мирского духа — он вытолкнул меня из моего пропитания, всё у меня отобрал и не оставил мне даже доброй рубашки, и вознамерился склонить меня к стопам своим.

168. И именно тем самым потерял свою власть: ибо Божьей святой волей он должен был с этого момента служить и щедро доставлять мне всё необхо-

димое; и когда он заметил свою потерю, стал меня усиленно домогаться и сверх меры сладко свистеть в уши, но милостью Божьей не смог возвести меня в чертоги Венеры.

169. Вследствие чего он крайне рассвирепел и на-пряг все свои силы, дабы выморить голодом бедность Христову; Бог, однако, мудро расстроил и это: Ему одному вечно честь, слава, хвала и благодарность, власть, царство, мощь и сила. Аминь!

ГЛАВА III

4. В том завидует ему (ей)² Сатана, так же как первым родителям в раю, и постоянно возжигает душе огонь гнева Божьего в образах (Gestalten) природы во тьме, внутренне и внешне; и всегда искушает её в образе огня, чему она, однако, должна твердо противостоять в вере.

5. Что тоже являет собой затяжной спор, в котором любовь и гнев обостряют друг друга, причем гнев должен выявить любовь; он проходит сквозь все десять видов внутренней огненной жизни до всемогущества; здесь становится явным, что только любовь есть Бог и всемогуща, гнев же — только природа, — он должен передать любви свою силу и мощь, так что из обоих возникает единая эссенция и сущность.

6. В этом восходит вся Божественность в Духе, и объемлют друг друга Бог Отец и Сын в заново рожденном Человечестве, поскольку Отец передает и запечатляет на сердце Сыну Человечество, и венчает его Христу в Деве Мудрости³ Своей; после чего Сатана впредь во всякое время как молния низвергается с неба на землю и извергается прочь, и мы во всяком споре побеждаем с преизбыточным преимуществом.

² Так в оригинале. То есть: блудному сыну — душе.

³ Т. е. Софии.

О ВОЗРОЖДЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

1.

Благосклонный читатель должен знать, что я пишу не с чужих слов или из книг, а из собственного видения и опыта и сталкиваюсь с большими трудностями, ибо этот человек состоит в духе и очень потаён и не может быть ни изображен в естественных образах, ни описан земным языком.

2. Из-за чего я должен прибегать к природным сравнениям. Потому любезный читатель должен будет над оными размышлять, пока не достигнет понимания и представления.

3. И если через это он восплает жаждой самому познавать и видеть себя в свете божественной мудрости, то он должен с жгучей серьезностью обратиться во внутреннейшее основание или центр души, усердно просить, взывать к Богу о Его Святом Духе и во всем, что он есть, имеет и может, телом, душою и духом предаться Ему целиком, присягнуть на верность и взять твердое намерение никогда, ни в бедности, крестной муке, нужде, ни в смерти не отвращаться от Него, но до конца стойко следовать, точно как сделал это я.

4. Тогда я нимало не сомневаюсь, что и его молитву Бог услышит во имя Иисуса и даст [то], чего просило прежде и [чего впредь] будет жаждать его сердце.

5. Новое тело столь сильно отличается от прежнего, как лучезарное солнце от темной земли; и хотя оно [новое тело] совмещено со старым, но всё же для него неосвязаемо и непонятно, временами, однако, весьма ощутимо.

6. И в сути своей не может быть отображено точнее, чем как только с помощью солнечного или звездного света или блеска; и для наших внешних природных глаз так же недоступно для созерцания, как нам невозможно смотреть природными глазами на ярко светящее солнце.

7. И хотя появлению Христа после Его воскресения было возможно соприсутствовать, всё же следует заметить, что Он тогда еще не просиял.

8. Показывает же нам ясно история Павла близ Дамаска, как от излучения просиявшего тела Христова Павел был столь ослеплен, что на три дня лишился своего природного зрения⁴. О моем собственном опыте нечего и говорить.

9. Как свет солнца соотносится с блеском звезд, так наши новые тела пред телом Христа: Он — Солнце, мы Его звезды, едина плоть и состав, одна сущность; чем ближе и схоже с Христовым страдание и следование [Ему], тем ярче блеск и свет.

10. Силы этого тела я не могу сравнить ни с чем, как только с красками сияющих драгоценных камней, алмазов, рубинов, гиацинтов, яшмы и т. д.

⁴ См.: Деян. 9: 3–9.

11. Кои вперемешку играющие краски создают столь милое и великолепное зрелище, что даже ангелам радостно смотреть, а человеческий язык обсказать не может, ибо у нас есть лишь земные сравнения, которые перед небесным существом суть лишь тень.

12. Ах, как безрассудно поступают люди, которые ради горсти преходящего плотского наслаждения упускают такое вечное великолепие!

13. Это тело вкушает от Слова Божьего или от небесной Софии, которая светит в тело из внутреннего святого огня любви и света, а желание или вера делает это действительным, осязаемым. И всё-таки всё лишь духовно, тоньше воздуха, подобно лучам солнца, которые проникают сквозь все светлые *corpora*⁵.

14. Эта небесная сущность нового духовного тела своим сильным вожделением вновь вовлекает преображенную душу в свои огненные эссенции, как жених любимую невесту, и рождает из себя ликующий яркий белый свет в самой глубине души и сердца, в мире света.

15. Откуда исходит Святой Дух в вечную мудрость и помогает также и внешней жизни порождать, образовывать, оформлять и творить свой хлеб насущный и всё необходимое.

16. И это есть уже святое и вечное порождение трех Принципов — Отца, Сына, Духа Святого и мудрости в возрожденном человеке, а не только хлеба, как полагаешь ты, бедный слепой рассудок, и должен попросту оставаться слепым перед этим глубоким та-

⁵ Тела (лат.).

инством [Misterio⁶], поскольку ты недостойн его знать и понимать.

17. Ибо ты ищешь лишь этого мира, чтобы ты мог набить сундуки добром и оставить свое богатство детям в наследство. Если бы ты искал для них кроткую душу, было бы намного лучше.

18. Даже и набожные богатые в этом слепы и наказуемы, пусть даже и обладают они уже очень хорошим познанием: щедро помогая своим мирским телесным друзьям пробиваться в жизни, они укрепляют их в злобе и праздности и сознательно откармливают в них дьявола самости.

19. При этом они ведь не могут ждать награды и благодарности ни от таких безбожных друзей, ни от Бога. Для тех же робких борцов в их болезненных рождениях они скупно позволяют крошке упасть со своего стола, что перед Богом точно так же будет их позором.

20. Ибо человек будет судим не по его добрым намерениям, а по открытому в нем Богом духовному сознанию, как о том объявляет сам Господь. Лк. 12, 47; Иак. 4, 17.

21. И надеюсь, что это добросердечное братское предупреждение не будет дурно истолковано, ибо мы должны позволять своему свету светить, невзирая на личность, и предоставить суд Богу.

22. Конечно, Бог сердечно любит лежащую в Его основе свободную волю, в которой Он сам хочет же-

⁶ Написание и употребление слова (дат. п. от *Mysterium*, лат.) свидетельствуют об идущем в языке процессе его ассимиляции и расширении смысла.

дать, образовывать, формировать и творить, что пристало Ему; она милосердна, и проявляется Он в ней радушно; но своеволие Он ненавидит, даже если оно творит много добрых дел, ибо оно действует только в самости.

23. Просвещенный и опытный читатель, правда, не нуждается в нашем писании, потому что в нем самом есть внутренний учитель и руководитель, и не для него мы пишем.

24. Но неопытному и неподготовленному духу мы должны светить своим светом и показать, что такое второе рождение, что за процесс ведет Бог над старым Адамом и как новый человек должен идти от одной ступени к другой, пока его новое тело не достигнет своего полного развития.

25. И должно быть замечено, что во втором рождении мы не получаем новой души, но — новое тело, и, таким образом, душа не нуждается в повторном рождении, лишь в обновлении и повороте от внешнего во внутреннее, где она обновляется чистой божественностью.

26. Старое брренное тело есть и остается хрупким и своим трусливым голодом и поведением способствует делу не более, чем навоз на поле росту зерна.

27. Оно поглощает все припасы души, приводит ее в бедность, страх, тревогу и заботу, так что она не может больше найти во внешней свинской жизни ни пищи, ни улады, ни радости, ни веселья, становится печальна, созерцает тяжесть земной жизни, видит суетность всех вещей и начинает задумываться о доме Отца своего.

28. И если бы не было этого трусливого погонщика, не было бы нужды явить на свет чудеса мудрости Божьей, и молитва верующих не могла бы быть возжена пламенно и серьезно.

29. Для каковой цели Христос немедля вводит своих последователей в свою святую бедность, попускает обирать их, изгонять и преследовать и оставляет им не так много средств, чтобы преклонить голову, дабы они устремили свое доверие к Богу и верили Его обетам, что Отец заботится о них.

30. Ибо бедность и нужда учат звать и кричать и просить Бога об укреплении веры, что лучше всего понимают ученики Христовы.

31. И пусть у богатых не сыскать кредита, но всё [это] же правда, которая сама о себе свидетельствовала бы в свое время, когда они в одночасье были бы лишены всего, что напасли, как тотчас восстали бы в душе неверие, сомнение, забота, страх и печаль и возопили бы: Откуда взять хлеба в пустыне? — как мы видим даже по Моисею, Num. 11, 13⁷.

32. Мы, бедные люди, не знаем, сколь глубоко мы поглощены Spiritu Mundi, и живем в чистом неверии; часто, правда, воображаем себе сильную веру, а не доверяем Богу и куску хлеба; сразу боимся, что, научив-

⁷ Так в оригинале. Окончание абзаца представляет собой аллюзию на «ропот» иудеев в пустыне во время Исхода из Египта (ср. так же с параграфом 55 этой главы). Ссылка автора, по-видимому, имеет в виду соотв. место в: Числ 11:13: «Откуда мне взять мяса, ...»

шись превыше всего бояться, любить и доверять Богу, мы тем самым искушали бы Его.

33. Я достаточно чувствовал мою слабость и познал трепет сердца, прежде чем после многообразных упражнений маленький слабый росток веры превратился в сильное дерево, которое может устоять под грозowymi ветрами дьявола и рассудка.

34. Если же теперь душа обернется в теле вспять, то она обратится спиной к солнечному свету и обратит свое лицо к Богу во внутреннем мире света, и обретет тотчас другое лицо, слух, обоняние, вкус и осязание, хотя и стоит она еще во тьме.

35. И узнает теперь, что она отвратилась от Бога и покинула вечный дом своего Отца, и благородную жизнь в любви промотала с проститутками, падёт на колени свои, смирит себя пред Отцом своим небесным, живущим в сокровенном свете, захочет начать молиться в духе и всё же не сможет, потому что она наставлена молиться по книгам, а верной молитвы в духе и истине не понимает.

36. Тогда пошлётся ей в сердце Святой Дух весьма чувствительным побуждением, как показано в этой фигуре голубем. Это побуждение душе непривычно и чуждо, потому что еще не знает она Бога, и потому дивится и присматривается к этому побуждению.

37. То чувствует дьявол, пробирается извне в нрав [Gemüth] и ложными уговорами, как будто он [нрав] идет от него [дьявола], стремится ввести душу [Seele] в сомнение; — как это случилось и со

мною, когда дьявол говорил нраву: Вот я и вселился в тебя, ты мой!

38. Это так напугало мою душу, что я прервал молитву и, гоня эти злые мысли, схватил Новый Завет, чтобы читать в нём.

39. И когда я открыл его, мне как раз бросились в глаза слова Павла из первого послания коринфянам (6, 19): Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?

40. Каковые слова ввергли меня поначалу в глубочайшее изумление, ведь я с юности искал Бога вне меня, порой по полдня бродил печально в поле или прятался в яме, смотрел в небо и, как Моисей, Давид и другие мужи Божьи, о которых читал я в Библии, жаждал говорить с Богом.

41. Но Бог не хотел мне являться, и я должен был снова возвращаться домой в печали, где брался за молитвенники, открывал окна или сидел под открытым небом, чтобы мое чтение беспрепятственно могло восходить к небу; и двадцать шесть лет проходил вслепую.

42. Потому отложил я вновь мой Новый Завет, упал на колени, чтобы благодарить Бога за это Его милостивое явление; оно же было столь щедрым, что я пять часов к ряду не мог избыть его и сам должен был удивляться столь богатой благодати.

43. И сразу после этого связал я свое сердце с Христом и предался Ему целиком телом, душою

и духом, дабы всякий крест, какой угодно Ему было бы возложить на меня, нести охотно, с условием, чтобы Он не оставлял меня ходить в одиночестве, потому что я — беспонятливое дитя, не способное различить лево и право.

44. Что мой любезнейший пособник и принял дружелюбно и с любовью и налил мне полный кубок, который был, хотя и сладок во рту, но необычайно горек во чреве.

45. Но никогда не оставил меня одного, напротив, во всех искушениях, страданиях, бедности, преследованиях и огорчениях всегда спасал! Ему вовеки слава, хвала, награда и благодарность!

46. Я был также сейчас же освещен божественным знанием и побужден в духе обличать эту злую жизнь и обнаружить себя перед теми священниками, которые тотчас забили в набатные колокола и предали меня властям как еретика, одержимого, фантазёра, перекрещенца и т. д.

47. Те подвергли меня всяческим насмешкам, стыду и позору, водили меня с палачами по улицам, домогались снять голову; но, поскольку, они не могли в том прийти к единству, то в итоге всё у меня отобрали и навеки изгнали меня из города.

48. Когда я лежал взаперти в столь смрадной дыре, дьявол попробовал свое первое снадобье и искал меня мерзкими позывами отчаяния, не схватить ли мне нож и не избавить ли от муки мою полную страха жизнь, или с помощью галстука быстро покончить с ней.

49. Ввёл меня в такое огненное сражение и боение, что моя плоть от колен отмерла, просто была, я же из-за внутреннего душевного страха внешне не чувствовал мучений, ибо дьявол сделал мне все молитвы сомнительными.

50. Когда же я в таком страхе в полдень бродил в темнице и напевал лютеровский псалом: «Был бы Бог не с нами в это время»⁸ и т. д., я был внезапно подвинут в духе и упал наземь.

51. Тогда я увидел в сердце некий яркий белый свет, вокруг сердца — толстую змею, сплетенную трижды, как венки. Посреди змеи в ярком свете явился Иисус, в образе, как он описан Иоанном в Апокалипсисе, 1, ст. 13, 14, 15.

52. Он говорил с самым глубоким вздохом: Не будь твоя милость моим утешением, — о Бог! — мне пришлось бы погибнуть в моей нужде.

53. Едва эти слова были досказаны до конца, как мощным движением змея была раздавлена и так измельчена, что я видел, как ее бесчисленные кусочки падали в темный кишечник.

54. После чего я вновь пришел в себя и почувствовал заметное облегчение и силу для веры в молитве, как то изображено в этой фигуре.

55. Это исторжение из египетского дома рабства — лишь начало и вход в пустыню искушения неверующего

⁸ Вероятно, имеется в виду псалом 124 в переводе Лютера: «Wo der Herr nicht bei uns wäre, so sage Israel». Ср. с каноническим русским переводом Пс. 123: «Если бы не Господь был с нами, — да скажет Израиль».

рассудка, который неудовлетворен Христовой бедностью, стесняется просить, копать [землю] не может и думает о египетских горшках с мясом, капусте, луке и чесночке; а дьявол будит только неверие, сомнение и недоверие.

56. Рассудок хочет видеть, а вера в сердце пока лишь, как маленькое горчичное зернышко, едва противится этим грозным ветрам; тогда начинается урчанье и ворчанье, и душа испускает тяжелый вздох.

57. Но какие чудесные совпадения и спасения посылает Бог, если только человек желает молиться, я хорошо узнал Божьей милостью, но слишком много рассказывать.

58. Поэтому я хочу представить любопытному читателю в предостережение два тяжелых искушения, на которых, как я видел в мое время, очень многие спотыкаются и падают.

59. Вот первое искушение. Когда душа исторгнута духом мира из египетского дома рабства и доведена до бедности Христовой так, что она должна работать в винограднике Бога, в своем земном голоде уповать на Божьи обещания и со своим пособником и женихом души Иисусом в жажде веры, молитве и мольбе образовывать, формировать и творить потребное себе во внутреннем небе, чтобы необходимое на земле перепало и посылалось ей добродетельными набожными сердцами существенно⁹:

60. Если она вновь возвращается в земной рассудок, в Египет, алчет земного хлеба и то, что ей достается

⁹ Здесь как «вещественно», «материально».

casualiter¹⁰, принимает как судьбу от Бога, а не как дьявольское искушение, трогает, хватает, а не просит усердно, не стоит постоянно в страхе перед искусителем и в душе [im Gemüth] отвлекается от следов Христа.

61. Не один бравый ум был так обманут, а потом жаловался и вздыхал: «Ах, если бы я не доверился! Ах, если бы я сохранил верность!» Но потом ничего нельзя изменить.

62. Потому что небесная Дева потом закрывается в своем Centrum и оставляет душу снаружи — напрасно стучаться и ждать.

63. И хотя рассудок получил отблеск Божественного света, так что ясно понимает мистерии Божьи и уста могут о том болтать, но образующая, формирующая и созидаящая сила ушла, осталась лишь гремющая бочка.

64. Дьявол тоже алчет Божьей любви, но смотри, чтобы он у тебя ее не поглотил и не занял твой выметенный веником дом, к чему у него есть великое желание.

65. И если он входит вновь, то берет к себе семь духов, которые злее, чем он, и запирает твою душу и нрав в семи формах природы так, что ты потом не так легко получишь их обратно. Поэтому всё, что есть, — покрепче в горсть: нужду терпеть — суровый гость¹¹.

¹⁰ Случайно, по случаю (лат.). Мы в данном случае, как и в ряде других, предпочитаем следовать изданию 1779 г., хотя в современном адаптированном издании в этом месте использовано другое наречие: causaliter — причинно.

¹¹ В оригинале предложение зарифмовано как дистих: «Darum halte was du hast: Not leiden ist ein böser Gast», то есть: «Потому держи, что ты имеешь: нужду терпеть это злой гость».

66. Второе искушение еще тяжелее и губительнее. Когда душа, зажженная Божественным огнем, ярко горит и испускает прекрасный свет, в котором в высоком триумфе восходит в сердце небесная Дева и сладостными лучами целует своего любимого жениха в огненной душе и передает ей свои силы являть и порождать чудеса Божьи, так чтобы она в молитве своим страстным алканием создавала и осуществляла Божьи силы и чудеса и явилась в небе с сердечным гимном:

67. Когда она [душа] выходит из смирения и расслабленности и входит в самолюбие и самодовольство, думая, что это её собственная мощь душевного огня и она собственной огненной магией и молитвой может производить и рождать такие чудеса, возносится высоко над престолами, хочет быть нечто и тем самым превращает себя в высокомерно-своенравного дьявола, который под видом божественной справедливости хочет всё себе подчинить и ехать верхом, а что не скоро и не тотчас подчинится, преследует огнем и мечом и проклинает и обрекает на муки ада.

68. Так что драгоценная Дева тем очень омрачается и смущается и не может с любовью прийти на помощь своему жениху.

69. Тогда как она хочет уже сладостные лучи своего света ввести душе в ее огонь, чтобы смягчить его, это делает душу только более огненной, высокомерно-

держит, что ты имеешь: нужду терпеть это злой гость».

ной и строптивой, так что она всеми силами противится нежному свету и ничего не допускает в себя, что желает сломить и умерить ее твердость.

70. Она считает любую кротость лицемерием и отбрасывает всё, что не есть огонь; это выдается за *Mysterium stultitiae*¹² и называется божьей справедливостью и судом, но под этим прикрытием является лишь гордый высокомерный дьявол.

71. Когда милая дева София уже видит, что не может любовью или нежностью спасти своего дорогого жениха, она затворяется в своем принципе света, делает огонь души темным и оставляет ее падать в грех и глупость, вешает человеку на шею беспутную и безрассудную бабу, чтобы большой пожар был погашен земной водой и огненному духу в его фантазии было чем поиграть, и чтобы такой уздой был смирен его полет.

72. Я тоже был взбуждобен и воспламенен таким огненным духом, ибо я был еще неопытен и не знал дьявола, но принимал его за божество и считал, что я как неопытный солдат должен подчиниться его командованию и быть послушным его слову.

73. Но милосердный Господь с состраданием призрел на мою простоту и вовремя освободил меня, за что остаюсь навеки Ему благодарен.

74. Потому добросердечный читатель пусть будет надежно предостережен, ибо много лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих собственных.

¹² Мистерия простоты (лат.)

75. Конечно, без огня не может быть рождено ни большое, ни маленькое, всё равно во внешней или во внутренней природе. Верно и то, что, где большой огонь, там и свет должен быть большой, который очень хорош и полезен лишь, если горит в смирении, а не преступает свой порядок, не хочет вокруг себя жрать, поджигать и всё поглощать.

76. Если бы Люцифер в небе и Адам на земле это восприняли, так остался бы тот ангелом, а этот райским человеком.

ГЛАВА IV

ПРЕДВАРЕНИЕ

1.

Здесь следуют по порядку третья и четвертая фигуры автора, которые поставлены в начало и в качестве заглавия всех писаний его, поскольку они изображают первый образ Божий по возрождению во Христе в его совершенстве, с *Pectorale*¹ или священническим нагрудником обоих вечных принципов в Урим и Туммим², в свете и совершенстве Духа, также и с орарем³ и королевской мантией Царства Иисуса поверх внешнего принципа, о том читать у Исайи 9, 6.

2. Дабы читатель в самом начале мог заметить и увидеть, во что во всех своих письмах⁴ целится автор,

¹ Нагрудный крест высшего духовенства (лат.)

² См. Исх. 28, 30; Лев. 8, 8; Вт. 33, 8.

³ Принадлежность богослужебного облачения диакона и иподиакона — длинная узкая лента из парчовой или иной цветной ткани, символизирующая крылья ангела.

⁴ Речь идет о письмах Гихтеля сторонникам и адептам, составляющих основной корпус его сочинений, изданный под тем же названием (Theosophia Practica), что и настоящее сочинение, задуманное как краткий свод содержащихся в них наставлений и поучений.

который очень старался вместе с Павлом и всякого человека в совершенстве вписать в единый образ в Иисусе.

3. Это мишень, в которой центры в новом человеке стоят в их первом божественном порядке; первый и второй принципы в душевном строе впереди, третий принцип — сзади.

4. Все три исходят из сердца и расходятся в крещении духа Святого в нём, так что огненный мир раскрывается внизу, мир света вверху.

5. Воздушный мир на спине — это порождение двух первых, от которых он в зеркале своем получает силы обоих и ими светит, когда является и восходит в нем Царь Славы в величии Своем, тогда сияние [его] как у самых ярких драгоценных камней; и под этим понимается небесный Иерусалим, Откр. 21. Все силы состоят друг в друге и действуют как одна сила и играют своими разнообразными достоинствами и светом друг из друга наподобие стеклянного моря, о чем автор выше кое-что упоминал.

6. Кроме того, когда Иисус вместе с душою выступает в поход и на битву, царственное сияние света сворачивается; вместо него Иисус опоясывает свои чресла в нас эссенцией истины и надевает нагрудник справедливости — повседневное обмундирование воина Христова, в котором он ходит пред Богом, с щитом веры в руке воли: в этом состоит наше украшение во Христе.

7. Свадебное платье славы Дева хранит дома, а Принцип — её покров и одновременно темная сторона на её ярком зеркале света, над коим парит Святой Дух.

Так Бог имеет Свое священное брачное ложе в центре каждого Принципа (которые все стали Иисусом в этом человеке, освященном в теле, душе и духе), потому как силы распространяются из головы во все члены, которые Бог спланирует так же точно, как в эссенции истины.

8. Наконец читатель видит, каким образом Царство Небесное и Адово Царство противостоят друг другу в самом внешнем проявлении и в высочайшей и глубочайшей распре друг с другом, взаимно взяв друг друга в осаду.

9. Война здесь ведется за царство третьего Принципа, который наш славный Господь и Спаситель (который всё несет словом силы Своей) принял на Свою спину и в человечестве отвоевал у Сатаны,

10. Который, однако, пока не желает уступать свое право на него и потому весь свой адский яд (который суть сплоченные духи бездны) потоками изрыгает на девственную душу,

11. Что вынашивает любовь и щитом веры во Христа отражает ядовитые стрелы Сатаны, бросая их врагу обратно,

12. Каковая битва длится столь долго, пока Сатана не выплюнет всю свою ярость, а Иисус, наш Князь Света и Любви, не преодолеет и не победит его во всех видах ярости.

13. В этом наша вера упражняется всё глубже, пока наконец не становится тонка, как свет; и это — победа, которой мы постепенно одолевая дьявола во всех принципах и в конце концов берем приступом его преисподнюю.

14. Здесь все злые духи должны покориться скипетру любви Иисуса и преклонить пред Ним колена.

15. Поскольку любовь, которая выстрадала всё, пленяет Сатану и всё войско адово и так стесняет их, что злые духи проницают друг друга подобно морю, в коем стоят они между этим миром и царством ада и должны держать ответ пред Иисусом.

16. Здесь торжествует тогда наш победоносный Князь вновь (как то случилось в Его время в первом и втором Принципах) и ведет нас, детей Его, сквозь чудовищное море адовой власти.

17. Где злые духи должны дать дорогу и стоять по обе стороны, как берега, и не смеют без повеления Иисуса ни двигаться, ни шевелиться.

18. С тем господствует Иисус Христос, Бог и человек, над всеми своими и нашими врагами в нас во всех трёх Царствах.

19. Тогда ведет Он нашу человечность, которую Бог запечатлел и обручил Ему в сердце, домой как чистую невесту в её одеждах, просветленных кровью Его, и снова препоручает и представляет её Богу совершенно великолепной, без пятна и порока или чего-нибудь подобного, а в святости и непорочности, Еф. 5:27; Откр. 7:14; 19:7-8.

20. Каковое время последнее, как замечают дети Иисуса в духе и украшают свои светильники справедливостью и святостью истины, которую ткёт Иисус, ибо дух и невеста говорят: «Приди, о, приди скорее, Господь Иисус, Аминь».

О ВНУТРЕННЕМ ЧЕЛОВЕКЕ, ПО ОБРАЗУ БОГА И БОЖЬЕМУ ЖИТЕЛЬСТВУ В НЁМ КАК В ХРАМЕ ЕГО

1.

та фигура отображает тройственного внутреннего ангельского человека, каким он был сотворён Богом и каким обновленным и просветленным станет вновь в возрождении.

2. Но прежде чем он был явлен свету дня, это стоило мне такого жгучего испытания, что я и выговорить не могу; возможно, и ты, дорогой читатель, познаешь это, когда придет твой черед в этом хороводе.

3. Внешний шар, или мир, это робкий дух (das ängstliche Gemüth) с семью образами природы, который имеет в себе правление чувственное и рассудок, то и другое духовно и телесно.

4. И это зеркало внутреннего темного мира огня и света, привязанного так же во всё время внешней земной жизни к тому и другому.

5. Потому оно сидит даже в жалкой створке в конце спины, как видно из сопутствующей фигуры, которую я того ради поставил спиною.

6. То её атакует дьявол снизу из его темной преисподней, из темного огненного корня, то сверху или извне, из астрального мира, так что он пребывает в по-

стоянной распре и превратности, оказывается то вверху, то внизу;

7. И всегда тоскует по кроткому основанию света вечной любви, с постоянной жаждой и голодом воображает в нём себя, смягчается и услаждается, и сжимается и пресуществляется, то есть делается сущностным.

8. Каковая небесная сущность затем поглощает огонь, оттого светло горит и рождает в сердце прекрасный белый свет.

В другом сочинении автор выражается так:

9. «Фигура с нравом [Gemüth] указывает на око чудес, которое я поставил на спину, дабы оно могло отчетливо предстать пытливому читателю.

10. Это око тела, о котором говорит Христос [в] Мф. 6 [:22], и стоит в середине, похожее на шар.

11. В направлении вглубь [картины] (вперед, как отображено в третьей фигуре) это зеркало двух внутренних принципов.

12. Назад — это фигура созвездия как рассудка, которое обозначено звездами.

13. Оно [око тела] стоит наполовину на свету, наполовину во тьме; на спине в темном блеске звезд; назад — как зеркало света.

Здесь автор продолжает:

14. Под нравом, на бедрах, есть круг [Circel], обозначающий бездну — жилище дьявола.

15. Не следует всё же понимать, что он там заперт; но, когда он в борьбе бывает низвергнут Духом Божьим, то падает назад в эту бездну.

16. Ибо, как просит Давид в своих псалмах: «...брось врагов моих за спину мою; и далее — простри врагов моих под ноги мои. Испытанные опытные борцы хорошо понимают это»⁵.

17. В сердце — божественный мир света или око — как храм Святого Духа, в котором живет Бог и лишь в свете называется Богом; и в заново рожденном новом человеке это самый срединный *Principium*.

18. А внизу под ним есть божественное магическое око чудес и огня (*vide J. Boehms Incarnat. Part. I. Cap. 3. v. 19.*⁶), которое в тех заново рожденных есть место

⁵ В оригинале кавычки цитаты, вероятно, из одного из писем Гихтеля закрываются именно здесь, что рождает предположение об ошибочном расположении в наборе стоящего выше заголовка.

⁶ См.: Бёме Я. Воплощение Слова, или Вочеловечение Христа. Ч. I, гл. 3, ст. 19. См.: Und sollt wissen, daß das essentialische Seelenfeuer nicht die rechte Bildniß nach der Gottheit ist. Es ist keine Bildniß, sondern ein magisch ewigwährend Feuer; es hat nie keinen Anfang gehabt, wird auch kein Ende haben und verstehtet, daß Gott das ewige, unanfängliche Feuer, (welches von Ewigkeit in sich selber in der ewigen Magia, als in Gottes Willen, im Begehren der ewigen Natur, als ein ewig Centrum der Gebärerin ist gewesen)

любви Божьей, из чего Отец рождает Сына. В не рожденных заново это место гневного огня Божьего.

19. Ибо оно [око огня] есть исток неба и ада, и видимого мира, из которого происходят добро и зло, то есть свет и тьма, жизнь и смерть, блаженство и проклятие,

20. И не зря называется *Mysterium Magnum*⁷, в чем подразумеваются две сущности и две воли, как то воля к единству и разделяющая воля, которая вводит себя в вожделение вплоть до огня и света; здесь под огнем понимается природная жизнь, а под светом — жизнь Святого Духа в единстве.

21. Так что рождает из себя две воли: одну огненную, летящую, высокомерную дьявольскую волю и одну кроткую, смиренную ангельскую волю, из чего возникает различие в жатве.

eingeführet hat; denn diese Bildniß sollte eine Gleichniß nach ihm sein. (Орфография и пунктуация оригинала, пер. К. Коваленко и С. Шаулова: «И [вам] следует знать, что эссенциальный огонь души не является истинным отображением Божественности. Оно не образ, но магический вечно длящийся огонь; он никогда не имел начала и ему не будет конца; и поймите, что Бог ввел вечный безначальный огонь (который от века существовал в себе самом в вечной магии как в Воле Божьей, в жажде вечной Природы, как вечный центр родильницы), ибо образ этот должен был быть подобием Его». — Кн. готовится к печати.)

⁷ *Mysterium Magnum* (лат.) — Великая Тайна — тайна пресуществления природы в Боге, Его бессущностная, но вседержущая первоманифестация. Так называется двухтомное сочинение Я. Бёме, комментирующее первую книгу Библии — «Бытие».

22. Ибо человек в этом времени сам себе единственный мастер; он может свое вожеление вложить в себя как в особенность [Eigenheit⁸] или в расслабленности [Gelassenheit⁹] — в Божие единство, где он потом будет принят гневом или любовью.

23. Ибо, чем нрав [Gemüth] наполнится, то в нем потом и горит, будь то земная или небесная сущность, и порождает такой же дух в словах и делах.

24. Если воля горит в любви, это сплошь рай; когда же она отвращается от любви, это чистый ад.

25. В этом выражается великая душа огня по вечной огненной природе Отца; а в сердце — вечная огненная природа света, по свойству Сына, хотя они и не отделены друг от друга.

26. По третьему принципу есть также и воздушная душа, как *Spiritus Mundi*, и горит в зное и в холоде.

27. При этом следует заметить, что это не материальный, а духовный огонь, центром или корнем ко-

⁸ Это слово означает «собственность» не в значении сторонних вещей, которыми владеет человек, — *Eigentum*, — а в смысле его принадлежности самому себе, что означает и отпадение от Божественного единства общечеловечности и замкнутость в собственной единичности, к чему человека устремляет и мир социально-исторической практики, *затягивающий* его в собственной самости. Это состояние человека Бёме порой обозначал словом *gefangen* — «схвачен», «пойман».

⁹ Со времени Иоганна Таулера (XV в.), в т.ч. у Бёме, этим словом обозначается душевный настрой и состояние (расслабленность, свобода, *отпущенность*), противоположные замкнутости человека в своей самости и возвращающие его к единству.

торого является вечная тьма, по которой Бог называет себя огнём поядающим¹⁰.

28. «Магическое око огня на левом боку под сердцем есть в корне своем огонь гнева Божьего, по которому Бог называет себя гневным и ревностным Богом; а по свету это огонь любви Божьей, по которому Он только и называется Богом.

29. По корню Якоб Бёме называет этот дух духом большого мира, который насмеялся над Адамом после его падения, Быт. 3:22, потом — херувимом с огненным мечом, далее — ангелом смерти в Египте, и еще ангелом, который на горе Синай дал закон детям Израиля.

30. С этим мужем боролся всю ночь Иаков, и Христос на Масличной горе, и он встречается любому истинному последователю Христа в его процессе. И всё же его надо понимать не как два, а как единый огонь, но в двух качествах.

31. И [смотря] по этому оку огня предстает душа Богу Отцу; и ревнители справедливости и истины ревнуют из огня гнева Отца.

32. Но тех, кто по корню огня ревнует вслепую, Якоб Бёме называет служителями природы, которых Бог использует, чтобы упражнять детей Своих и являть чудеса Своего гнева, каковы были братья Иосифа и фарисеи вкупе с учеными книжниками. В этих людях, как показано во второй фигуре, это лишь яростный серный огонь».

¹⁰ См.: Вт. 4:24, 9:3; Евр. 12:29.

33. Таково описание трех миров в человеке, по телу, душе и духу, и краткое объяснение этой фигуры.

34. В этих трех мирах, таким образом, стоит душа и крепко привязана ко всем трём; и которому из них она предается со своим вожделением, того она и является рабом.

35. Эти три начала или мира в равной мере были представлены в Адаме, и ни один из них не был проявлен в других. Темный мир был сокрыт в огне, а огонь в свете:

36. И все три породили радостный дух в раю, то есть в душевном строе (Gemüth), в котором явлены были рай и жилище небесной Софии.

37. Какой приятный вкус, аромат, слух, радость движения и ощущений это дало душе (Gemüth), я не могу описать.

38. Читатель должен со всей серьезностью войти во второе рождение и попасть на свадьбу агнца, тогда только он узнает, что совершается в небесном венчании, — и после этого самому запинаться и быть не в состоянии сказать об этом что-либо.

39. Два круга, обращенные друг к другу спиной, суть два вечных *Principia* или ока души, любовь и гнев, свет и тьма, о чём можно прочесть у Бёме в первом вопросе о душе¹¹.

40. К какому принципу обратится душа, в том она и стоит, чуждая другому; ибо они стоят спиной друг к другу.

¹¹ См.: Бёме Я. Истинная психология, или Сорок вопросов о душе. — СПб.: Алетея, 1999.

41. И никакой человек не может видеть дальше своего истока и говорить о том; [ибо] каждый принцип обладает своим разумом, как можно видеть в Act. 12, 12. 13.

42. Если же теперь читатель поразмыслит над фигурой первой главы, то он должен легко прийти к пониманию того, как Бог проявляется в нас, людях, по времени и вечности и как мы из всех трех миров и по ним же сформированы как истинный божий образ и подобие:

43. И дело теперь только в том, чтобы мы душою своею отвратились от своего астрального разума и положили свою волю и вожделение в самое внутреннее основание света.

44. Где Святой Дух тотчас встречно нисходит в наше сердце, целует и обнимает нашу волю и вожделение и ставит нас вновь в сокрытом величественном свете чрез Иисуса пред нашим дорогим небесным Отцом, как Иосиф своего отца и пятерых младших братьев перед фараоном.

45. Который [Отец] тотчас сердечно радуется тому, что его заблудший [потерянный — verlorener] сын¹² вновь

¹² Выражение «verlorener Sohn» обычно подразумевает героя притчи Иисуса о заблудшем сыне, которая, начиная с Евангелия, означает общечеловеческую ситуацию. В данном же случае оно в равной степени обращено и к предшествующему сравнению с Иосифом (ст. 44), которого можно назвать именно потерянным (прямое значение слова) вследствие несправедливых деяний старших братьев. Мысль автора, таким образом, модулируется от частного к всеобщему, которое, будучи опредмечено в частном (история Иосифа), наделяет его детали символическим

в смирении пришел к Нему, и очень приветливо и чувствительно целует внешнюю природу с пятью чувствами, как всё это хорошо знакомо заново рожденным детям.

46. Теперь читателю следует также указать на то, откуда в таком прекрасном образе взяло начало падение, что ни в коем случае не было в Божьей воле, как учит рассудок, но было собственной виной Адама, который от Бога сотворен был очень добрым и возымел свободную волю обременять самого себя и плодиться.

47. Ибо он имел в себе обе тинктуры и был муже-девой [männliche Jungfrau]¹³, облеченной мудростью и разумом, так что мог царить над рыбами, птицами и зверями и каждому по его свойству давать имена, как пишет Моисей (Быт. 1 и 2) и совершенно ясными словами изображает падение.

48. Именно, что Бог говорил: Не хорошо, что Адам один, Он хотел бы сотворить ему помощницу.

49. Вот в чем вопрос: Как то, что Бог сотворил добрым, могло стать злым, тем более что древо искушения, вместе с запретом, еще не было въяве?

50. Тут мы должны, с помощью открытия Христа (Лук 15:12: kai dieilen autois ton bion¹⁴), сказать, что

значением: пять младших братьев — пять новых чувств преображенной внешней природы.

¹³ См. о сотворении Адама: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27).

¹⁴ Автор цитирует греческий оригинал Евангелия от Луки и,

Адам восхотел иметь образы жизни [Lebensgestalten] порознь и отдельно в женщине, чтобы он мог походить на всех зверей.

51. Хотя подобное и совершилось сразу, но вопреки первоначальному порядку и образу Божию, так что исток падения надо искать не в укусе яблока.

52. Ибо, хотя Адам своим внешним ртом не ел от запретного плода, всё же его воображение так сильно вошло в запретное древо, что он был этим побежден и для внутренней жизни силы умер, или, как говорит Писание, впал в сон.

53. Ну, будем дальше расследовать, откуда в Адаме появилась охота к разделению образов жизни? Тогда мы должны сказать, что она в нем выросла из самих принципов или образов жизни, а никак не из Бога, который вечно есть любовь и благо, и не может желать зла.

54. Я сообщал уже в предыдущей главе, что огонь необходим и добр, пока он светит, греет и служит человеку:

55. Так же точно огонь гнева Божьего нужен, полезен и благ, когда он горит в нашей душе в любви и смирении, как в Боге, и не выходит из своего порядка.

56. И вот, хотя огонь гнева это родитель огня любви или света и Отец Сына, но когда гнев хочет властвовать над светом и подчинить его себе или поглотить,

опираясь на буквальный перевод («И он разделил жизнь между ними», в каноническом переводе — «...разделил им имение»), отступает от ортодоксальной трактовки.

тогда возникает раздор и беспорядок в эссенциях света, и он должен погаснуть.

57. Так что после этого огонь больше не имеет сущности для своего горения и становится тьмой, как видно в случае серы; то же случилось и с дьяволом, как видно и в Быт. 1:2, — было совершенно темно над бездной.

58. Этот огонь гнева, как темный *Principium*, и был в Адаме первым двигателем к радости, ибо присутствовал в нем сокрыто в свете, но хотел, однако, действовать явно и по собственной воле.

59. Вторым двигателем был *Spiritus Mundi*, или воздушная душа, которая корнем своим стоит в темном *Principio*. Этот двигатель должен был вскормить и вырастить Адама, был, однако, двумя внутренними жизнями одновременно поглощен и должен был им подчиниться.

60. Он [второй двигатель] тоже хотел быть явным и управлять самостоятельно по внешним чувствам, воспринимать, вкушать и познавать каждое качество по своему свойству.

61. Но самый срединный — *Principium* света — препятствовал тому и другому и господствовал над обоими.

62. Этот раздор и алчба верховного правления были, стало быть, в душе Адама, но без непреложности; Адам мог бы обуздать их силой принципа света, в котором Бог единственно называется Богом.

63. Но что сделал Адам? Он так долго воображался в земное влечение и раздор *Spiritus Mundi*, что в кон-

це концов, обремененный и побежденный, в бессилии впал в сон и был разделен.

64. Кто правильно ухватит и поймет эту первооснову принципов, тому станет хорошо внятно и всё сокрытое в Писании.

65. Ибо из этого деления принципов выросли потом, как видно в трёх сыновьях Ноя, три типа людей, заселившие мир и распространившиеся в трех образах жизни.

66. И хотя в мире множество разных родов и образов жизни [*Lebensarten*] людей, живущих между собой в смешении, всё же все они стоят под этими тремя принципами, что означает: в одном [человеке] один *Principium* имеет верховное правление перед другим.

67. Ибо все три *Principia* в каждом человеке, но не все три действуют, творят и ощущаются.

68. Как поступил Адам, так, к сожалению, и мы поступаем сегодня все вместе, не исключая отчасти даже перерожденных, и преклоняемся перед всеми тремя принципами.

69. Мы ищем внешнего царства, мечтаем о деньгах, имуществе, почести, доброй репутации и достаточной жизни, служим духу этого мира, ходим в церковь и к причастию и молимся в слепоте по молитвенникам *Spiritus Mundi*, чтобы он соизволил благословить нас и сохранить наше неправое и преходящее богатство.

70. Дьяволу мы служим под сверкающим и лицемерным покровом из осторожности, мудрости и набожности, так что не смеем ни правду сказать от сер-

ца, ни назвать тьму тьмою, дабы не случилось с нами, как говорит пословица: «За правдивую погудку смычком по рылу бьют»¹⁵.

71. А там, где мы вынуждены, ради спасения чести и доброго имени, выступить на свет, мы действуем так осмотрительно, чтобы никто не намял нам бока; или как говорят: «мы не должны других судить да рядить, чтобы мы сами не были судимы», — что несет на себе видимость набожности.

72. С тем остается дьявол в укрытии, а мы, славные набожные люди, без креста спокойно живем, без преследования благочестивы и хотим без огорчений войти в Царство Божие.

73. Господа Бога почитаем ради Царства Небесного; ведь хотим же мы всё-таки тоже стать блаженными, даем Ему много добрых слов, говорим о следовании Христу, с настоящими христианами входим в общину, да и добро творим, чтобы люди нас славили.

74. И думаем, что Бог из милости без умирания самости возьмет нас на небо, что, конечно, совершит смерть в свое время.

75. Но послушай, Бог не спрашивает, следуют ли [Ему] на словах или в праздных разговорах, но Он хочет иметь тело, душу и дух в вечной собственности и чтобы мы были сообразны Его Сыну Иисусу, как в этом времени, так и там, в славе [Божией], 1 Ин. 3.

¹⁵ См.: *Даль В. И.* Пословицы русского народа. — М.: ГИХЛ, 1957. Оригинал: «Wer die Wahrheit geiget, dem schlägt man den Fidelbogen um den Kopf».

76. Ибо раб не лучше, чем его господин¹⁶; если вы назвали Господа Вельзевулом, то вы делаете то же и его рабу.

77. И должен признаться, что я в моем времени знал очень немногих, которые вместе с женой, [из] Откр. 12, попирали бы Луну и уделили бы кусок хлеба Богу.

78. Ибо, хотя нет короче пути, чтобы выйти из любой самости и освободиться из-под правления мирового духа, чем путь бедности Христовой, но почти каждый всё же стыдится ее, презирает таких людей или почитает их за фарисейских святош, которые хотят быть чем-то особенным среди других и полагают, что без такого полного обнажения невозможно взойти на небо.

79. Но я желаю от всего сердца, чтобы все люди во всем уподобились Христу и возмечтали бы любить Его сердечно превыше всего как самого любимого жениха своего; они должны были бы, конечно, с радостью обнять бедность Христову и вечно благодарить Бога за это.

80. Потому что Он Сам несет заботу о Своих бедных христианах, дает им в сердце христианскую веру и не позволяет побираться.

81. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам», — учит Христос в Ин. 14:21.

¹⁶ Перифраз слов Христа: «Раб не *больше* господина своего». — Ин. 13:16; 15:20.

82. Где не горит в сердце любовь к Иисусу, там и нет ни желания, ни стремления к следованию, а также и силы в воле просить Бога о Святом Духе и правлении Его, между тем как именно Он вводит нас из мира и из нас самих в жизнь Иисуса Христа.

83. Перед этим ужасается наша природа, как мы видим в примере самого Христа, когда Он на горе Елеонской боролся с гневом Божьим. Оттого-то так немного людей становятся блаженны, что любят они свою земную жизнь больше, чем жизнь Христа.

84. Подобно тому, как любовь к земному делает человека сильным, так что он не считается с усилиями, работой, опасностью, тревогой и заботой лишь бы снискать временное и неправое богатство, почести, роскошь и наслаждение,

85. Так же и любовь к Христу делает христианина сильным, чтобы принимать и добровольно нести Ему вослед всё страдание, крест, бедность, преследование и огорчение.

86. Ибо любовь делает гнёт и бремя Христа нежными и легкими; любовь изгоняет всякую боязнь, страх и нерешительность и постоянно будит новое желание еще большего страдания.

87. Потому что человек всегда чувствует утешение, радость и силы в сердце и узнаёт, что Бог никогда не покидает его; напротив, вырывает из ада, смерти и нужды, спасает и дает одну победу за другой.

88. Если бы кто-то даже имел веру и мог передвигать горы, а этой любви в себе не имел, то был бы он

лишь звенящим колокольчиком. Эта любовь могущественнее смерти. Ее не затопят потоки воды.

89. И если ты получаешь её в свое сердце и воспаляешься ею в душе твоей, то смотри хорошенько, чтобы ты вновь не погасил её или не дал поглотить, потому что дьявол тоже алчет её.

90. Потому я хочу теперь основательно показать тебе, что происходит во втором рождении, как я сам это узнал: когда душа вместе с заблудшим сыном обращивается и снова начинает вспоминать о доме своего Отца, то у нее уже нет сил и способности идти дальше—Адам истребал её в ложной любви.

91. Но на помощь ей в сердце вскоре приходит Христос с Его Духом и воспаляет жизненные образы души, так что принцип света, который до этой поры был неподвижен и скрыт, в ней снова оживляется и чувствуется.

92. Вследствие чего душа воспринимает силы отправиться в путь и в молитве приблизиться к Богу, но еще стоит в темном теле и еще не может ни узнать свою собственную любовь и новую волю, ни смириться до основания, то есть предаться в блаженнейшую волю Божью.

93. Так Христос возжигает своим световым огнем магическое огненное око (которое в Адаме убил дьявол, и ввел в гнев), так что оно ярко горит в любви и освещает сердце, и душа пронизывается лучами и прокаливается.

94. Тут она вначале видит свой уродливый образ, как она привязана к сотне животных свойств.

Ах, как она горюет, как она кричит и плачет! И пролезла бы хоть сквозь мышиную нору, даже ободрав кожу и волосы.

95. Да, ей надо было бы раздеться, если бы то было в ее силах, чтобы облачиться только её небесной Софией.

96. Ах! Какие клятвы она дает, на какую верность присягает! Она намерена даже ради своей милой невесты совершить духовное обрезание и отвергнуть всё земное, добровольно принять все крестные муки, следовать в нужде и смерти, остаться верной телом, душой и духом всецело и до конца.

97. Любезная София с радостью слышит это от своего возлюбленного и нежно целует его, облачает душу в свою сущность и покрывает всякий грех¹⁷.

98. Когда же душа с милой невестой некоторое время погуляла в розовом саду и собрала немало прекрасных цветочков и заклинаний силы в свое сердце, тогда милая невеста берет своего дорогого возлюбленного, то есть душу из тела целиком.

99. Тогда она [душа] выглядит как огненный шар (рассмотри третью фигуру и созерцай величественное око чудес Я. Бёме) и она погружается в огненное море (как то в течение пяти дней пять раз приключалось со мною во время вечерней молитвы; тогда я видел, что в середине оно кристально-голубое, как ясное небо,

¹⁷ Реминисценция диалога Софии и обратившейся души из книги Бёме «О истинном покаянии». См.: Бёме Я. Christosophia, или Путь ко Христу. СПб. 1815 (1994). С. 34–37.

но огненной была вода, которая игриво перекатывалась через душу маленькими огненными волнами; прелестный вкус и ощущение я не могу выразить).

100. И крестит душу своим святым магическим огнём и своим святым духом в сердце, как уже сказано выше в § 36, и ведет её в пустыню плоти, чтобы была она искушаема дьяволом в *Spiritu Mundi*.

101. Здесь только начинается самое серьезное, ибо невеста закрывается в своем *Principium*; тут приходит дьявол в ангельском образе и говорит ей [душе]: Почему ты так озабочена? Сделай из камней хлеб; ты имеешь великую веру и сама не знаешь этого.

102. Если душа, однако, ходит в смирении, в голоде своем полагается на *Verbum Domini*¹⁸, то он отступает и надевает другую маску, приписывает душе большие силы, как будто она нечто особенное, призвана Богом исполнить в мире великие чудесные дела.

103. Если же душа в смирении предается Богу, что Он с нею и через неё хочет совершить, то он [дьявол] также должен отступить.

104. Но он приходит в образе хитрой змеи и ставит перед душою в третьем *Principio* богатство, почести и внешнее призвание, также богатые женитьбы.

105. Всё это представляется не иначе как от самого Бога, без желания и искательства человека, посланное небом, так что душа часто сама стоит перед этим в великом изумлении, и многие в этом запутываются и ловятся, а потом ненажालуются на свою великую потерю; —

¹⁸ *Verbum Domini* (лат.) — Слово Бога.

106. Что будет подробнее развернуто в следующей главе, а здесь приведено лишь затем, чтобы читатель был побужден к осторожности и прилежной серьезной молитве и никогда не полагался на свою особенность [Eigenheit] или не думал, что, коль он охвачен Духом Святым, так он уже победил, и его враги под его пятою.

107. Пока железо лежит в огне, оно остается раскаленным; так и душа, пока она остается в любви Иисуса, во всё время воспринимает силы и в состоянии преодолеть искушителя и нести крест.

108. Когда же она уходит оттуда в разум и вовлекается воображением в представления искушителя, тогда она вскоре беременеет и охватывается земной страстью, которая будит вожеление и толкает волю к действию, так что много раз из самой глубокой любви могут получиться величайшая горечь и свирепость, а из нежных братьев жестокие враги и гонители.

109. Которые потом всё то, что до того словом и делом прославляли до Небес и удостоверяли в Истине как пережитое, сталкивали в самую низкую преисподнюю и объявляли неправдой, фантазией и болтовней; что я, к сожалению, пережил с глубоким огорчением.

110. Потому начинающий ученик, если он в душе своей получил от своей дорогой Софии поцелуй, должен старательно избегать высокопарных мечтаний и не думать, что он сразу будет обручен, прежде чем выдержит испытание и победит князя ярости или красного дракона¹⁹ и обуздает самого себя.

¹⁹ См.: Откр. 12.

111. Ибо дьявол проделывает то же, что и солдаты, которые упрямо штурмуют крепость, даже если были уже много раз отбиты и должны при этом жертвовать жизнью, они всё же надеются, наконец, измотать защитника.

112. Потому серьезный жених не должен лениться и спать, а должен всегда быть на своей страже и стоять в постоянном опасении, и всё, что ему в *Spiritu Mundi* представит дьявол, пусть оно и кажется божественным и даже не противоречит ясной букве Писания, — считать чистым искушением, отвергать тотчас без размышлений.

113. И если даже будет ему от *Spiritu Mundi* явленный голос, — не преклонять слух к нему, а усердно молиться против него и сохранить свое единственное, твердое и неизменное намерение никогда больше не покидать своего Иисуса и любимую невесту;

114. Но лучше всё, даже собственную жизнь, ненавидеть и всего, что могло бы увести от этой целомудренной любви к любви тварной, бежать и избегать.

115. Если бы я больше 30 лет с великой серьезностью не практиковал это, я никогда не пришел бы к этой уверенности, в которой я Божьей милостью пребываю, и дьявол, насмехающийся над Христом и всеми Его любимыми детьми, снова запер бы мою душу в свою мрачную темницу, откуда меня милостиво вывел Христос своей кровью и смертью, и снова омрачил бы мою прекрасную жемчужину.

116. Но лучше потерять земную жизнь, чем Христа; Он может дать нам за неё вечную жизнь.

117. Жизнь Иисуса Христа естественной жизни этого мира по-настоящему полностью *contrar*²⁰; потому и во всех Своих детях естественным людям Он чужой.

118. Как наставляет сам Христос в Мф. 25, где богатые говорят и отвечают: Господи, когда мы видели Тебя алчущим или жаждущим, больным, нагим или в темнице?

119. Ибо, что естественный человек любит, христианин ненавидит; чем люди мира владеют, от того христиане отрекаются. Ибо их жизнь проходит в воле или духовном небе у Бога и всех святых ангелов.

120. Они ищут лишь Божье Царство и что есть свыше, не тревожатся раздорами вокруг пропитания, не ищут и сокровищ, за которыми охотятся воры; еще меньше заботит их, что они будут есть, пить или наденут на тело, хотя им, как всем людям, присуще земное тело.

121. Потому на них смотрят повсюду как на глупых и безумных, даже как на убийц собственной жизни, которые презирают дары Божьи, созданные для повседневной пользы, и являются лишь бесполезной, пагубной и вредной чумой в хорошо устроенных республиках;

122. Которые никому не приносят пользы, только поедают добрый запас и другим добрым людям мешают и вредят; пьют пот и кровь богатых и бездельем и греховной ленью расточают необходимое для других нуждающихся;

²⁰ Противоположна (лат.).

123. С которыми, по призыву Павла, не следует даже дела иметь, 2 Фес. 3:14. Между тем как они и других заражают своим ядовитым учением и так умножают бедных, что и богатые не должны иметь возможность довольствоваться своим необходимым, коль скоро они должны помогать всем бедным. —

124. Каковой черствый кусок, однако, ужасно неудобоварим для бедного христианского желудка, но [он] должен, все же, тем удовольствоваться и думать: раб не лучше своего Господина.

125. Если они не узнали Господа в мире, как же им узнать Его презируемые члены, полные недостатков и одетые, как все люди, в темное земное тело? Для этого нужны другие глаза, чтобы узнать бедного христианина.

126. Если Бог гонит человека из мира и от его пашни и плуга зовет в Христову жизнь и в последователи, то человек должен внешне полностью ослепнуть, оглохнуть и онеметь;

127. И, конечно, глазами рассудка своего не оглядываться на обычный бег мира, который стоит под совершенно отдельным и чуждым жизни Иисуса правлением; он [человек] может быть очень легко обременен и сбит с пути.

128. Напротив, он должен обратить свое внутреннее око на своего предтечу и водителя Иисуса в сердце и внимательно смотреть, как Он хотел бы в душе желать, действовать и идти,

129. И очень остерегаться из доброго намерения упреждать Его волю, чем Сатана не одну душу сбил с толку; необходимо только следовать.

130. И если даже его рассудок полагает, что уже лучше понимает, или ему мнится, что это не сходится с буквой Писания; ведь Дух Божий обходится с Писанием как Он хочет, не так, как понимает рассудок, который во всё время смотрит только на плоть.

131. И если даже твоему рассудку что-то могло показаться предосудительным, тогда примись за молитву и проси об открытии Божественного разума и воли, чтобы Бог захотел направить тебя в Своем свете, дабы ты во тьме мог видеть и следовать Духу в [Его] воле.

132. Ибо ты часто должен идти в веру, где ничего не видно; и не можешь сделать лучше, чем только предать твою волю Богу и доверить Ему идти, как Он хочет.

133. Такой человек и есть истинный храм Троицкого Бога, в котором Отец это пылающая любовь, а Сын прекрасный яркий свет в сердце, откуда исходит Святой Дух в вечную мудрость;

134. Которая есть помощница души, где она духовно беременеет и порождает в других душах духовные молитвы, просьбы, слова и учения.

135. Ибо душа одевается и облачается Христовой сущностью, помазывается Святым Духом и крестится Божьим огнем любви, и является священником Божьим по чину Мелхиседека.

136. В ней Иисус эссенциально в Его духовной крови есть престол милосердия и в Его душевном духе — истинный ходатай и заступник пред Богом нашим небесным Отцом.

137. И в Его крови и смерти душа должна как *Anathema*²¹ от Христа пожертвовать собой ради её грешных братьев; всё равно, обретаются ли они еще в теле или скончались и висят на волоске.

138. Которым молитва веры нужна в высшей степени, как меня самого подвиг к тому мой преданный Спаситель; хотя мне это с самого начала было совершенно чуждо и противно, потому что я был так научен в школе.

139. Только мой верный вожатый открыл мне смысл в словах Христа (Лук. 16:9): «Приобретайте сами себе друзей богатством неправедным, чтобы, когда будете нуждаться, они вас приняли в вечные обители».

²¹ Первоначальное значение слова «анафема» (*греч.*) — «нечто, посвящённое богу; дар, приношение в храм» — в подтексте современного значения — церковный приговор, объявляющий человека (или явление) стоящим вследствие личных убеждений и/или духовной практики вне церковной общины и лишенным всех «прав и благ, находящихся в исключительном распоряжении Церкви» (Павлов А. С. Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева Лавра. 1902. С. 419), — сохраняется в том смысле, что такой человек (явление) получил последнее из возможных на земле суждений о нем и предан *в жертву* окончательному — Божьему суду и тем выделен из общего земного круга как *анафема*. Публичность этого приговора ассоциируется со стоянием у позорного столба (см., напр., в «Церковной истории» Сократа Схоластика: «так мы, христиане, обыкновенно называем приговор против богохульника, когда свое мнение объявляем всем, выставляя его как бы на столбе». — VII. 34). Ср. в наст. изд. § 7 гл. 5.

140. Это не может практиковаться без неотступной молитвы, в которой дух воли душевной своим воображением постоянно вторгается в девственную любовь Иисуса, умоляет о пощаде и милосердии и борется в своих не рожденных заново братьях с возожженным источником гнева Божьего.

141. И это серьезная жестокая борьба, в которой без героя Иисуса никакая душа не выстояла бы в схватке.

142. Как священники в Ветхом Завете, которые приняли служение в храме, должны были свято блюсти себя в чистоте, незапятнанности и целомудрии, дабы гнев Божий не возбудился в них самих и они могли бы в святости предстоять Богу;

143. Так и в этом мелхиседековом священнослужении нового Союза это требуется в еще большей мере, поскольку всё богослужение происходит духовно и нуждается в полном отречении от всей земной любви.

144. Ибо драгоценная любовь небесной Софии чрезвычайно воспламенена к душе и хочет, чтобы душа тоже целиком любила её.

145. И вот как раз в земном сожителстве заключена *Turba*²², из которой в семени происходит раздор

²² *Турба* — понятие, активно используемое в сочинениях Бёме для обозначения состояния и процесса в «третьем (внешнем) рождении», — бесконечное смешение и движение бесчисленных самоопределившихся, самоволящих и противоборствующих эссенций в природе, собственно, гнев Божий.

трех принципов и которая всегда затемняет прекрасный свет;

146. В следствие чего прекрасная София тогда вынуждена закрыться в своем принципе и оставить её жениха в стыде и печали стоять снаружи;

147. Как мне потом сами признавались доверенные люди, что они много дней не могут молиться и стыдятся поднять глаза свои к Богу.

148. Пусть читатель сам подумает, почему дети Израиля, когда они должны были явиться пред Иеговой на горе Синай (Ис. 19), не должны были приближаться к своим женам: и Ахимелех, когда Давид пришел в Номву и просил у него хлеба, настоятельно спрашивал, воздерживались ли его мужчины от женщин (1 Цар. 21).

149. Ибо кто хочет приблизиться к Богу и постоянно сохранять в себе искренность, чтобы говорить с Ним, должен остерегаться всякого осквернения и держать свою совесть чистой, чтобы турба, то есть гнев Божий, не притязала на душу и не закрыла ему лик Божий, то есть свет.

150. Это пишу я из опыта и того ради уведомляю читателя, что плотская любовь очень противна любви Иисуса, а также делает его [человека] неспособным к посту и молитве, 1 Кор. 7.

151. И читатель не должен думать, что я веду к внешней совершенной святости и собственной правоте, которая перед Богом ничего не значит; никоим образом: ибо мы все вместе в грехах зачаты и рождены и носим на себе смертное тело, полное изъянов.

152. Но я смотрю на внутреннего человека как на истинный храм Божий, куда не следует приносить пред Бога чуждый огонь, но всякую мысль, в которой нет любви Иисуса и Божьего огня, необходимо проклясть, так как нет другого огня в Боге и не допускается; и ничто не может погасить и смягчить тварный гнев, как только любовь в свете.

153. Внутренний человек состоит в священном и тайном браке со своей небесной Софией и не должен допускать и давать приют ни одной порочной мысли, но должен тотчас бороться с нею.

154. Как же мог бы стоять нечестивый в святая святых внутреннего человека? Тем более, что Бог есть также ревнующий, *jalouser*²³ Бог, который хочет один быть любимым превыше всего.

155. Кто хочет вторгнуться в ад и смерть и бороться с князем ярости, если уж не может быть иначе, если сильный вооружённый должен быть обуздан, тот должен надеть Божественные доспехи и как следует оснаститься против враждебного стана источника гнева огненной любовью к Богу и ближнему.

156. Иначе пусть он лучше стоит в стороне и пусть лучше помогает таким одержимым Богом бойцам при внешней потребности по своей возможности; так он тоже получит от Бога награду.

ГЛАВА V

²³ *Jalouser* (фр.) — ревнивый.

О БИТВЕ МИХАЭЛЯ И ДРАКОНА

1.

та духовная битва между любовью и гневом, светом и тьмой, *Да* и *Нет* поднялась уже на небе до сотворения видимого мира в тварной воле Люцифера,

2. Который оторвался от своего истока, то есть вечной любви, соблазнился собственным хотением, действием и претворением [Fogmen] и, — против Бога и Его Сына любви, — хотел принудить вместе с собою к отпадению от любви и других своих собратьев, прекрасных ангелов, которые, однако, победили.

3. И Люцифер вместе с его ангелами низвергнут с неба на землю, как открывает Иоанн в Откр. 12¹.

4. Поскольку потом этот яростный князь гнева попытал свое счастье с Адамом, сотворенным на его место как престольный князь и человеческий иерарх этого места и престола, и подвиг также и его к отпадению [Abfall²] и непослушанию,

5. Из этого потом внутри и вне человека в мире выросли спор, война, убийство, вражда, нищета и скорбь,

¹ 12:7-9.

² В некот. изд. — Apfel — «яблоко» как символ грехопадения.

нужда и смерть, как видно воочию, и кровавыми слезами не может быть оплакано поныне.

6. Но эта духовная битва так сокрыта и очуждена, что никто не может её понять, разве тот, кто в ней побывал и прошел испытание, как будет видно из последующего:

7. И никто да не носит по праву имя честного истинного христианина, если в этой битве много раз не терпел поражений и не восставал вновь и в силе Христовой не побеждал своих и Христовых врагов, не обуздывал [их] и в свете Иисуса не выносил на [всеобщее] обозрение³.

8. Поскольку уж высшее благо — это любвеобильная, дружеская, кроткая и тихая сущность, в которой нет тьмы, страха, мучения, распри и строптивости; мы даже не можем сказать, что Бог создал противоположности [contrarium], потому как Люцифер был столь же прекрасным престольным князем на небе, как Адам на земле в раю.

9. Так что мы хотим светить нашему читателю нашим светом и сообщать ему наш опыт, но призываем нашего благосклонного читателя приняться за молитву и настойчиво взывать к Богу о Его Святом Духе, без просвещения которым мы останемся ему [читателю] недоступны и непонятны.

10. Поскольку в Священном Писании есть несколько темных выражений, которым нужно было бы хорошее разъяснение, то непросвещенный разум толкует их с великим непониманием к своей выгоде,

³ Т.е. как «анафема» (ср. прим. к § 137 гл. 4).

11. И философствует о благом Боге, что Он якобы зачинщик злобы и мерзости и первый виновник падения Люцифера и Адама, [и] предназначил кого-то к блаженству, а кого-то другого к проклятию.

12. И так делает из благого Бога чистого дьявола, как то достаточно известно из их писаний и слепых умозаключений; тогда как Бог — это всё же любовь, и вовеки не может хотеть ничего другого кроме любви.

13. Конечно, не без того, что ни одна вещь в Нём самом не может стать явной без превратности [*Widerwärtigkeit*⁴]; и если бы в жизни не было превратности, в ней не было бы так же ощущений и желания, разума и науки.

14. Ибо единая вещь не знает более ничего кроме единого, и даже если она сплошь хороша в себе, она всё же не знает ни зла, ни добра, потому что не имеет в себе ничего, что дало бы ей способность ощущать.

15. Так что мы тотчас можем пофилософствовать о Воле Божьей и сказать: Когда бы сокрытый Бог, который есть лишь единая сущность и воля, не в[ы]вел себя своей волей из себя, из вечного знания [себя] в одинаковости — в раздельность [и] оформленность

⁴ В барочной поэтико-философской традиции, идущей от Бёме, это слово, с одной стороны, обладает поистине терминологической степенью абстрактной точности, которая, однако, не легко передается по-русски, напр., *противообращенность* единого в себе, его сущностная *извращенность*. С другой же стороны, оно способно обрастать смысловыми обертонами, выражающими негативно эмоционально окрашенные ощущения, чувства, состояния, напр., *отвращение*.

[*Infaßlichkeit*⁵] для естественной и тварной жизни, и кабы в жизни эта разделённость не пребывала бы в раздоре, — как могла бы тогда сокрытая Воля Божья, которая в себе есть лишь Единый, быть очевидна себе⁶?

16. Но где в единой воле происходит разделение и в отделившемся есть собственная воля, и следовательно в единой воле возникают необусловленные и бесчисленные воли, словно ветви из дерева, —

17. Там мы видим и понимаем, что в такой разделённости каждая отделившаяся воля вводит себя в свою форму и что раздор между волями идет из-за формы, что в делении одна форма не похожа на другую, тогда как все они тем не менее стоят на одной почве.

⁵ Здесь отчетливо слышится значение помещения *единого содержания в разные сосуды* (*Faß*).

⁶ В оригинале это место («wie wollte dann der verborgene Wille Gottes <...> ihm offenbar seyn?») допускает двоякую трактовку: местоимение *ihme* (*ihm*) понимается порой как указание на воспринимающего человека. (см. прим.: Gichtel J. G., Graber J. G. *Theosophia practica. Die Verwandlung des mikrokosmischen Menschen bis zu seiner Wiedergebirt nach Seele, Geist und Körper. / 2. erweiterte und verbesserte Auflage. Edition Oriflamme Basel, 2011. S. 141*). Но в контексте (начиная с § 12) предыдущего рассуждения автора о невозможности зла в Боге и последующего объяснения возможности зла в процессе саморазделения воли речь идет скорее именно о неочевидности Божественной воли себе до начала Творения, о чем можно прочитать и у Бёме: «<...> im nichts wehre der wille ihm nicht offenbahr <...>» (*Böhm J. De signatura rerum. 2:7. — «<...> в ничто воля была бы не очевидна себе <...>»*).

18. Так же как зло или противоволие [Widerwille] обуславливают добрую волю, так что она вновь начинает стремиться и жаждать своего истока, то есть Бога (ибо то, что в себе только хорошо и лишено муки⁷, не алчет ничего, потому что не имеет в себе или перед собой ничего лучшего, чего оно могло бы вожелеть), —

19. Так можно сказать и о единой доброй Воле Божьей, что она в Себе самой ничего не может алкать, ибо Он не имеет в Себе или пред собой ничего, что могло бы дать Ему что-либо.

20. Чего ради Он выводит Себя из Себя в разделение, чтобы в том, что проистекло, возникла превратность и добро стало во зле ощутимым, действующим и желающим: именно отделиться от зла и вновь войти в единую Волю Божью.

21. Но поскольку истечение единой вечной Воли Божьей к Своему откровению в любом случае исходит из Себя, то и Божественная сила исходит и течет из вечного Единого в раздельность и во многие центры,

22. И своей подвижностью обуславливает в них добро, так что оно вновь тоскует о покое и начинает хотеть пробиться в вечное. И в таком действии стоит чувственная восприимчивость, познание и хотение.

23. Бог, коль скоро Он зовется Богом, не имеет ни перед, ни за Собой, чего бы Он мог хотеть; но если Он хочет чего-то [etwas⁸], то оно исторгнуто из Него

⁷ Qual — слово, которым Бёме обозначил состояние тварной материи в её противоволии.

⁸ Etwas — нечто, что-то: мысль автора продолжает двигаться

и есть предмет [Gegenwurf⁹] Его Самого, в котором [предмете] вечная воля волит в своем Нечто.

24. Но если бы Нечто было лишь одно, воля не обреталась бы в нём; и потому безосновная воля [der ungründliche¹⁰ Wille] в [самом] начале разделилась и оформилась в [многих] сущностях, чтоб иметь возможность действовать в Нечто, что можно сравнить с духом [Gemüth] человека.

25. Когда бы дух [Gemüth] не выходил из себя, он не имел бы чувств; когда бы он не имел чувств, он не имел бы и познания ни себя, ни других вещей и не мог бы ни действовать, ни обретаться.

в русле, проложенном Бёме, в философствовании которого это понятие составляет бинарную оппозицию с «Ничто» (Nichts), как (часто с прописной буквы) Бёме аттестует Бога (Волю Божью) до Творения. Напр., в начале гл. 3 «Сигнатуры»: «Благосклонный читатель, заметь себе правильно смысл: <...> вне природы Бог есть *мистерия*, то есть *Ничто*, ибо вне природы это *ничто*, это Око Вечности, которое *ни в чем* не стоит и *ни во что* не смотрит, ибо оно бездна <...>» (Пер. наш. Курсив — автора; полужирный курсив — мой. — С. Ш.). В отличие от беспредельного и лишённого формы Ничто — Нечто это уже гештальт, образ и *иная* воля.

⁹ Слово, используемое Гихтелем, гораздо откровеннее, чем современное *Gegenstand* или русское *предмет*, выражает близкое неоплатоническому представлению об эманации значение *метания, броска* (Wurf — бросок, но и зоол. — помёт, потомство), выброса — *пред, против* (gegen) себя.

¹⁰ Вновь — прямое соответствие, на этот раз — учению Бёме о *бездне* (Ungrund). См. об этом, напр.: Бердяев Н. А. Из этюдов о Я. Беме. Этюд I. Учение об Ungrund'e и свободе // Журнал «Путь», 02, 1930.

26. Истечение чувств из духа делает дух волящим и желающим ввести чувства в самость [Ichheit], в которой дух действует посредством чувств и в действии и чувствовании себя самое открывает и созерцает.

27. Когда же все чувства были бы лишь одним чувством, тогда они имели бы и одну лишь волю и делали бы всегда лишь одну вещь. Как могли бы [тогда] чудеса и силы Божественной мудрости познаваться духом и представляться в фигурах?

28. Но поскольку в нём есть противоречие [contrarium], как свет и тьма, то само противоречие ему противно [widerwärtig], и потому одно качество всегда возбуждает в другом спор и желание покорить его.

29. В каковом стремлении чувства и дух вводятся в естественное и тварное основание желания воцариться в своем Нечто, то есть возобладать собственным чувством духа над всеми другими [чувствами].

30. Оттого в духе рождается спор и страх, и противоволие, так что весь дух побуждается вновь войти в разлад чувств и их собственных желаний и ввести себя в Бога, от которого он произошел.

31. Из этого возникает вера и надежда, так что боязливый дух уповает на избавление и вновь тоскует по своему истоку, то есть Богу.

32. Так следует понимать и Божественное откровение; ибо все вещи свое первоначало имеют в истечении Божественной воли, будь то зло или добро, любовь или страдание.

33. И поскольку всё же воля Божья не вещь, — ни природа, ни тварь, — и в ней нет ни мучения, ни страдания, ни противоволия; напротив — в истечении Слова исходят лишь смысл и познание.

34. И то истечение есть начало желания, в котором смысл разделился в образы: так собственным вожделением этих образов стало возыметь предмет, сходный с собой [Gegenwurf ihrer Gleichheit¹¹].

35. И это самое вожделение было формой для самости, как Нечто, которое оформилось для собственного воления.

36. И эта собственная воля теперь служит основанием его самости, которое замыкается в себе как вожделеющая воля и является причиной тьмы и мучительного ощущения;

37. И — основанием природы, из которого приходит множественность свойств, так что в такой превратности из одной воли возникает другая: выйти из мучения.

38. В таком испускании Божественных сил в природу и тварь нам следует понимать две воли в одном существе, как то Божественную Волю вне природы и твари, которая [Воля], таким образом, вводит себя только в чувствительность и действие для откровения силы, цвета и добродетели,

39. И потом — начальной воли природы, которая [воля] вводит себя в средоточие самости и самоволия как собственный нрав [Gemüth], из чего возникает разность волений, в двойственности которых встает противоречие.

¹¹ Сегодня мы сказали бы: образ собственной идентичности.

40. Ибо внутренняя воля жаждет лишь предмета своей одинаковости, то есть добра, в котором действует и открывается благая разомкнутая Божья Воля,

41. А та самая рожденная собственная природная воля жаждет тоже одинаковости — через свою собственную оформленность, чем делает себя материальной и темной.

42. И, таким образом, в сущности этого мира понимаются всякий раз две сущности в одной, а именно: одна вечная, Божественная и духовная, и затем вторая — начальная, природная, временная и смертная в собственной воле; поскольку две воли присущи единой жизни: одна — начальная природная, а другая — вечная духовная воля.

43. И эти две воли или сущности осознаются в двух *Principiis* [принципах], как читатель может видеть в представленных фигурах.

44. На этом открытом основании можно ясно показать и ответить рассудку, что падения Люцифера и Адама никоим образом не берут начало в доброй Воле Бога, но — в истекшей [*ausgeflossenen*¹²] тварной воле, когда Люцифер оторвал свою свободную волю от одинаковости, то есть от любви Божьей, и ввел в обособленность, —

¹² Гихтель уже как само собою разумеющееся учитывает различие, тщательно проводимое Бёме, между волей истекающей (Божественной) и истекшей (вошедшей в тварность), так же как между Словом говоримым и словом сказанным, претерпевшим превратность.

45. Как тотчас тьма оживилась в нем и насадила свою одинаковость.

46. И эта чуждая [*falsch*] воля самости [*Eigenheit*] есть уже Сатана и Дьявол, древний змей, лжец и убийца, который отвращает мир от блага и который день и ночь клеветает на наших братьев пред Богом, Откр. 12¹³.

47. Он же и огненный дракон, с коим сражался Михаэль и исторг его из святого Имени вместе с его легионами.

48. Того же рода и падение Адама, который позволил дьявольским речам змея совратить себя и ввел свою тварную волю в самодовольство:

49. Поскольку в тот час его принцип света, то есть мудрость Божья, померк в его чуждой воле и, напротив, пробудился третий *Principium* [принцип] в собственной образности, то есть мука созвездий и четырех элементов; отчего тело стало грубым и звериным, а помыслы чуждыми и земными;

50. И в самовожделении своем сделался темным, злонравным, лютым, грубым и волосатым; и обратился в пустое беспокойство; носится теперь в земной силе в вечном основании, ищет в бренности покоя, но не находит.

51. Этой плененной жизни пришла на помощь великая любовь Божья, и тотчас после такого отпадения, вдохнулась вновь во внутреннюю сущность [*Ens*¹⁴], как в угасшее существо [*Wesen*] божественного свойства,

¹³ 12: 10.

¹⁴ *Ens* (лат.): существо, сущее.

и предалась жизни как предмет [Gegenwurf] в качестве нового родника божественного единства, любви и покоя,

52. Из которого жизнь теперь может черпать и гасить свое злонравие и беспокойство в центрах самости и чувственности.

53. Итак, в первой фигуре первой главы читателю указано на то, как человек является истинным образом и подобием Бога, по всей сути всех трех Принципов, и что Бог ему много ближе в самом внутреннем основании, чем вне его над звездами.

54. И дело лишь за тем, чтобы он вместе с блудным сыном остановился в своем собственном хотении, деянии и жизни, смирился в самом внутреннем своем основании перед своим Богом, направил свои чувства и воображение на любовь Иисуса, воззвал о пощаде и милосердии и не отвращался бы опять вовне или не отступал бы, пока не почувствует, что он услышан.

55. И пусть даже это длилось бы с вечера до утра, и земное сердце противоречило бы себе, — так он хорошо узнает, как на помощь ему поспешит наружу милосердный Отец небесный, чтобы утолить его чувства, обнять его душу и целовать с любовью и вновь возжечь его огненное основание, если только это совершенно серьезно.

56. Иначе это только насмешка над Богом, на что Бог жалуется через пророка: Этот народ приближается ко Мне устами своими, но сердце его далеко от Меня¹⁵.

¹⁵ Ср.: Ис. 29:13.

57. От природы все мы дети гнева, хотя и крещены во смерть Христову.

58. Собственная воля пробивается впервые в цветущей юности и вводит свою животную жизнь в чудеса созвездий и элементов и живет целиком в побуждении звезд и элементов на языческом основании в добре и зле, и является в этой жизни чистым дьяволом, Сатаной и враждебным драконом, который всеми своими делами, поведением и помыслами устремлен против Бога;

59. И не имеет другого ока, кроме рассудка, и не может видеть дальше порождений этого преходящего мира: и не имеет другого света кроме солнца и звезд, как показано в фигуре второй главы:

60. И если человек не обращается и не поворачивает свою волю в жизнь Бога, то со смертью угасает для него свет солнца, и [он] — бесчувственное бревно.

61. Оттого у некоторых умирающих мы видим столь великий страх, трепет и ужас перед темной бездной.

62. Но как только человек обратит свою душу в теле, оторвется от света рассудка и повернет свои чувства внутрь, так тотчас придаст ему силы вечное Слово, и Святой Дух озарит его разум,

63. И откроется ему понимание потаенной мудрости Божьей, так что он сразу познает всеобщее отпадение так называемого христианства от жизни Иисуса Христа, смятение чувств во внешнем богослужении и вавилонский спор многоразличных религий о Боге и истинное богослужение,

64. Которое совершается в обращенной и заново рожденной душе, которая в духе и истине в себе самой молит Бога, вкушает Его, слышит, видит и обоняет¹⁶.

65. Он будет крещен и прокален огнем божеской любви, и помазан Св. Духом, и обновлен в чувствах и нраве [Gemüth], сможет видеть тремя глазами¹⁷ и понимать всю потаенную мудрость Бога и из животного дьявола станет животным ангелом¹⁸ и истинным образом Иисуса, как представлено в фигурах третьей главы.

66. Он станет тогда совсем иначе настроен, возненавидит то, что прежде любил, и полюбит, что ненавидел.

67. Он будет просвещен от Бога, чтобы понять и признать, что его собственная воля есть тот самый огненный дракон Откр. 12, с которым внутренний человек должен бороться в силе Иисуса,

68. И что его душа и чувства [Gemüth] не смогут

¹⁶ Как отмечает П. Мартин, Гихтель в этом месте дословно цитирует «Книгу о молитве» Валентина Вайгеля. — См. прим. в: Gichtel J. G., Graber J. G. Theosophia practica. Die Verwandlung des mikro-kosmischen Menschen ... 2011. S. 147.

¹⁷ Как видим представление о *третьем глазе* не принадлежит исключительно Востоку. — Ср. Прим. П. Мартина (там же).

¹⁸ Животное начало неотделимо от телесности, от которой, как и от обусловленных ею, пусть и минимальных, потребностей, духовное перерождение не избавляет. Для превращения в собственно ангела необходимо освободиться от нее. Ср. с аналогичным прим. П. Мартина о заложенной в этом положении мысли о разумной аскезе (там же).

прийти к покою во Христе, пока этот красный дракон самости в нём не будет побежден, связан, выставлен напоказ и во внутреннем человеке полностью низложен к подошвам Христа, так чтобы он не мог пошевелить ни головой, ни хвостом, и пока он не будет во внутреннем принципе света подчинен Воле Божьей.

69. Об этой борьбе Бог говорил уже нашим пророкам, Быт. 3. Я положу вражду между тобою, змеиным дьяволом, и женщиной и между твоим семенем и её семенем.

70. Эту борьбу представляет и Дух Иисуса, Откр. 12; она же от Адама до сих пор длится и в верующих¹⁹ будет, наверное, длиться до конца.

71. И вот, поскольку эта борьба духовна и происходит как внутренне между духом и плотью в чувствах, так и внешне между семенем жены и семенем змея, — я хочу поделиться с читателем тем, что в лучшем случае даст мне милостивый Бог и насколько хватает моего собственного опыта.

72. Мой христианский читатель, однако, должен быть уведомлен, что я здесь пишу о перерожденных душах, которые вместе с Блудным Сыном находятся на пути в дом милосердного Отца своего.

73. А кто настроен на земное, тому я ничего не писал, да он и не поймет, ибо земной человек жаждет земных наслаждений плоти и не знает других упражнений, кроме внешних.

¹⁹ Речь идет, очевидно, о верующих в церковно-догматическом смысле. — Пояснение П. Мартина. См. там же, S. 147.

74. Но перерожденного, который бежит от плотских наслаждений, как из свинарника дьявола и обращает помыслы свои к самому святому, где Бог живет и соприсутствует душе, — того будет искушать дьявол живыми нашептываниями в нрав [Gemüth], отчего [в нем] возникают обманчивые фантазии, превратные ложные мысли и противная воля.

75. Ибо внешний нрав стоит наполовину во тьме и наполовину в свете, как видно в фигурах третьей главы;

76. И должен против своей воли терпеть в себе много зла; и хотя дьявол не может заглянуть в светлую половину души, все же подстерегает он намерения воли в темной части, производит смешение и смятение в колесе нрава и чувств и препятствует всему доброму, где только может.

77. На это Павел и все святые во всякое время жаловались, что они часто делают не то, что хотят.

78. Поэтому, если мы хотим правильно понять причину этой духовной борьбы, мы должны исследовать в свете природы, что есть наш нрав, откуда в одно мгновение могут возникнуть любовь и гнев, свет и тьма, радость и страдание; —

79. Даже быстрее молнии, как добрые, так и злые мысли без числа разбегаются в нас; —

80. Тогда мы найдем, что это есть вождедеющая воля, которая стоит плененная во тьме и всегда тоскует по свету, и собирает [fasset] свою волю к свету, [чтобы] породить его, дабы он [нрав] мог освободиться из боязливого томления и достичь рая или равновесия [Temperament] в себе;

81. В чем он мог бы отдохнуть от боязливой суеты и остановиться в её [души] боязливом желании, так чтобы Божья Воля сама могла бы вершиться в ней, как это уже обстоятельно изложено в §§ 25-31.

82. Хотя неопытный нуждается в еще большем разъяснении и наставлении, чему должно помочь одно сравнение.

83. Дух [Gemüth] алчет и страстно желает породить в себе свет, и чем сильнее это желание, тем больше становится темное, боязливое томление, так что неопытные души [Gemüther] часто впадают в сомнение и теряют мужество;

84. И выходят из молитвы и борьбы, как поступил и я, а теперь вот советую моему благосклонному читателю, чтобы он не опускал руки и не сдавался в борьбе;

85. Напротив, чтобы он возымел другую волю — вырваться из этой боязливой, томительной тьмы, оставляя во тьме лишь ту первую волю.

86. Так, в серьезной молитве и настойчивости, он наверное узнает, что это перо не может выразить.

87. Ах, как радушно прижимает к сердцу и целует небесная София своего огненного жениха, когда они встречаются друг с другом в этом любовном соединении! О том хорошо знают те, кто был на этой свадьбе среди гостей,

88. Это и есть огненное крещение, когда душа погружается в огненное море Божьей любви и зажигается в Божьем любовном огне, из которого светит в нраве [Gemüth] благородный нежный свет.

89. Тогда бродит жених со своей милой невестой в розовом саду и собирает себе разнообразные прелестные цветочки силы, как в течение десяти лет узнавали и свидетельствовали все мои дорогие сообщники [Mitgespiele].

90. Они ликовали и торжествовали в свете Софии и возглашали свою любовь пением и музыкой, так что все слушатели оттого воспалялись и прославляли Бога.

91. Только этот свет еще не остается в душе нас всем; небесная дева скрывается в свой *Aether*²⁰ и сначала испытывает своего жениха, хочет ли он быть верным ей в страдании, как в радости, и неизменно следовать за ней во всех превратностях.

92. Как потом также узнали мои дорогие сообщники и должны были подвергнуться испытанию; — и уже вскоре после того, как они трижды клятвенно заключили друг с другом союз, чтобы твердо и постоянно держаться любви и проклинать малейшую мысль, которая была бы чужда любви.

93. Потому что основатель союза [Bundmacher], мой сын-первенец, который хотел всем остальным освещать путь, презрел мои чистосердечные предупреждения, в гневе опрометчиво вышел [из союза] и расточил все, что сам же до того собирал;

94. Так что из тридцати лишь один устоял, рискуя решительно всем [Gut und Blut], и получил печать Святого Духа.

95. Другие в большинстве своем развеяны, отвратились, обратили правду в ложь и своим земным образом

²⁰ Эфир (лат.).

жизни вошли воспротивились и безжалостно разорвали нас²¹: о том можно было бы много рассказать, если бы это могло пойти на пользу читателю.

96. Когда больной хочет стать здоровым, он должен принимать не яд, а полезные лекарства:

97. Так же и когда мы хотим освободиться от гнева Божьего, который в Адаме взял нас в плен и ослабил, мы должны сильным желанием вводить любовь Божию в огонь гнева в нашей душе;

98. И делать это вновь и вновь, пока любовь не преодолет гнев и не трансмутирует его и не превратит в любовь.

99. Что, однако, требует невыразимо большой серьезности и многолетней упорной борьбы, прежде чем дьявол снова станет ангелом, и огненный дракон самости отвергнет свое право; как это видно по Иакову и Христу на горе Елеонской и на кресте.

100. Ибо любовь должна целиком предаться гневу на поглощение; перед этим содрогается природная собственная воля, потому что она умирает неохотно и сопротивляется столь сильно, что Богу зачастую приходится использовать благочестивых и неблагочестивых, даже отнимать [у Своего избранника] всякую тварь и лишать [его] последнего утешения.

101. Пока он, наконец, не предастся смерти своей самости и не подчинится в полном послушании Воле Божьей, [чтобы] не желать более своего, но — того, чего хочет Бог.

²¹ Т.е., очевидно, «наш союз».

102. С тем потеряет дракон свое царство и трон в нас, и любовь восстанет из смерти самости и воссядет одесную Бога над гневом и властью его.

103. И будет после этого господствовать в среднем Принципе над огненным основанием первого и третьего Принципов,

104. Только тогда взойдет рай в душе, свет постоянно будет светить во тьме, искусьитель будет устранен, и ангелы приступят к нам и будут нам служить.

105. Тогда начнутся в духе ликование, радость, хвалебная песнь и благодарная жертва, что выброшен тот, кто день и ночь обвинял перед Богом нас и наших братьев, и что настали честь, власть, царства и слава Бога нашего и Его помазанника.

106. Но христианский читатель должен знать, что под любовью я понимаю не фантазию самости, а Иисуса, вечную Софию, который после падения вновь нисходит помощницей²² душ в наших прародителей [спасительным] звуком, эссенциально вступает в брак²³

²² Грамматическая странность («...который... помощницей...») этого предложения как нельзя лучше демонстрирует мысль о сущностном единстве Иисуса и Софии — Премудрости Божьей (ср. с «О истинном покаянии» Бёме, где София является душе «в движении духа Христова», — *Бёме Я. Christosophia*, или Путь ко Христу. С. 34) — и мысль об ограниченных возможностях языка, «созданного в частичности» (Я. Бёме).

²³ «Брачная» символика издавна и традиционно используется в мистико-алхимических описаниях духовных процессов. Ср. с «Химической свадьбой» И. Х. Андрес и с «О истинном покаянии» Я. Бёме в его «Христософии».

с померкшей сущностью душ [Seelen-Ens].

107. И мой читатель должен быть честно предупрежден, чтобы хорошо меня понять: я ни коим образом не хочу ни запретить, ни умалить супружество; но — открыть ему, что я узнал и что открыл мне Господь.

108. Ибо, во-первых, известно, чему своей жизнью и поведением учил Христос собственной персоной и то же учение оставил нам в писаниях апостолов,

109. Что мы должны всё отринуть и нашу собственную жизнь возненавидеть и покинуть, коль скоро мы хотим быть его последователями, поскольку *Spiritus Mundi*, то есть справедливость Божья, притязает на всё преходящее, даже на нашу земную жизнь, и отнимет у нас всё до последней рубашки, как это и случилось со мной и другими.

110. Как наш Учитель, мы в этом мире не должны ничего иметь в собственности, иначе в борьбе с гневом Божьим мы не можем ни устоять, ни победить; что для самонадеянных невозможно, если они не могут разорвать эти узы;

111. Но по правилу Павла, 1 Кор. 7, каждый должен оставаться в том состоянии, в котором он призван Богом; что мой читатель должен хорошо заметить себе как главное правило.

112. И хотя различные самонадеянные мужи прибились ко мне и влюбились в Софию, и добровольно ради нее приняли духовное обрезание, и с согласия своих жен воздерживались, — всё же они не выдержали испытания;

113. А снова пали в земную *Matrix*, потом хулили любезную Софию и ставили к позорному столбу как ветреную потаскуху, и мерзко рвали её одежды, и топтали добрые семена, так что Богу пришлось посмотреть на это, и срезать такой сорняк и бесполезные всходы.

114. Потому мы вынужденно держим самонадеянных мужей на расстоянии и призываем к смирению, ибо дары Божьи — многообразны.

115. Пусть каждый будет уверен в том малом, что ему не принадлежит, так ему возможно будет доверять и в том, что *его*; и каждый пусть ведет себя по своим силам, как он может.

116. Наступает совсем чудесное время урожая во всех трех принципах; пусть каждый присмотрится, кому он отдался в рабство: я понял это только в моей тридцатилетней борьбе, после многих потерь, ударов, ран и страданий.

117. Стараться стоит ради ангельского венца, который небесная София возложит на всех своих стойких рыцарей, которые победят в себе огненного дракона самости, то есть гнев Божий.

118. Свой свояка видит издалека²⁴ [*Gleich liebet seines gleichen*], говорится в пословице; и коли это

²⁴ В. И. Даль дает вариант «Свой своего знает (видит) издалека». См.: *Даль В. И. Пословицы русского народа*. С. 775. В нашем случае лучше подошел бы вариант с глаголом «любит». В переводе пословицы этим мотивом пришлось пожертвовать ради впечатления идиоматичности.

естественно, то и не приходится удивляться, что Христос сердечно любит свое подобие [*Gleichheit*].

119. Но так как Он больше не находит его в нас, поскольку мы все дети гнева и лишены справедливости, которая имела бы силу перед Богом, то Он посылает Свой Дух Святой разбудить дорогих невест²⁵.

120. Он рассылает своих ангелов принуждать невинные души [*Gemüther*]; Он зажигает Свой свет в Своих детях и приглашает калек, слепых и расслабленных к свадьбе.

121. Он, конечно, обнимает и целует также всех Своих гостей; но Он не дается в объятья тому и не ведет того в потаенные покои невесты, кто вначале не прошел положенное обучение в пустыне плоти и не победил искушителя.

122. Чему мои дорогие сообщники не хотели верить, загорались яростью и хотели гневом принудить драгоценную Софию войти с ними в брачные покои; но сделали громадную ошибку и лишились ангельского венца.

123. Потому, читатель мой, ошибка других представляется тебе как учебное пособие [к тому], что ты должен ходить в смирении и остерегаться собственно-го парения.

124. Конечно, это немало, стать из дьявола ангелом и дитём Божьим и сидеть с Христом одесную Его величия, и быть судьей Его врагов.

125. Потому мы и должны стать сходны с подобием Иисуса в жизни и поведении, в печали, гонении,

²⁵ То есть, спящие, но живые души.

Scan Series by Tades Gekatoff

бедности, страдании, в аду и смерти; что нежной плоти и крови дается очень тяжело, и [они] предпочитают короткую преходящую радость вечному блаженству.

126. Не годится видеть ход вещей в мире и охотнее желать выбрать со многими широкую дорогу к гибели, чем с немногими — узкую дорогу в Царство Небесное.

127. Мой дорогой читатель, широкую дорогу нам услаждают и делают приятной и учат нас, что, как проклятые души, так и отпавшие ангелы, которые не сохранили свое жилище, должны быть снова приведены и превращены в ангелов Божьих;

128. Да притом — в великом сиянии безмерной любви; через это грубые души становятся подлее и ставят на это свою жизнь.

129. Будь ты осторожен и всегда взвешивай в своем сердце слова Христа: Раб не лучше своего господина; — коли назвали они учителем Вельзевула, они не сделают рабу лучше: страдание этого времени ничто перед великолепием, которое должно открыться детям Божьим.

130. Возможность переложить заботу на Бога и Ему, невидимому, доверять, как [доверяют] видящие Его, приходит только от самого Бога и постигается путем долгих и многих упражнений.

131. Ибо, когда вера сеется в наше сердце, она вначале мала, как горчичное зерно, из которого со временем вырастает большое дерево.

132. Но сколь мало может возрастать дерево без солнца, штормовых ветров, грома и града и без втя-

гивания сока земли, столь же мало может прибавлять вера без креста, горестей, гонений и искушений.

133. Того ради воздвиг Христос Царство Свое внутри нас, чтобы мы могли Его чувствовать, вкушать и далеко не искать, и не кричать громко:

134. И обетовал тут же, *что* мы будем в духе и истине просить и желать во имя Иисуса, чтобы это было дано нам небесным Отцом нашим.

135. Бог не может лгать; посему, если мы просим и не получаем, это только наша вина [в том], что наша душевная тинктура либо не вся и не вполне стоит в Боге, либо иначе привержена к чему-то земному, или устремлена к твари.

136. Даже собака не покидает своих щенков, — как же Бог мог бы покинуть [тех], кто день и ночь взывает к Нему и всем сердцем Ему доверяется?

137. И хотя порой в искушениях кажется, будто небо из железа и стали, а Бог забыл слушать, — всё же нрав [Gemüth] не должен ни пугаться, ни колебаться или сомневаться и оставлять молитву;

138. Но только с истинной огненной серьезностью держаться и, подобно Иакову, так долго бороться с Богом, пока не одолеет Бога и людей, и вера вместе с любовью не победят, чему прекрасный пример мы имеем в терпеливом Иове.

139. И до этого должно дойти [дело] истинного борца и воина Христова, иначе херувим будет держать его дух заключенным в постоянном сомнении и беспокойстве и не позволит ни прийти когда-нибудь

к уверенности в себе, ни вырваться из мрачной темницы гнева.

140. Сильный во всеоружии хранит свою крепость и царство изо всех сил: мы должны в борьбе иметь на нашей стороне героя Иисуса и применять силу к Царству Небесному, иначе мы ничего не достигнем²⁶, и дьявол посмеется над нами и над Христом в нас.

141. Нет более жестокой, печальной или прискорбной борьбы, чем когда добрый Бог сочетает браком добрые дорогие души в одну любовь, сердце и волю, и одна из них допускает горький корень произрасти в сердце своем:

142. Из чего происходит разделение Единой Воли Любви на много горьких воль и разъединение Принципов; как это случилось на небе среди дорогих ангелов, и Люцифер с его воинством, наконец, был изгнан из света во тьму;

143. И то же возникло между моими сообщниками, которые чудесным Божьим промыслом, поскольку я жил всё же очень скрытно и полагал оставаться неизвестным, навести меня в моем жилище;

144. Показали себя настолько влюбленными в Софию и на разные лады старались вступить с ней в брачный союз, и целых десять лет вели себя как серьезные женихи;

145. Даже по собственной воле троекратной клятвой заключили между собой союз [в том], что каж-

²⁶ Ср.: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». — Мф. 11:12.

дый ради сохранения столь ценной братской любви должен беречься от ожесточения и гнать малейшую мысль, которая не есть любовь, при первом же её поползновении;

146. И добрый основатель союза, поди, не думал тогда, что он сам будет первым нарушителем и в гневе вновь разрушит всё, что построил в любви Иисуса; а это последовало через совсем короткое время.

147. Из чего выросли такая горькая воля дракона и дьявол, что после того они друг друга поносили и избегали, а бывшая прежде открытая любовь обернулась чистым смертоубийством, клеветой, богохульством, осуждением и преследованием, и возросшая великая злоба далеко превзошла воздвигнутое [erbaute] добро.

148. Через это и гнев в природе так яростно воспламенился и поднялся [из-за того], что я и еще один стойкий брат вступаю в процесс Христа, ставим на кон нашу жизнь и должны насмерть биться с волей дракона, —

149. И если бы наш Помощник и Герой в нас Сам не выступил так серьезно на передний край, нам невозможно было бы выстоять в этом испытании.

150. Ибо, чем больше мы внушали им в Духе любовь Софии, тем вышемерно они становились в гневной драконовой самости; так что Богу пришлось, наконец, взглянуть на это и выкосить сорняки косой, чтобы мы не подвергались чрезмерному испытанию.

151. Что будет наглядным примером нашим потомкам, потому что жених у дверей и куда как чуд-

ные перемены явятся в Духе, [но] неразумные девы будут водиться друг с другом, любить себе подобных и ненавидеть и преследовать жениха с мудрыми девами²⁷.

152. Наша собственная тварная воля (если погрузится она в Бога, вечную любовь, [как] во внутреннее основание, остановится в своем собственном хотении и действии и целиком предаст себя Богу в собственность, что достигается непрестанным голодом, жаждой, прощением, воздыханием и страстным желанием) — это ангел Божий, экипаж с невестой Духа Святого, жених Софии и орудие Бога Отца,

153. Которым Он порождает и открывает Свои чудеса любви в семи духах или образах [Gestalten] природы по трем Принципам;

154. И пока человек раздувает в себе этот святой огонь истовой молитвой и поддерживает пламя, до тех пор продолжает светить в душе небесная София, и дьяволу будет нелегко приблизиться к нему или его коснуться.

155. А если и случится, что он постучит в душу своими грубыми ядовитыми огненными лучами и адскими мыслями, то духи всё же всегда на страже, зовут и кричат о помощи и обращают помыслы к Богу;

156. Который тоже незамедлительно спешит на помощь, так что в душе поднимается зачастую как бы

²⁷ Евангельская аллегория пяти неразумных и пяти мудрых дев означает души, не готовые и приготовившиеся к приходу «жениха» Иисуса. См. Мф. 25.

великое смятение, пока враг не отражен и не изгнан.

157. Но когда собственная воля в самом внутреннем основании души отрывается от света Бога и обращается вовне в семь духов планет, тогда она сама себя превращает в гневного, огненного, высокомерного зверя дракона, дьявола и сатану, в древнего змея (Откр. 12), который возносится над Богом и надо всем, что от Бога, и борется против Бога в Его дорогих детях и становится свадебной каретой дьявола, его храмом и жилищем,

158. Через которые дьявол насмехается над Богом и над всеми добрыми сердцами и делает в этом мире [всё], что иначе было бы ему не под силу.

159. Того ради пусть мой благосклонный читатель будет чистосердечно побужден основательно исследовать и познать самого себя; так он наверняка отыщет и ощутит в себе этого семиглавого зверя дракона с блудницей;

160. С этим он должен вести войну и не смеет сложить оружие и искать покоя плоти, прежде чем зверь будет выброшен из внутреннего храма, то есть с неба, на смрадную землю испражнений и отбросов; тогда обретет он [читатель] славу пред Богом.

161. Зверя и блудницу во внешнем грубом мире Бог в свое время, наверное, также бросит в огненное болото.

162. Орудия искусителя частью внешни и телесны, частью внутренни и духовны.

163. Внешне — преследования, тюрьма, узы, позор, насмешки, изгнание и смерть, ибо он имеет право

на внешнюю земную жизнь; и там, где мы можем ее оставить и покинуть, его власть обрывается.

164. Когда же эта попытка ему не удастся и он видит, что своей львиной шкурой он не страшит дух [Gemüth], тогда надевает он образ змеи и ложится у древа искушения, представляет духу наследства, выгодные женитьбы, почести и большие должности.

165. Ах, каким святым он умеет размалевать всё в нашем рассудке и сладостно напеть в уши, прельстить дух, помыслы и воображение, что он [дух] должен вкусить от прекрасного яблока Венеры!

166. Тем совратил и поймал он очень многие добрые души, которые потом, до своего конца, горестно оплакивали утрату и ущерб.

167. И именно этой приманкой соблазнял меня долгие годы искустель, пока любовь Божья не освободила меня и не обручила меня за то лишь с его небесной девой.

168. Когда это искушение получает отпор, он [дракон] ищет спасения в своих духовных началах: в высокомерии, скупости, зависти, гневе, и признает за духом [Gemüth] великие силы Бога и великую святость и добродетели;

169. Что он [дух] должен подниматься, возвышается над всеми престолами и презирать то, что не сходно с ним во власти огня;

170. И что он должен хитростью завладеть добром ближнего своего, а того, кто захочет его наказать, очернить злословием или в огненном ужасе убить и повергнуть в прах;

171. А если он [дракон] встречает сопротивление, то против тебя он воспламеняет огнем гнева себя и всё, что не стойко в любви, делает жизнь и путь воителя Христова такими черными, что уже ни один приличный человек больше не может с ним знаться;

172. Бьет одновременно изнутри страхом, боязнью, ужасом, нерешительностью, сомнением, неверием, заботой о животе и т.д. через рассудок в душу [Gemüth], хочет принудить тебя пасть перед ним и умолять его о куске хлеба.

173. Он делает Бога гневным, немилосердным судьей, так что часто небо и земля становятся слишком тесны, и возглашает: «Я кричу, но помощь моя далеко».

174. Но Бог не хочет попустить кроткого быть искушаемым чрезмерно; и если дойдет до крайности, Он пошлет чудесное спасение, сделает из врагов друзей или срежет сорняк.

175. Ты, мой дорогой читатель, во всех этих испытаниях не можешь делать ничего иного, как просить, как это и я делал неотступно и твердо держался в моем сердце [того], что Бог есть любовь, который и не покидал меня ни в какой нужде.

176. Ему честь, слава, благодарность и хвалебная песнь вовеки, аминь!

Scan Series by Tades Bekatorff

ГЛАВА VI

О МОЛИТВЕ

1.

Поскольку Бог в свете благодати и природы открыл мне и вразумил даже через собственный опыт, что благочестивый христианин не может не сопротивляться этому запутанному миру,

2. И [что он] не только внешне окружен невероятным множеством сетей и капканов дьявола, но и в себе самом злейшего своего врага носит, сам вскармливает, делает тучным и сильным, и потому, подобно кораблю в море, плывет среди великих опасностей,

3. Так как тянут его всегда в глубокую бездну тьмы дьявол, мир, гнев Божий и его собственные плоть и кровь, а зажженный в его сердце божественный огонек, коему сверх всякой меры враждебен и коего постоянно алчет дьявол, [он] хочет погасить и поглотить или, как сказано в Откр. 12, утопить [ersäuffen¹]; —

4. Потому не мог я сделать ничего лучшего, как всечасно повергать мою собственную волю в милости-

¹ См. Откр. 12:15 в переводе Лютера: «Und die Schlange schoß nach dem Weibe aus ihrem Munde ein Wasser, wie ein Strom, daß er sie ersäufete». В русском каноне то же место: «И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою».

вую волю Бога и с мольбой и воздыханием неотступно просить руководства Его Святого Духа:

5. И ни единой малости не предпринимал без молитвы и одобрения моего дорогого Вожатого, потому что я должен был идти совершенно неторной дорогой и вступить в бедную жизнь Христову, которая, однако, непонятна и противна всякому разуму.

6. В том должен я был ожидать много возмущения от всех естественных людей, и что восстанут против меня и друзья, и враги и примут меня за странного новичка, который провозглашает совершенно чуждый и невозможный для человеческой природы, и непроторенный путь и учение, возненавидят и покинут [меня]; и, действительно, в этом мои мысли меня не обманули.

7. И хотя я вознамерился уберечься от непогоды и для того зарыться в тишину, всё же управил Бог мое намерение совсем иначе и хитростью и любовью втянул меня как раз в борьбу, которой я хотел избежать, подобно Ионе.

8. Поскольку же я понял из этого, что моя воля противится Божьей и что Он всё же слишком силен для меня, то должен я был, в конце концов, полностью препоручить свою волю и позволить Богу править, как Он хотел, пусть даже мой разум не мог ни постичь, ни предвидеть цели Бога.

9. Пока я, наконец, благодаря Его великому милосердию после перенесенного времени не пристал в надежной гавани, где моя душа обретает покой и куда гонитель не может достать своим бичом страха и сомнения.

10. Но какого пота, усилий и жарких молитв это стоило, известно лучше всего знатоку сердец:

11. И я безмерно рад и во всякое время сердечно благодарю Всевышнего, который милостиво сохранил для меня среди многих стойкого, верного собрата,

12. Который преданно бодрствовал со мной в молитве, рисковал решительно всем и снискал от Иисуса награду и победу веры и может свидетельствовать о том, какое великое милосердие открылось нам навстречу.

13. Так вот, лучший наставник это Святой Дух и собственная нужда в молитве; и нам не нужны были бы молитвенники и формулы, если бы мы все были одинаково настроены и имели бы в себе Святого Духа молитвы.

14. Но так как «сколько умов, столько мнений», один Бог высоко над звездами, другой в воздухе, и совсем не многие ищут и находят [Его] в себе самих, — то каждый идет своим путем и молится смотря по тому, как он устроен [constelliret]².

15. Животный человек достигает не дальше воздушного неба, именно *Animam Mundi*³, элементов.

16. Другие, которые идут немного глубже, вторгаются в *Spiritus Mundi*, или в звездное небо до Солнца; проникнуть им дальше напрасно стараться.

² Смотри в какой он находится констелляции или комплексии.

³ *Anima Mundi* — душа мира (лат.). «Душа» здесь в античном (языческом) смысле — субстанция, прежде всего, «физическая, материальная и чувствительная», говоря словами А. Ф. Лосева о древнегреческом анимизме (см. его: *Античная литература* / Под ред. А. А. ТахоГоди. — Изд. 7е, стереотипное. М., 2005. С. 17)

17. Дьявольский человек вторгается в темный мир; ибо его магия стремится породить только дела и слова тьмы, по похоти тела и злой воле.

18. А перерожденный идет со своей магией в себя, в истинное святое небо святой тинктуры света, до священного числа три и постигает в своем вожделении самостоятельное, говорящее Слово⁴ или Софию,

⁴ Здесь и далее автор прямо заимствует понятия Бёме, в которых мир предстает как бесконечный отзвук первого, а по сути, и единственного Слова, звучащего вечно. Это Единственное Слово Бёме всегда пишет на латыни, и оно набирается в его сочинениях латинским шрифтом (в отличие от готического), это слово FIAT — «ДА БУДЕТ!». Ср. у Ангелуса Силезиуса: «Niemandt redt weniger als Gott ohn Zeit und Ort; // Er spricht von Ewigkeit nur bloß Ein Einzigs Wort» (*Ангелус Силезиус*. Херувимский странник. С. 290. «Никто не говорит меньше, чем Бог вне времени и места; // Он говорит от вечности лишь Одно Единственное Слово». Подстр. пер. мой. — С.Ш.). Оно звучит вечно как первосмысл каждой вещи и каждого явления мира и повторяется на новых и новых уровнях разрастающегося и множасьегося смысла, и каждый раз смысл — это семя «говорящего Слова», из которого вырастает «сказанное», а оно для еще более внешнего уровня воплощения звучит вновь как «говорящее»: «...сказанное это модель говорящего и вновь содержит в себе речь (sprechen), эта речь — семя второго образования по образу первого» (*Böhm J. De signaturarum*. S. 714. Пер. мой. — С.Ш.). При этом репрезентация исходного смысла в модели одновременно является — по частной собственной воле нового образования — его искажением и тем самым — сокрытием, что было хорошо понятно и в последующие века, ср. у Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Поэтому у Гихтеля молитва осмыслена как способ проникновения

Scan Series by Tades Bekatorff

19. И с *Verbo Fiat* рождает из всех своих молитв святую Троицу с небесной мудростью;

20. И только этот молится в духе и истине настоящему, истинному, триединому Богу, и его молитва — это Да и Аминь на небе и на земле.

21. Прочие держатся своих привычных слов и создают формы собственной воли по вожделению внешней жизни, в чём нет действенной силы.

22. Правда, я слышал многих, в прочем вполне благонамеренных, людей, говоривших о своем поведении в уверенности, что во всех своих внешних делах они служат Богу и могут молиться Ему.

23. Чему я не хотел возражать, поскольку не каждый способен различить Бога и природу или *Gradus* [уровень] миров и небес и не понимает, что действительно значит молиться в духе и истине.⁵

в «говорящее Слово», персонифицируемое образом Софии, — минуя «формы собственной воли».

⁵ Здесь отчетливо проявляется влияние Вайгеля на Гихтеля: вновь и вновь возвращается эта мысль в его «Книге о молитве», так среди прочего на стр. 36, 44, 55, 117, и глава 18 целиком посвящена этой теме. На стр. 82 мы читаем: «Потому, кто хочет воззвать к Богу в духе и истине, тот должен покинуть и забыть время, место, всех тварей, ... здесь и там, это и то, сегодня и завтра, и прийти к покою всех сил (своего) духа (*Gemüt*). Но как только наступит такая суббота в твоём сердце и мыслях, так явится Бог с Его Словом из высоты [небесной]; тогда ощутишь и вкусишь ты верность, благодать и истину Бога, какой она давным-давно ждала тебя, прежде чем ты Его узнал». И на стр. 145 далее: «И в такой субботе мы обретаем всё, без исключения.

24. Так что ради неразумия простецов надо нести сострадание и уповать на Христа, который есть заступник наш пред Богом, нашим Отцом Небесным, и милосерд к слепым овцам, не имеющим истинного учителя и наставника.

25. Среди истинно верующих есть еще большое различие по тому, насколько каждый тверд или еще не тверд в истинной любви или стоит в наивном или глубоком познании, что нет нужды [здесь] изъяснять: Бог есть и остается податель Себя Самого, если только мы всерьез желаем Его.

26. По моему опыту и *Praxi*, истинно молиться не означает произносить много слов; но — погружение душевного духа (*Seelengeist*) или воли в Бога и порождение святой Троицы и мудрости из семи образов природы.

27. Что совершается посредством магии или жажды веры по мере того, как воля находит себя в магии и жажде того, что она хочет иметь и о чем хочет просить.

28. Но поскольку воля очень тонка, как мысль, и должна иметь тело, в котором она может действовать, то вбирает она в воображение обеты Христа как свое тело и с вожделением проникает в Бога;

29. Но вследствие вожделения делается твердой, суровой, темной и боязливой и чувствует в себе лишь Вот что значит молиться в духе и истине, но для этого потребно усердие и длительное упражнение, чтобы ты обратился ко Христу во внутреннего человека: Бог хочет иметь не твою волю, суету или беготню, а твою субботу, чтобы Он Сам мог вершить в тебе Свое дело. — Прим. П. Мартина (S. 162).

сомнение и *Нет*, что меня по началу, пока я не понял рождения Божьего, немало турбирovalo⁶.

30. Ибо я не хотел *Нет*, но — *Да*, а все же находил только тем больше страха, чем сильнее распалялся в вожделении, так что должен был даже отступить; но через короткое время обращался вновь, проклинал сомнения и *Нет*, и обретал желание проникнуть в свет Бога.

31. Тогда в порыве вожделения навстречу мне явился Дух Божий и возжег огонь в *conjunctio*⁷, через который моя боязливая воля почувствовала себя в приветной радости в свете и была услышана.

32. Ибо тут всё было *Да* и Аминь, и сомнения не было и следа.

33. Через эту Praxis, в которую Бог ввел меня в молитве, мне было открыто затем основание семи образов и трех Принципов Бёме, о которых он пишет во всех своих сочинениях.

34. Из чего я узрел столь многое, что его читатели, если сами они не введены Богом в эту Praxis, едва ли поймут [всю] глубину.

⁶ См. прим. к параграфу 145 главы 4.

⁷ В словоупотреблении автора, несмотря на терминологическую конкретность, видится многозначность или двойственность смысла. С одной стороны, лат. *conjunctio* (союз, соединение) может означать здесь обретенный, наконец, союз с Богом. С другой же, конъюнкция, в астрологии так же называемая соединением, — один из аспектов планет, состоящий в совместном воздействии на личность двух планет, стоящих близко друг к другу.

35. Потому что, например, я узнал, что пройти через строгий гнев Божий первого темного принципа это суровый путь, который требует не только решимости, но и неустрашимого мужества, которое, однако, не в собственных силах человека.

36. Так пусть любящий последователь будет уведомлен из опыта, что ему следует крепко держать любовь в своем желании и воображении и не отпускать от себя, как бы ни было тяжело;

37. Тогда во всякое время он обретет мужество, когда гнев устршит его, придут сомнения и неверие, так что он уверенно проклянет это и вместе с тем будет все дальше в воображении проникаться любовью — так он, верно, почувствует, как ослабевает и падает гнев.

38. Мне пришлось, правда, вначале перенести жестокий удар, когда гнев водвинул мне в нрав [*Gemüth*] смертный грех против Святого Духа, как будто я ругал Бога:

39. И впал оттого в извращенное смирение, потому что я еще не читал Бёме, откуда я почерпнул разумение [того], что такое поругание, любовь и гнев, Бог и не Бог.

40. Непросвещенному нраву наше описание, конечно, покажется чуждым, да и наполовину просвещенному, который еще не преуспел в таком упражнении, — весьма сомнительным:

41. Но я представлю тебе сравнение с семенем: смотри, когда оно посеяно в свою матку, оно должно умереть и пройти через все семь образов природы, прежде чем снова принесет плод, который никто не сможет отрицать, кто хоть немного любит правду.

42. Ибо растущая сила в семени гонит в рост при помощи дождя и света солнца; ибо если бы не было магнетического стремления в семени, было бы семя мертво, и ничего не могло бы вырасти.

43. Так и магическое или магнетическое вождение душевной воли или нрава есть создатель и исток того, что воля ухватила своим воображением, именно благородный нежный свет Бога.

44. Когда же ты породил в себе прекрасный нежный свет, в котором живет Святая Троица с вечной мудростью, тогда просвечено все твое тело, в котором ты имеешь великую радость.

45. Но во внешнем нраве она длится недолго; ибо красный дракон, как червь в душе или темный Принцип, ожесточенно алчет и поглощает ее вновь в своем великом магнетическом голоде ярости, чтобы его же тем утолить.

46. И если ты хочешь, чтобы твой благородный свет снова светил в тебе, то ты должен рождать его в себе вновь и вновь; так что в твоей душе идет ожесточенная борьба за верховное правление между любовью и гневом,

47. Что постоянно принуждает тебя к молитве и оставляет мало свободного времени, ибо это стоит очень большого усердия.

48. Каковая борьба длится так долго, пока, наконец, гнев не истощится и не сдастся любви, из чего в душе рождается великое милосердие Божие.

49. Я пишу из собственного моего опыта и без упрека оставляю каждому его собственный; поскольку

мне пришлось многое выстрадать и таиться под мрачным черным покровом дьявола оттого, что дракон восстал в моих братьях и всегда хотел утопить во мне мою благородную жемчужину света в потоке своей ярости;

50. Но всё же, благодаря серьезной помощи моей верной Девы, не смог пробиться к победе. Слава Богу вовеки!

51. Когда Христом ты вновь принят в христианское сословие и вновь рожден водой и Духом, тогда ты — избранный священнослужитель Всевышнего, которому дано право входить в святая святых в тебе самом.

52. Ибо Слово теперь эссенциально явлено в твоём сердце и устах и тебе доверено божественное кадило, то есть дух молитвы,

53. Чтобы ты как истинный член Христов должен был за всех людей, евреев, турок и язычников, которые еще стоят снаружи в преддверии плоти, жертвовать молитвы, заступничество, жертвы хвалы, благодарности и примирения и представлять во Христе Иисусе твою душу как Anathema за их [души],

54. Чтобы ты должен был постоянно совершенствоваться в любви Иисуса и в молитве вводить её в огненный острый голод гнева для его усмирения и утоления.

55. Ты не должен зарывать в своей собственной душе твой духовный талант и для себя одного беречь небесный припас, но должен всегда проливать свой молитвенный ручеек в твои ветви-сочлены и приносить Богу плоды своей любви и первенцев — так Бог может благословить тебя и придавать тебе всё новые силы,

Scan Series by Tades Bekatorff

56. И при таком упражнении за один год продвнешься внутренне дальше, чем иные за много лет; что вместе со мной должны будут признать все опытные.

57. Тебе не следует выходить вовне, но — только внутрь, и дать исходить Духу Божьему, Он направит твои молитвы как надо и призовет милых невест, которые будут сердечно благодарны тебе и Богу за то, что благодаря твоей прилежной работе в их душе наступает благодать.

58. И если даже случится, что их самость, как красный дракон в них, не пожелает войти в любовь и выступит тебе навстречу с звериной ревностью и гневом;

59. То ты должен оставаться лишь в любви Иисуса и никогда не выпускать ее из своего воображения и воли, не отступать ни на шаг от твоих гневных братьев и вторгаться с твоей любовью в молитве и духе в их гнев, пока он не сдастся любви Иисуса и не превратится в нежное милосердие.

60. Ибо ты сам с твоим Иисусом должен породить любовь в гневе и возродить твоих гневных братьев в Иисусе Христе как в вечной любви.

61. И думать только, что ты от Бога к тому помазан и поставлен пред натиском твоих братьев просить за них, примирить их с Богом, помолвить и объединить их.

62. И что в этом состоит твоя служба в этой земной юдоли, чему ты должен быть верен до конца и возносить и боготворить Иисуса превыше всякой власти, могущества, силы и царств.

63. И если даже собственная воля в том или другом воспротивится, то остановись в воле и смотри, куда склонится ангел совета со своим посланием.

64. Ибо твоя молитва не должна вернуться пустой, но должна исполнить Божью волю.

65. Потому, мой дорогой читатель, кто бы ты ни был, узнай здесь, что истинный эссенциальный христианин это тяжело трудящийся и аккуратный работник в Божьем винограднике и храме, который постоянно должен биться с Божьим гневом в детях неверия и с дьяволом и низвергать все высоты рассудка, которые хотят возвыситься в нраве, и мечом духа разбивать всех врагов Иисуса слева и справа,

66. И совсем мало имеет праздности и покоя в этом мире, и должен всегда бодрствовать в посте и молитве, чтобы дьявол из темной бездны не одолел и не поглотил у него благородную жемчужину света, которой он враждебен сверх всякой меры;

67. И ни в коем случае не проводит свое время в безделье и лени, к чему его совращает мир, и не жаждет кормиться от излишеств богатых.

68. Ибо если он этого желал бы, то он должен был бы остаться в миру, ловчить, скупиться, наживаться, загребать, покупать, продавать, догонять и убегать, и жить по смыслу мира, чтобы иметь в мире покой и в плоти довольство, славу и богатство.

69. И не должен был бы уходить из мира, следовать в возрождении Христу и отвергать всё временное вплоть до рубашки, прикрывающей срам.

70. В каковой жизни он совершенно чужд всем людям и идет прочь в великой земной бедности, чтобы достигнуть лишь благородной жемчужины глубокого познания Бога и самого себя.

71. Да и сам дьявол скрывает ее своим темным покровом грехов, дабы она в этом мире не могла быть узнана и не уводила души из его свинарника.

72. И, конечно, мир не стоит такой верной души, потому Бог позволяет ей оставаться такой скрытой, чтобы она не могла быть узнана и растерзана боровами дьявола.

73. И совсем великая милость, когда Бог удостаивает чести неправую мамону какого-нибудь богача, чтобы тем помогать и подкреплять таких скрытых бедняков:

74. Потому что это тоже делает лишь Дух Святой, тогда как они внешне не узнаваемы и никому не в тягость, не жалуются на нужду, а живут в ладу с Богом, как Он с ними обходится.

75. Ибо они бедные Его, а не мира, потому Бог хорошо их знает, и они тоже знают Бога

и стремятся славить Его
и молиться только Ему,
пока не придет их
КОНЕЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

С. М. Шаулов. ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ	4
ГЛАВА I	61
Предварение	63
О великом Mysterio Божественного откровения по времени и вечности в образе человека	65
ГЛАВА II	79
Предварение	81
О природном человеке	83
ГЛАВА III	117
Предварение	119
О возрожденном человеке	121
ГЛАВА IV	137
Предварение	138
О внутреннем человеке, по образу Бога и Божьему жительству в нём как в храме Его	142
ГЛАВА V	169
О битве Михаэля и дракона	170
ГЛАВА VI	201
О молитве	202

Научное издание

Иоганн Георг Гихтель

THEOSOPHIA PRACTICA

ГДЕ ИЗОБРАЖЁН ВНУТРЕННИЙ СОВЕРШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК:
ВСЕЦЕЛО БЛАГОСЛОВЕННЫЙ И ПРОСВЕТАЁННЫЙ
ВО ВСЕХ ТРЕХ ПРИНЦИПАХ БОЖЕСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ

*Перевод с немецкого и вступительная статья —
Сергей Михайлович Шаулов*

Главный редактор: В. В. Постован
Ответственный редактор: О. Ю. Ялалетдинова
Оформление и верстка: И. Х. Гизетдинов
Художественное оформление обложки: З. Ш. Кафиева
Корректор: Д. И. Загитова

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Формат 84x108/32. Тираж 1000 экз. Заказ № К-795. Печать
офсетная. Гарнитура Mysl. Подписано в печать 17.03.2014.

Издательство "ARC"
450083, г. Уфа, ул. Рихарда Зорге, 35
www.arc-press.ru
E-mail: arc-books@mail.ru
тел. 8 (917) 734-67-11

